

Николай Романов

**День за днем
и жизнь за жизнью**

1944

Н. Романов

День за днем и жизнь за жизнью

1944 год

**В том, что эта книга увидела свет,
огромная заслуга главной Берегини
страны Людмилы Федоровны
Кириченко.**

В обеспечении издания книги принимали участие Ф. Ф. Абдумаликов, А. В. Бадусев, И. А. Буков, Б. И. Безкоровайный, А. В. Бобрицкий, Г. П. Вергунов, И. В. Дубравин, П. М. Жердев, В. Н. Замай, Е. А. Изотова, Е. И. Кирилева, А. П. Лысенко, Т. Л. Магазинская, А. П. Макарова, Г. И. Малахов, Н. Г. Миц, А. В. Мурушкин, А. В. Никольский, А. И. Пашенко, З. К. Путренко, И. Н. Проворченко, В. П. Рудов, Н. С. Северин, А. В. Силкин, В. И. Федорова, Л. К. Ушакова, И. В. Шкепу, Н. А. Яровая, А. Г. Яровой, президиум Краснотуркменского городского совета ветеранов.

г. Красный Луч

ББК 63.3(2)622
Р 69

Романов Н.

Р 69 День за днем и жизнь за жизнью: в 5 т. - Донецк: Руденко С. А., т.4: 1944 год. - 2005. -208 с.
ISBN 966-8842- 00-6
ISBN 966-8842- 01-4 (т.4)

Это произведение — в пяти томах. Каждый том — год Великой Отечественной войны.

День за днем и жизнь за жизнью раскрываются перед читателем в рассказах краснолучан. Говоря о своем видении события, дня, минуты, они помогают представить общую картину трагедии, постигшей нашу Землю. Есть в книге и исторические документы, и письма с фронта, и свидетельства оккупантов.

Книга особенно полезна людям, которые родились после войны. Тем, кто разминулся со своими отцами, бабушками, дедами.

ББК 63.3(2)622

Романов М.

День за днем і життя за життям. 1944 рік

Це твір — у п'ятьох томах. Кожен том — рік Великої Вітчизняної війни.

День за днем і життя за життям розкриваються перед читачем у розповідях краснолучан. Говорячи про своє бачення події, дня, хвилини, вони допомагають представити загальну картину трагедії, що спіткала нашу Землю. Є в книзі й історичні документи, і листи з фронту, і свідчення окупантів.

Книга особливо корисна людям, які народилися після війни. Для тих, хто розминувся зі своїми батьками, бабусями, дідами.

ISBN 966-8842- 00-6
ISBN 966-8842- 01-4 (т.4)

Анатолий Коробкин:

Наступает 1944 год. Идет снег, метет поземка. Холодно. Собрались в одной землянке Беспалов Александр с ординарцем Сергеем, лейтенант Михайлов и еще человек пять. После разошлись по своим окопам и землянкам. Я пошел с Михайловым в свой взвод. Через несколько минут по телефону сообщили, что убиты капитан минбатарей Беспалов и его ординарец Сергей. Их сразила случайная пулеметная очередь, когда шли на свою батарею.

Павел Нагорный:

Прошло более двух лет оккупации. И вот уже загремело с востока. Люди на этот «гром» Богу молились. Он радовал, оживляя, обнадеживая. Освободив Кировоград, наши войска пошли дальше, но у села Б. Выски столкнулись с бронетанковой армией немцев. Произошел жестокий бой. За селом, на поле боя, остались лежать сотни погибших и десятки наших и вражеских подбитых танков. На несколько месяцев установилась линия фронта.

Немцы прямо с поля боя стали расселяться по хатам. Маскировали свою технику по садам и в кустарнике. В нашу хату с вещами и кружками зашли три немца. Молча разделись, настелили соломы на глиняный пол. Двое легли отдыхать, а один стал щекотать меня. Да так, что я не вытерпел и сказал ему:

— Дурак!

Тогда он чисто по-русски сказал, что пристрелит меня, как щенка. Мать еле уладила этот конфликт.

Оказалось, что его зовут Штрук, двое других — Макс и Фриц. Жили мы мирно. Они делились с нами провиантом, а я для них ходил на кухню за едой. Там помогал поварам, и за это они меня подкармливали, а кое-что удавалось приносить домой. На моем иждивении

была большая мать и сестренка 4-х лет. Старших братьев и сестру угнали в Германию.

Так я в 14 лет стал кормильцем.

Мария Козьмина:

Готовился рейд в Польшу на Сан и Вислу. Нужно соответствующее снаряжение. Соединение большое, самолетом все необходимое для рейда переправить невозможно. Поэтому переправляли все через линию фронта на волах. В том числе и радистов.

Разведка хорошо сработала, определила, где можно устроить партизанский коридор под Овручем. До Овруча довели на грузовиках, а затем перегрузили на подводы и волами отправили через линию фронта. Мы везли с собой 4 пушки 76-миллиметровые. Четверо битюгов тянули. Там и госпиталь, и врачи.

Шли пешком. Потому что сильно груженные были возы. Колеса вгрузали в песок по самую ступицу. И так мы переправились.

Много-много подвод шло с оружием, все что нужно для рейда было. И оно нам все пригодилось и даже не хватило. Потом нам сбрасывали в мешках с самолетов.

В рейд вел Вершигора Петр Петрович — «Борода».

В. Бондарь:

3 января 1944 года Государственный комитет обороны принял решение о восстановлении химзавода имени Г. И. Петровского. Первая очередь должна была войти в строй в марте с мощностью 10 тонн аммонита в сутки, а вторая к июлю 1944 года с мощностью вдвое больше.

В невероятных трудностях приходилось работать. Отсутствие транспорта, оборудования, необходимых материалов, перебои в обеспечении продовольствием — типичные явления того времени. Но, несмотря на все это, заводчане с огромным энтузиазмом восстанавливали свое родное предприятие.

Слесари, руководимые механиком Павлом Андреевичем Панковым, восстановили паровоз узкой железнодорожной колеи, что дало возможность доставлять грузы в цех № 2.

Энергетики из сохранившихся остатков оборудования смонтировали и ввели в эксплуатацию два паровых котла, электрогенератор, электроподстанцию. Изо дня в день, по крупицам собиралось все, что могло быть использовано для восстановления завода.

На заводе было всего 2 токарно-винторезных станка и один свер-

лильный. Патронировочных машинок было всего 5, гильзовых автоматов — 1. На протяжении года завод располагал всего 2 автомашинами и одной лошадью. Но велик был энтузиазм трудящихся завода, и, несмотря на огромные трудности, они успешно решали поставленную задачу. План выпуска товарной продукции в 1944 году был выполнен на 129,6 %.

В 1944 году звания фронтовых бригад добилась бригада участка сушки, возглавляемая Свиридовым С. М., выполнявшая сменные нормы на 156 — 167 %, бригада грузчиков Носко И. К., выполнявшая нормы на 150 — 160 %. Патронировщицы Камашина А. С. и Ермоленко В. П. выполняли нормы выработки на 152 %.

Из летописи химзавода имени Г. И. Петровского:

Замечателен трудовой подвиг семнадцатилетнего вальцовщика Семена Ивановича Стомина. Парень пришел на завод и сразу же обратил на себя внимание трудолюбием, пытливостью, стремлением улучшить работу. Как только его выдвинули вальцовщиком, Стомин внес предложение доставлять порох из варочного цеха в утепленных мешках, а на месте вальцовки подогревать его до нужной температуры. Все его движения были собранными и четкими. Он тщательно готовил рабочее место, на работу выходил за полчаса до смены. Работа у него, как на конвейере: без перебоев и простоев. За всю войну в смене Стомина не было ни одной вспышки, ни одной травмы, а производительность труда поднялась на 30 %. Опыт Стомина был подхвачен другими вальцовщиками. Красная Армия получила дополнительно миллионы зарядов, а бригада Стомина — сотни писем с благодарностью от фронтовиков.

А. Дрюшина:

В Красном Луче открыты детские ясли на шахтах №№ 17/17-бис, 16 им. Кагановича, 16-бис им. «Известий» и «Сталинский забой».

Вновь организована детская консультация и молочная кухня.

Мария Козьмина:

Я получала от мамы письма. И не одно.

Когда самолеты прилетали, почту привозили. Представляете, в партизанский отряд привезут тюки писем из Москвы или откуда. Тот получил, читает, а тот не получил и плачет.

Иван Бирюков:

В начале 1944 года после госпиталя попал в Западную Белоруссию. Я уже стал автоматчиком. Шли мы на Витебском направлении. Нам помогли «катюши». Они так хорошо постреляют, а потом уже мы идем в атаку.

Погода нас не баловала. То подморозит и пойдет снег, а на другой день идет дождь. Выроешь окоп, как будто сухо, смотришь, через несколько часов в окопе вода. А куда деться, ждешь, хоть бы быстрее была команда вперед, в наступление. Наше командование хотело Витебск взять зимой, но не удалось. Только летом наши полки взяли Витебск. Я не дошел до Витебска километров 9. Отправили в госпиталь в Челябинскую область. Комиссовали из госпиталя по инвалидности.

Варвара Чумаченко:

Порог швейной фабрики впервые переступила семнадцатилетней девушкой во время войны. Фабрика помещалась в полуразрушенном здании горсовета. Красный Луч лежал в развалинах. Ходила на фабрику из поселка Хрустальского.

Мы шили военное обмундирование и одежду для раненых. Каждую гимнастерку, плащ-палатку, шинель старались пошить с особой тщательностью. Ведь у каждого на фронте был родной или близкий человек. На фронте были и мои братья Георгий и Александр.

А. Тищенко:

Проходя через освобожденные города, мы с болью смотрели на разрушенные заводы, на сожженные села. Но большее всего было видеть казненных советских людей, замученных и растерзанных народных мстителей. В городах и селах Украины и Белоруссии мы видели виселицы...

За день до нашего прихода в одной деревне фашисты расстреляли 450 человек. Причем предварительно заставили свои жертвы вырыть себе могилу. Жертвы фашистов — старики, женщины, дети...

Николай Гладышев:

7 января показательный суд над расхитителями социалистической собственности: бывшим бухгалтером смешанного торгового Ковтун, плановиком Дубовецким и кладовщиком Дмитриевым — приговорил

их к 7, 5, и 2 годам лишения свободы. Эти преступники разворовывали масло, консервы, предназначенные для выдачи рабочим электростанции.

Дмитрий Козьмин:

На четвёртом году Великой Отечественной войны в лесах над Бугом, недалеко от Брест-Литовска, партизанский отряд стоял в большом урочище, раскинувшемся на многие километры. Отрядом командовал подполковник Евгений Иванович Мирковский.

Над нашими головами низко прошёл немецкий самолет «фокке-вульф». Он летел как-то тяжело, мотор давал перебои. Недалеко от места расположения партизанского отряда он сел. Мы поняли, что враг подбит. Все, кто был свободен в это время, побежали к месту, где приземлился вражеский самолет. Это оказалось совсем близко, на поляне. Самолет цел. Вокруг — никого. Как потом выяснилось, немецкий летчик убежал в лес, но вскоре его поймали партизаны соседнего отряда.

Все мы с интересом стали осматривать фашистский самолет, садились за штурвал, шутили. Самолет имел на вооружении 2 автоматические пушки и пулемет. Кто-то предложил:

— Ребята, давайте заберем пушки. Вот будет здорово — шахраем по фашистам!

Нашлись специалисты, которые определили причину аварии самолета: перебит бензопровод. В баках обнаружили много бензина.

Задумались, как снять пушки, к ним ведь имелось большое количество боеприпасов. Прошло некоторое время, прежде чем удалось снять обе пушки, ведь инструментов почти никаких. Обе пушки вместе со снарядами переправили в лагерь. Решили их заставить служить партизанам. Разведчик Дмитрин особенно приглядывался к механизмам пушек. Все ходили вокруг и старались помочь «пушкарям», артиллеристам. Каждый вносил свои предложения. Помощников так много, что пришлось их попросить не мешать. Одну пушку пристроили на два обычных колеса, снятых с повозки. Другую уничтожили.

Стала «воздушка» на колеса, к ним пристроили лафет из дерева, его обшили листами алюминия, тоже снятыми с самолета. И вот пушка на ходу. Решили попробовать ее в действии, тем более, что снарядами предостаточно. Зарядили, приготовились, но выстрела не последовало. Подумали и поняли: пушка ведь автоматическая и стреляла при помощи электротока, идущего от мотора самолета. Ну как тут быть? Какой придумаешь выход? Столько возились, старались, а пушка стрелять не хочет. И механизмы вроде действуют безотказно. Опять для

партизан загадка — как беде помочь? И как всегда случается — смекалка выручила. Разведчик Димка стал сверлить в снаряде капсюль. Очень осторожно, медленно, простым буравчиком. Оболочка довольно толстая. Дойдя до взрывчатки, сверло осторожно вынимал. Всем приказывал отойти подальше. Отверстие залили воском. Снаряд готов. Зарядили. Попробовали снова произвести выстрел. Получилось! Вместе с эхом разнеслось партизанское «ура». Вверх полетели шапки:

— Качать пушкарей!

К слову сказать, тот сбитый немецкий самолет тоже пошел на пользу. Из алюминия партизаны изготовили много ложек, мисок, нашли умельцы и на это. Не один партизан носил за голенищем ложки, в шутку называя ее «подарком Гитлера».

Ольга Василевская:

В начале 1944 г. в нашу партизанскую бригаду стал прилетать самолет из Москвы. Он привозил медикаменты и боеприпасы и забирал тяжелораненых, больных и женщин с детьми.

Мне уже стало не так страшно за раненых. Мы сможем их спасти. И не придется их класть на снег, пока партизаны построят землянки.

Тараканов:

Комсомольцы Аджарской АССР прислали молодым горнякам Красного Луча три вагона с шахтными инструментами, оборудованием, продуктами. 8 тонн картофеля, десятки тонн различных фруктов, а также теплые вещи делегаты комсомола Аджарии тт. Мурузиди и Сванидзе вручили горнякам.

Павел Нагорный:

В январе сорок четвертого после освобождения Кировограда фронт стабилизировался в двадцати пяти километрах западнее города, а наш районный центр все еще оставался у немцев. В каждом доме жили по 5 — 6 немцев.

Однажды утром соседка рассказала, о невероятном событии: к ней приходили наши. Среди ночи они легонько постучали в окно. Немцы приказали хозяйке выйти посмотреть, кто там. Они поняли, что это не свои: немцы стучат не так скромно. И обязательно орут. Постояльцы объяснили хозяйке, что «пух-пух» не будут.

У порога стояли двое в белых маскахалатах. Тихонько поздоровались. Когда сказали, кто они, она не поверила. Они сняли шапки и показали звездочки.

Она расцеловала солдат и сказала, что в хате 4 немца, дети и старушка и что немцы пообещали не стрелять.

Красноармейцы попрощались и ушли.

Один немец спросил хозяйку:

— Матка, там русский зольдат?

— Так.

Он показал на глаза и рот, дав понять, что ни она, ни они ничего не видели, не слышали и не говорили.

Да, это уже были не те немцы из сорок первого года. Они были не только научены, но и проучены. Отпала охота героически погибать за своего фюрера.

Анна Нетудыхатка:

В начале войны в концлагеря людей привозили сотнями, к 1944 году счет пошел на тысячи. Сразу же после прибытия узников стригли, передевали в полосатые робы с номерным знаком на груди, на ногах — деревянные «чуни». И зимой, и летом одежда одна и та же. Подъем — в три утра, отбой — в одиннадцать. На четверых выдавалась буханка хлеба, непонятно из чего изготовленная, литр супа из брюквы или бурака. Купаться не доводилось, кругом грязь, болезни. Трехъярусные нары забиты людьми. 4 часа сна — и вновь на работу. В основном занимались земляными работами да переносили бревна из одной кучи в другую.

Разум человеческий отказывался понимать, как могут люди совершать подобное. Зверство в данном случае — неподходящее слово. Ибо зверь никогда до этого не додумался бы. Маленькими детьми, оторвав их от матерей, набивали чемоданы и несли к печам. Иногда чемодан раскрывался, и дети выкатывались на землю, посиневшие от крика и слез. А их матери, не выдержав горя, в страшных конвульсиях умирали на колючей проволоке, через которую проходил ток. Самым страшным для меня оказался первый концлагерь — Освенцим.

Николай Гладышев:

Замечательно трудятся восстановители шахты № 5-бис (зав. тов. Голенко). Они досрочно восстанавливают объекты шахты. Из месяца в месяц выполняют и перевыполняют планы угледобычи шах-

ты № 10/10-бис, «Сталинский забой», № 4-бис. Героически трудятся патриоты — восстановители Штеровской электростанции, где парторгом тов. Бархатов. Растет с каждым днем плеяда новых замечательных стахановцев. Их имена — шахтер Иван Кузьминский, бригадир Вера Игнатенкова, электрик т. Вертиев и сотни других славных тружеников.

Скоро Красная Армия очистит от врага родную землю. И могучим эхом, как символ величия и славы прозвучит по всему миру:

«Славься, Отечество наше свободное,

Славы народов надежный оплот!

Знамя советское, знамя народное

Пусть от победы к победе ведет!»

В. Якунин:

Белоруссия. Я связной при штабе полка у лейтенанта Игнатенко. Начальник штаба приказал лейтенанту съездить в одну часть, получить там ящик и привезти его в штаб. Задание несложное. Снег хороший. Нашли часть, получили, поехали обратно. Уже темнело. Стали подъезжать, мигнул фонарик. Стоп, у наших фонарики — редкость. Потом слышим окрик: «Хенде хох!» Приехали...

Лейтенант сориентировался быстро. Развернул лошадь, стегнул ее, бросил мне вожжи, а сам за автомат — и по немцам. А они уже по нам палят. Словом, удрали от них. Села здесь часто переходили из рук в руки. Так случилось и в этот раз. Ящик мы, конечно, доставили. Видимо, там были ценные документы, поскольку и лейтенанта, и меня представили к награде.

Александр Бесчастный:

Шагает по запыленному большаку маленький человек в старых сапогах, в потрепанном пиджачке, через плечо перекинута холщовая сумка. По дороге встречаются немецкие машины, пешие гитлеровцы, полицаи. Никому из них и в голову не приходит, куда идет четырнадцатилетний деревенский парнишка. А шел я в лес, где укрывались четыре командира Советской Армии, окруженцы.

Я встретил их, когда собирал хворост, и две недели носил им еду. В последний день предупредил этих четырех ребят о том, что готовится облава. На обратном пути сам попал в руки карателей. Избили, бросили в бричку, повезли на станцию. Вагон, битком набитый измученными евреями, военнопленными, отправили в Германию.

В концлагере постоянные унижения, избиения, голод и холод,

изнурительный труд. Нужно бежать. Но с кем? Одному по чужой земле не пройти, нужен напарник. Предложил парню из Сибири — Ивану Зорину.

Жандармы нашли, жестоко избили и вновь отправили в лагерь. С первого же дня стал готовиться к новому побегу. На этот раз нас было трое: русский, украинец и белорус. Шли ночами по глухим лесным тропинкам, по заросшим кустарником обочинам, днем прятались в сараях, в стогах. Но снова попались. И снова побои, издевательства. И снова Германия, концлагерь, каторжный труд под прищелом. Хлыст и палка.

Василий Бойченко:

Ефрейтор не ведает всех маршрутов бригад и полков корпуса, но он помнит боевой путь своего отделения, взвода. На трех танках с юга обошли город Никополь и устремились на запад. Когда подошли к железнодорожной станции Чертомлын, кончилось горючее. Взвод спешил. А на станции полно фашистов. Завязался бой. Здесь я снова был ранен. Когда выздоровел, попал в 8-ю гвардейскую Армию.

Мария Козьмина:

Освободили село, немцы убежали, и хозяева почему-то тоже исчезли. Возможно, прислуживали фашистам. Зашли в одну хату, решили передохнуть, приготовить что-нибудь себе, все ж время походная пища. Стала в печи возиться, смотрю, что-то там серое, круглое. Похоже на мину. Позвали саперов. Разобрались. Мина оказалась вкусной. Это немцам готовили сальтисон. Парни не дали ему пропасть.

Н. Спицын:

В начале года в звании старшего сержанта направлен в 239 отдельный ремонтный батальон помощником командира взвода. В боях за Полоцк получил очередное пулевое ранение.

Мария Машенко:

В пути эшелон разбомбили и оставшихся в живых 12 девушек-санитарок передали во 2-ю гвардейскую Таманскую дивизию, в которой я воевала более года — выносила раненых с поля боя.

В январе при взятии Аджимушкая меня ранило — перебило пра-

вую руку. Эвакуировали в госпиталь в г. Хоста. После излечения определили 2-ю группу инвалидности.

Виктор Малкин:

«17. 01. 44 г. Привет из белорусских лесов! Привет, Катенька, родненькая, прости за долгое молчание, во всем виноваты проклятые фрицы, этот месяц у меня было очень туго с «языками», а сейчас взяли «языка», и у меня есть свободная секундочка, в которую я сел писать тебе письмо.

Живем мы сейчас в замечательном белорусском лесу, в землянке, и мой отдел также помещается в хорошенькой землянке, работать приходится очень много.

Но как бы работа ни «веселила», если бы ты знала, как я скучаю по тебе, как мне хочется увидеть тебя с дочуркой, ведь нашей дочурке пошел второй годик. Из твоих писем я знаю, что крошка начинает ходить и разговаривать. В это время дети бывают самые занятные. В эти годы отец с матерью радуются своему дитю.

Катенька, родненькая, ведь я так далеко от вас, но я, как и ты, радуюсь своему ребенку. Я с гордостью читаю твои письма своим сотрудникам и боевым друзьям, и вместе радуемся. Свою любовь к вам я перевожу в ненависть к немцам, мы бьем и будем бить эту проклятую нечисть...»

Иван Смешко:

В начале 1944 года, почувствовав себя достаточно окрепшим, я попросился в армию. Это было нормой поведения наших людей: как можно находиться в тылу, когда идет такая война. И вот, признанный ограниченно годным, я опять в армии.

Трудно передать волнение человека, который возвращается в строй, пусть даже не к тем товарищам, с которыми начинал солдатский путь. Теперь мы шли вперед, но по-прежнему было нелегко.

Я. Сударкин:

В январе наша подводная лодка «М-201» (Малютка) получила приказ выйти в море на боевую позицию.

Баренцево море беспокойное, особенно в зимнее время, сильные штормы, морозы, снежные заряды, продолжительная ночь, сполохи северного сияния.

Ночь 19 января осталась в моей памяти как ночь расплаты за

злодеяния фашистов. Командир корабля Н. И. Балин направил подлодку в гавань неприятеля следом за немецким сторожевым катером. В гавани — большой транспорт стоял под разгрузкой.

— Торпедную атаку! Аппараты, товсь! Пли! — слова команды прозвучали четко и неожиданно.

Я стоял на сигнальной вахте. Две выпущенные торпеды не попали в цель, но попали в пирс. Мгновенно зарядили вторые аппараты... Транспорт вместе с грузом уничтожили.

Фашисты некоторое время находились в замешательстве, очевидно, думали, что бомбят с самолетов, и мы благополучно вышли из гавани.

Команда «Малютки» четко выполняла свои обязанности, каждый на своем посту знал, что от него зависит наше спасение. Мы знали, что за потерю такого транспорта на нас обрушат все имеющиеся средства уничтожения. Вскоре враги поняли, что это была подлодка. Начали стрелять осветительными снарядами, заговорила береговая батарея, бросились вдогонку катера-охотники с глубинными бомбами, и закипело море. Командир принял единственно правильное решение: спастись в их же минном поле. Враг боялся взорваться на своих минах. А мы, видно, родились в рубашках. Около четырех часов нас бомбили, но прямого попадания не было. Возвратились с победой на главную базу Северного флота, город Полярный.

В. Якунин:

Нам с лейтенантом Игнатенко поручили перевезти из одной землянки раненых. Там были старшина, сапер и медсестра Маша.

Мы подъехали на санях. Вошли в землянку. Я невольно попятился назад. Старшина и сапер убиты...

Медсестренке... Марусе... отрезали... голову...

Николай Гладышев:

20 января коллектив Штеровской электростанции, где начальником тов. Колесникова, рапортовал о досрочном восстановлении подстанции.

Подстанция пущена в эксплуатацию на три месяца раньше срока и обеспечивает бесперебойно подачу электроэнергии шахтам треста «Донбассантрацит». Все основное оборудование изыскано на месте.

Самоотверженно трудились на ее восстановлении мастер тов. Чуприна, монтер тов. Савченко, а также большую работу проделали

по восстановлению трансформатора работники механической мастерской тт. Глущенко, Мищенко и Тарабанов.

Мария Козьмина:

Очень берегли рацию. Если падали, то рацию старались держать двумя руками. Сам можешь разбиться, а рацию надо сохранить. Носили «Белку» через плечо. Бывало всякое. И во время бомбежки бросит тебя неожиданно так, что не успеешь даже сообразить, что падаешь, естественно, и рация ударялась. Потом оказывалось что-нибудь повреждено. Смола трескалась, проводочек какой-нибудь отрывался. Надо ремонтировать. Сеанс связи подходит, чувствуешь, что в воздухе вот-вот будут нестись позывные, включаешь. Если есть время, то заранее все эти проводочки распрямляешь. У меня пальцы были почему-то исколоты. Проводочки не медные, а стальные. В школе нас учили паять на костре, чтобы можно было отремонтировать радиостанцию. У нас сеансы связи были только в дневное время. Ночью на марше.

Нина Янчин:

Блок питания отдельно. В рюкзаке. Сухие батареи. 12 килограммов. Подключаешь радиостанцию к блоку питания и работаешь. А еще для обеспечения питанием применялся «солдат». Это динамо-машина на трех ножках. Вращать ее было тяжело и нам специально выделяли солдата, который носил эту машину и крутил, пока мы передавали и принимали шифровки.

Мария Козьмина:

Одна моя динамо-машина закопана в чехословацком лесу. Я ее закопала, когда нам угрожала опасность.

В. Очеретяный:

Коллектив шахты «Сталинский забой» за 20 дней января дал сверх плана более 200 тонн угля. Бригада тов. Касаткина выполняет задание на 130 — 140 процентов. Зарубщик тов. Рябикин дает 135 процентов нормы, а П. Кравченко — по полторы нормы. Зарубщики тт. Попов и Зубенко выполняют сменное задание не ниже 160 процентов. Они замечательные мастера угля.

Вагонщик тов. Семенов каждодневно выполняет свое задание на 170 процентов. В ряды передовых выходят и молодые рабочие, недавно прибывшие с Полтавщины на нашу шахту. Они энергично овладевают шахтерскими квалификациями. Тов. Сидоренко овладел

профессией слесаря и теперь работает не хуже старых, кадровых рабочих. Нина Пылых стала лебедчицей. Она уже выполняет норму.

Евгений Колесников:

Под Корсунь-Шевченковским был в экипаже моего танка водитель Иван Петренко. Когда мы освобождали Полтавщину, он попросил:

— Командир, когда освободим село Диканьку, подъедем к моей хате, вы пойдете к матери и спросите ее: «А где ваш сын Иван?» Она скажет: «Нет его, видно, погиб...» А вы в ответ ей: «Выйди, мать, к воротам, посмотри, кто в танке сидит».

Обещал я Ивану так и сделать. Да, видно, у войны свои счета. От разрыва вражеской бомбы погиб мой механик Иван Петренко.

Василий Козорезов:

В феврале 1944 г. я был участником разгрома Корсунь-Шевченковской группировки немцев. На окраине села Комаровка наш 220 кавалерийский полк оказался отрезанным от основных сил.

Мы с Апраксимовым Валентином (родом из Краснодарского края) были связными. Командир полка подполковник Вдовиченко приказал нам вывести этих 250-300 человек через лес. Ночью добрались к лесу. У местного жителя расспросили, как лучше вывести людей через немецкую линию. Оборону мы прошли благополучно. Добрались до полка. Все солдаты и командиры находились в окопах, не подозревая о том, что полк отрезан от наших. Мы доложили командиру 4 эскадрона капитану Кожевникову о случившемся.

Это было примерно в два часа ночи. Немец нас обнаружил и открыл шквальный огонь. Тем не менее, нам удалось к утру вывести полк без потерь. В другом бою мой товарищ погиб.

Мария Козьмина:

Командир Кульбако говорит:

— Такая обстановка, что сегодня все на лошадях. Будьте готовы.

А я переживаю. Днем страшно, а ночью тем более. Нина села и поехала, а я мучаюсь. Во-первых, залезть не могу. Надо лошадь выбрат. Если хребет у нее, худая, сильно бьет, стучит по тебе, больно ехать. Потом ходить не могу. Подберут не худую, а полную, у нее живот большой, ноги ее не охватывают, чтоб до стремян достать.

Это для меня мучительно. А потом снимут с лошади, свалишься на чьи-нибудь руки, а ноги вот так, колесом. Где поставили, там и упал.

Командир говорил:

— Девчата, берегите ноги, чтобы они не были кривые. А то ж еще женихов выбирать.

Яков Голубов:

Во время штурма Перекопа в январе меня ранило. С тех пор ничего не знал о своем друге Николае Семеновиче Власкине, так как после госпиталя меня направили в другую часть.

Евгений Колесников:

Во время Корсунь-Шевченковской битвы я — командир роты. Мой танк подбит. Из экипажа в живых остался один. Я потерял третий экипаж за время боев в Украине.

Голенко:

21 января во второй смене наша шахта № 5-бис начала добычу угля и вступила в строй действующих основных шахт социалистического Донбасса. Пусть наш уголь укрепляет мощь Красной Армии и поможет ускорить разгром гитлеровских захватчиков.

Феня Атопина:

Сын полгода учился на танкиста, написал в письме, что едут бить врага — больше ни весточки. Пришла похоронка. Погиб в Винницкой области. А ему 19 лет. Нет у меня сына.

Остался в памяти Анатолий таким, каким ушел, — молодым и сильным.

Иван Рябов:

На правом берегу Западной Двины захватили плацдарм, в течение трех суток отражали атаки врага. И когда навели переправы, в прорыв бросили танковые соединения. Враг начал отступать, повисла такая тишина, что, казалось, от нее глохнешь сильнее, чем от канонады. В этот миг с особой силой ощутил радость бытия. Радость от того, что не только выстоял, но и победил. После короткой передышки гвардейцы снова пошли в наступление.

Н. Каменская:

Кирпичный завод горкомхоза (директор тов. Бушман) за 2 месяца дал строительным конторам Красного Луча 149 тысяч штук кирпича. Формовщики этого завода тт. Соловьев и Фролова значительно перевыполняют, производственное задание. 200 процентов нормы выработки дают вспомогательные рабочие тт. Ковба и Моисеенко. Коллектив завода обязался в 1945 году дать 500 тысяч штук кирпича.

Федор Нагайцев:

Под Бердичевом мы переживали большие трудности, связанные с недостатком воды. Колодец рядом, но на пути к нему — минное поле. В разведку я пошел один. Обезвредил две мины, набрал воды, вернулся. Потом перед нами поставили задачу обезвредить все мины и захватить языка. Ее мы выполнили. Разминировали минное поле и захватили немецкий штаб.

Анатолий Коробкин:

Утром 5 февраля 1944 года ворвались в В. Рогачик пересекли поселок поперек. Немцы отступали к Днепру.

Наступаем по степи. Снегу мало, сыро, где-то между В. Рогачиком и Н. Рогачиком остановились в кукурузном поле, кукуруза не убрана. Греемся в немецких землянках. Вместо дров палим початки кукурузы. Два дня вели перестрелку с немцами.

Ночью я стоял на посту у землянки, а чуть дальше в окопе на посту стоял мой одноклассник (звали его Петрович). На него вышли два офицера-французы. Он их задержал. Офицеры заявили, что пришли сдаться в плен. За это Петровича наградили орденом Славы.

Объявление

Доводится до сведения всех граждан, проживающих на территории города Красный Луч, о том, что комиссия по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, работу свою продолжает. Необходимо всем гражданам подать заявления на разграбленное, уничтоженное, поврежденное имущество, на угнанных жителей в немецкое рабство, погибших граждан от артиллерийского и воздушного обстрела города, замученных, расстрелянных жандармерией, отрядами «СС» и др. факты ущерба.

Заявления подавать в комиссию, находящуюся по адресу: г. Красный Луч, горсовет, комната № 4.

Гор. комиссия.

Николай Столяревский:

«Мама, иду в бой. С каждым днем здесь становлюсь взрослее, все строже гляжу вокруг. Без победы домой не вернусь. Пиши. Жду. Твой сын Николай».

Он не вернулся. Победу добыли в бою его товарищи по оружию, его друзья, побратимы.

Иван Рябов:

Гудит военная дорога. День и ночь. Танки, тягачи, автомобили... От их нескончаемого потока порой кружится голова. Взмах флажками — и колонна изменила направление. Еще взмах — и артиллерийская часть движется на юго-запад... Сколько было перекрестков у Великой Отечественной войны! И на каждом — фигура девушки-регулировщицы. Такой мы запомнили однополчанку Раису Злобину.

Анатолий Коробкин:

В начале февраля 1944 г. наш сводный батальон (все, что осталось от полка) перебросили южнее на 8 км. Ночью, проделав этот путь, к утру занял исходную позицию. Немецкие окопы и траншеи от нас на расстоянии 60 — 80 метров. Батальоном командовал капитан Федосеев Г. В., замкомбата по строевой части Зорин. Выдали по два диска к автоматам, запас патронов и по четыре лимонки. Поставили задачу батальону: по сигналу ракеты — три красных — без артподготовки забросать немецкие траншеи гранатами, а затем, открыв автоматный огонь, ворваться в траншеи противника. Внезапность сделала свое дело, немцы в панике бегут.

Под утро сильный туман. Сразу же за траншеями захватываем немецкую батарею минометов, повернули и открыли из них огонь по отступающим немцам. Врываемся в землянку. Там висят немецкие офицерские шинели, гитара, на полке сапоги. А у моих сапог подошвы оторвались.

— Переобуйся, — сказал Михайлов.

Наступаем по степи. Начало разведничья. Снаряды рвутся в гуще наступающих. После взрыва виден белый дым, но разрывов не слышим. Немцы стреляют из скирд. Ударили по скирдам из автома-

тов. Скирды загорелись, слышны стоны и крики раненых немцев. Позади стали рваться реактивные снаряды с «катюш». Чуть не накрыли по ошибке нас. Потом уже далеко впереди запрыгали фонтаны взрывов после залпа «катюш».

Наступаем на Калиновку. Лейтенант идет с трофейной гитарой за плечами. Мне вспомнился фильм «Мы из Кронштадта» — моряк с гитарой.

С левой стороны села Калиновка выскочили несколько танков и танкеток. Левее нас в 400 — 500 метрах немцы отрезали взвод наших бойцов и заворачивают их к селу. Солдаты выскакивают из траншей и попадают под пулеметный огонь танкеток. В одной из траншей был пленный офицер. С приближением танкеток офицера пришлось ликвидировать. Появились наши танки. Началась танковая дуэль. Загорелись несколько танков и танкеток немцев. Подбиты два наших танка. Они горели в 300 метрах от нас. Появился майор Зорин и повернул нашу роту на правую окраину села Калиновка. Мне и молодому солдату Петровичу он сказал, что после боя направит нас в школу младших командиров. Но этого не случилось. В этом бою майор Зорин погиб.

Одно из наших отделений прорвалось к трем скирдами, стоящим в 100 — 150 метрах от села с правой стороны. Немецкий пулемет, установленный на крыше крайнего дома, не давал им продвигаться вперед. Пришлось залечь под скирдами. Мы наступали с полкилометра правее и чуть сзади. Комбат капитан Федосеев послал солдата с приказом, чтобы отделение продолжало наступление на село, но вестовой не добежал до скирд. Убил снайпер. Наступление батальона приостановлено пулеметным огнем с крайних домов села Калиновка.

Комбат Федосеев подозвал меня и приказал пробраться к скирдам, передать приказ отделению наступать. День на закате, снег растаял, грязь, как черти, все вымазаны в этой грязи. Я побежал. Беру навкосяк с расчетом, когда останется до скирд метров 100, повернуть прямо к ним. Бегу по ровному полю, грязь мешает быстро двигаться. Чувствую, что на прицеле у немцев. Меня осыпало трассирующими пулями, а потом услышал пулеметную трескотню. Упал. Лежу, чувствую, что не ранен. Лежу, пусть немцы думают, что убит. Отдышался, успокоился, вскочил, и что было сил, бросился к скирдам. С крыши дома ударил пулемет. Очередью снесен верх скирды. Я упал, не добежав 20 — 30 метров до скирд. Сработал инстинкт самосохранения. Но я уже был в «мертвой зоне», меня прикрывала скирда. Добрался до скирды.

— Ты не ранен? — спросил младший лейтенант. — А это что у тебя?

Я осмотрел свой котелок, который висел на поясе спереди. Он был прошит пулями. Ватные брюки, как ножом разрезаны между ног, но на мне ни одной царапины.

— Ты, солдат, в рубашке родился, — сказал младший лейтенант.

Я остался в отделении. Меня, вероятно, считали погибшим, так как послали еще одного солдата к скирдам, и он был убит снайпером. Мы его вытащили под скирду на плащ-палатке, привязав к плащ-палатке телефонную проволоку.

Когда начало темнеть, ворвались в село Калиновку.

М. Георгиевский:

Николаю Столяревскому 18 лет. Он окончил школу, педагогические курсы. Потом работал учителем. В сорок первом ушел добровольцем на фронт.

9 февраля, защищая Ленинград, он погиб. Похоронен в деревне Павшино. Их было всего восемь, восемь молодых бойцов — комсомольцев. Они заняли оборону на окраине города. Против них — 40 немецких автоматчиков.

— Огонь по немецким гадам! — скомандовал старший лейтенант Столяревский. Ни один немец не ушел живым. Сам Столяревский уничтожил 12 фашистов.

Новая атака. Теперь немцев вдвое больше, чем прежде. Кончились патроны. Пошли в ход гранаты. Рядом умирали товарищи. Последним пал Столяревский. Неизвестный поэт тех лет посвятил ему пламенные строки:

Вперед, товарищи!
Пусть жажда мести
Ведет вас в бой.
Сражайтесь так,
как дрался Столяревский —
Прославленный герой.

Павел Нагорный:

Бои продолжались. Как-то Штрук ушел в 18 часов на передовую. Они каждые сутки менялись в это время. А на второй день не вернулся. Фриц и Макс молчали. Да и вообще они никогда ни о чем с

нами не говорили. Прошла неделя, решили, что Штрук погиб. Их тоже частенько привозили мерзлых, скрюченных. И хоронили в школьном саду, что за селом. Но вдруг среди бела дня Штрук появился. Грязный, в рваных ботинках, рваной красноармейской фуфайке. Все за животы брались от смеха.

Разделся до гола у входа в дом. Мне приказал одежду отнести на огород и сжечь. Там много блох.

Потом он рассказал маме, как все было.

Утром решил нарезать стеблей зимовавшей в поле недалеко от окопа кукурузы, чтобы постелить под ноги — холодно. Только начал резать, как сильный удар сзади по голове сшиб с ног. В следующее мгновение рот заткнули рукавицей. Руки связали назад. Повели. Это была наша разведка. Привели в село Овсянниковка, сдали в штаб. Допросили по всем правилам. И переводчик не потребовался. Забрали валенки, обшитые кожей, меховую японскую куртку до колен, которая надевалась через голову. Взамен дали рваные ботинки и фуфайку. Закрыли в сарай, крытый соломой и без потолка. В это время изменилась погода. В феврале резко потеплело, пошли туманы, дожди. На третий день в щелочку двери он увидел, как старый усталый солдат дремлет, сидя под дверью.

Разорвал соломенную крышу и по туману, незамеченный, ушел. Два дня прятался в бурьянах возле передовой, пока нашел проход.

— Ваших солдат очень плохо кормят: одна пшенная каша и та постная, — сказал он нам. — Табак делят ложкой. Он очень вонючий. А вот воюют замечательно. Это уже не те русские, что в сорок первом были: толпы и без оружия. Много совсем молоденьких, дерутся до последнего патрона. И в плен трудно взять.

Божко:

Возобновил работу Краснолучский горный техникум. Сейчас уже занимаются пять групп первого и две группы второго курсов.

Анатолий Коробкин:

Немецкие сапоги, на которые я сменил свои, мне жмут, и я уже пожалел об этом. У них малый подъем, и чтобы перемотать портянку — это целое горе: ни снять, ни надеть. А тут еще пуля щиколотку цапнула по касательной.

Сбили немцев с позиций, наступаем ложиной. Впереди подъем к высоте. В наступающей цепи с нами идет полковник, подбадривает. Все грязные, как черти. Полковник говорил, что всех нас надо

наградить только за то, что мы гоним немцев, а сами в грязи, без сна, не доевши и т. д.

Немцы открыли огонь с кургана. Курган накрыли разрывами снарядов. Немцы стали отступать.

И. Добров:

Возвратился с Урала в Штергрэс, сердце вздрогнуло: все разбито. Вспомнил наш кропотливый и упорный труд в годы строительства станции. Мне еще больнее стало. Во мне закипела жгучая ненависть к врагу.

Федор Мартынов:

На третьем Прибалтийском фронте командиром нашей роты был молодой лейтенант — рабочий из Донецка Сережа Киселев. Получили приказ атаковать фашистов у реки Великой. Это между Псковом и Ленинградом. Больше трех часов шел бой. У противника большой перевес в технике и живой силе. И все-таки мы выбили врага из его траншей.

Федор Панченко:

Корсунь-Шевченковская группировка врага отклонила ультиматум советского командования о капитуляции. Февральской ночью немцы предприняли отчаянную попытку вырваться из кольца. Они рассчитывали таранным ударом вывести из окружения остатки войск. Одну за другой отражал наш пулеметный взвод яростные атаки обезумевших от страха и водки фашистов. Ад кромешный. Груды тел врага перед окопами, танки, застрявшие в непролазной грязи, смертоносный огонь наших «катюш». Взбунтовалась и погода — шквальный ветер с дождем, слякоть. Все это не для слабонервных.

Бросая боевую технику и снаряжение, немцы пытались вырваться из окружения, но тщетно. Гитлеровское командование назвало эту попытку прорыва из Корсунь-Шевченковского «котла» «бегом за жизнью». На самом же деле это был «бег за смертью».

Этот бой оказался последним и для меня.

Анатолий Коробкин:

Наступаем на Нижний Рогачик. Снег растаял, идем через плавни по песчаной дороге. В плавнях много затонов, маленьких озер.

Показалось солнце, тучи рассеялись. Впереди показался власовец, здоровенный детина, галифе с лампасами, в кителе. Мы вскидываем автоматы, а он стал на дороге и стоит. Комроты приказал ему поднять руки, а он потребовал отвести его к старшему начальству. Отправили его в штаб.

Заняли Н. Рогачик. Кто-то из бойцов бросил противотанковую гранату в затон, глушенная рыба поднялась на поверхность кверху брюхом. Нагрузили в повозку полкороба и отправили на кухню. В этом доме как раз проходило совещание командиров рот. Я стоял на посту и при появлении наших штурмовиков пускал ракеты в сторону правого берега Днепра.

Немцы обстреливали В. Рогачик и плавни из орудий.

Н. Каменская:

Большую роль в восстановлении нашего города играют местные строительные материалы. Строительную продукцию из местного сырья (кирпич, черепицу) выпускает кирпичный завод треста «Краснолучшахтострой» (директор тов. Карякин). За 1944 год на заводе изготовлено 28 тысяч штук кирпича и 15 тысяч штук черепицы. Каменщик Ковтуненко выполняет производственное задание ежедневно на 350 — 400 процентов. По две нормы в смену дают мастера гончарных изделий тов. Гладилин и бригадир плотников тов. Гончаренко.

Мария Воронько:

Под Ленинградом часть попала в окружение. Во время прорыва контузило, оказалась в плену. Когда везли в Германию, вместе с другой бежали, долго скитались по оккупированной Белоруссии. К счастью, набрали на партизанский отряд. Там выхаживала раненых и больных, участвовала в «рельсовой войне». В каждой вылазке в тыл врага надо достать как можно больше медикаментов, перевязочного материала.

Воевала, лечила... А в это время родным пришла похоронка о моей гибели. Указали даже место и время.

Анатолий Коробкин:

На ужин жареная рыба. Командир роты горько пошутил:

— Братцы, сегодня мы едим рыбу, а завтра может, она будет есть нас.

Темнеет. Нашему отделению поставлена задача: переправиться на лодке и протянуть телефонную связь на правый берег Днепра. Взяли несколько катушек телефонного провода, пополнили боеприпасы. Слышны моторы немецких катеров, курсирующих вдоль правого берега, а Днепр в этом месте широкий, до километра в ширину. Группу готовит комбат Федосеев Г. В. Поступила команда занять места в лодке и приготовиться к переправе на тот берег. В этот момент поступил приказ: дивизии следовать в Крым. Построились поротно, побатальонно и двинулись степью на юг. Прошли километров 8 — 10 и снова приказ: вернуться назад. По возвращении на то же место, замаскировались в плавнях и целый день там находились. Вечером снова комбат Федосеев готовит группу на тот берег. Группа из пяти человек, только уже другой состав, задача та же — закрепиться на правом берегу и держать связь. Едва лодка отчалила, как разорвался немецкий снаряд. И хотя было много солдат и офицеров, никто, кроме комбата Федосеева, не пострадал. Его ранило в руки и ноги. Перевязав комбата, отправили его в санчасть. Командование батальоном принял на себя Братков И. И.

С группой, отправленной на тот берег, связь прервалась.

Павел Нагорный:

Постепенно сдружился со Штруком. Иногда он давал мне пострелять из парабеллума. В соседнем дворе под стеной нашего дома стоял немецкий танк. Однажды немец-танкист прогревал паяльной лампой траки танка и очищал от замерзшей грязи. Увидев меня, показал, что и как надо делать лампой, а сам ушел. Тут появился Штрук с двумя канистрами, крикнул:

— Пауль, бери санки и пошли со мной!

Я поставил лампу так же, как ставил танкист, направив пламя на броню, и пошел со Штруком в местную маслобойню за маслом.

Сколько мы там побыли, не помню, но только вышли на улицу, услышали взрывы и увидели черный дым в районе нашего дома. Оказалось, что взорвался от паяльной лампы и горит танк. А на дороге стоят немцы, смотря в нашу сторону. Штрук подошел к ним. Начался оживленный разговор. При этом они смотрели в мою сторону. Штрук отправил меня в хату, где я увидел плачущую мать, она думала, что меня уже нет в живых, так как тот танкист бежал по хате с пистолетом, орал, искал меня и хотел застрелить. Штрук убедил немца, что танк взорвался от моих рук, но не по моей вине: броня от огня накалилась, в танке загорелись промасленные вещи, и начали взрываться боезапасы.

От взрыва частично разрушило нашу хату, хотя крыши на ней уже не было. Штрук сказал, мое счастье, что не попался в тот момент танкисту.

Так и остался танк стоять под стеной нашего дома на многие годы.

Анатолий Коробкин:

Утром, 11 февраля 1944 года, готовимся форсировать Днепр. Над рекой стена тумана, на берегу в плавнях лодки — рыбацкие и резиновые.

Батарея минометов и наш взвод перебрались на островок в ста метрах от левого берега. К десяти часам туман стал рассеиваться, и мы увидели пять окопов вдоль каменной стенки на правом берегу. Выше по склону примостился хутор Конопляновка. Немцы вели оружейный огонь по плавням, наши минометы били по правому берегу. Поступила команда форсировать Днепр. Нас десять человек в рыбацкой лодке направились на тот берег, чтобы присоединиться к ранее посланной группе из пяти человек. Лодка сразу не пошла, а начала кружиться на месте — гребли вразнобой. Потом приловчились. Достигли середины реки. Вспомнились горькая шутка комроты и слова цыганки, которая сказала мне:

— Бойся воды.

Лодку сносит течением. Ударил пулемет с кургана. Берег в ста метрах.

Бомбардировщики сбросили бомбы. Нашу лодку сильно качнуло, чуть не перевернуло. Смерили глубину веслом. Мелко. Стремительно выскакиваем на берег, и — к окопам, в которых были наши бойцы, которые переправились раньше. Все живы. Занимаем хутор. Немцы за курганом, на кладбище. Ночью выбили немцев с кладбища и с кургана. Справа во фланг ударила вторая наша рота. Немцы контратаковали и заняли курган. Мы отошли к кладбищу. Пришлось вторично брать курган.

Владимир Борсоев:

17 февраля. Красилов. Из Бузовки переброшены в 50-й стрелковый корпус в район Лухошивка — Оратов, где держали оборону вместе с 1-й чехословацкой бригадой полковника Людвика Свободы.

Чехи — замечательные люди, храбрые воины. Молодцы. Отсюда их перебросили в район Красиловка — Тыновка. Противник, стремясь прорваться к своим окруженным группировкам в районе

сев. Звенигородка, подтянул две танковые дивизии, перешел в наступление в направлении Богуслав — Корсунь-Шевченковский и занял 4 населенных пункта. При этом он потерял 70 танков различного типа. Подтянув танковую дивизию «Адольф Гитлер», 13 февраля враг перешел в наступление, за два дня занял еще три населенных пункта и захлебнулся. Кольцо нашего окружения суживается. За это время к нам прибыли зам. по политчасти майор Ковалерчук и помпотех капитан Апраксин.

Федор Панченко:

После лечения в госпитале меня отправили в Приморский край. Началась долгая и упорная учеба по овладению мастерством боевых действий в условиях лесистой местности, бесчисленного множества рек и сопок.

Анатолий Коробкин:

Расширяем плацдарм до 3 км в глубину и до 4 км по фронту. Погода испортилась, дождь, снег, мороз, окопались в траншеях. Днепр начал замерзать. Немцы атакуют танками. Атака отбита.

Слева впереди нас немцам с самолетов сбрасывали продукты и боеприпасы. Появился наш «ястребок» и за несколько минут сбил три самолета противника. В этот день сбили еще два транспортника.

Под вечер немецкий бомбардировщик бомбил наши позиции, но бомбы не взрывались. Когда самолет улетел, то эти бомбы стали взрываться. Мы поняли, что это были бомбы замедленного действия.

Павел Нагорный:

Чудный был этот Штрук.

Когда вдоль улицы шла немецкая колонна танков и машин, налетели наши бомбардировщики. Немцы разбежались по огородам. А я, наоборот, выскочил на дорогу, чтобы хорошо было видно самолеты и летчиков. А они так красиво заходили для штурмовки вдоль улицы, несмотря на сильнейший огонь зениток.

Штрук кричал, чтобы я убежал, но я не слышал ничего из-за шума и грохота. Тогда он подскочил, схватил меня за воротник и уволок за дом. А на том месте, где я стоял, рядом с крытой машиной упала бомба.

Яма не очень глубокая образовалась. А машину иссекло, как решето.

Петр Трофимец:

В феврале по своей личной неосторожности мы погорели во время продовольственной операции. Уже в первых числах апреля наша троица: Леонид Кучмиев, Михаил Аровин, Петр Трофимец и 17-летний Коля Зайцев из поселка Городище Перевальского района — оказалась в Бухенвальде.

Анатолий Коробкин:

Шли бои на плацдарме. Плацдарм постоянно расширялся и углублялся.

Лед на Днепре был тонкий, и наши саперы постоянно его наращивали: укладывали хворост и заливали водой. По таким настилам переправляли технику. Пошли дожди со снегом, автоматы и пулеметы отказывались стрелять, обледенели шинели. Они становились такими, что можно было поднять ноги и держаться на полах шинели. Нас по очереди водили в хутор греться. Шинели растаивали, но не высыхали. В такой обстановке ни мы, ни немцы не вели огня.

Василий Копыто:

21 февраля 1944 г. пошли в наступление. Вечером командир дивизии подполковник Михайлицын собрал 28 человек и сказал:

— Нужно пробраться в немецкую траншею до артподготовки за 30 минут и уничтожить две пулеметные точки, чтобы дать возможность зайти нашей пехоте в немецкую траншею. А потом будет артподготовка, и пойдем в наступление. Михайлицын сказал командиру нашей группы капитану Сидорову:

— Кто первым ворвется в траншею, тому присвоят звание Героя.

Я первым ворвался и убил пулеметчика.

Наши пошли в наступление.

Мария Тимофеева:

Я — сандружинница. Наша стрелковая дивизия входит в Ленинградский фронт. Временами казалось, упадешь и не встанешь больше. Но никто никогда не жаловался на тяготы. Мы сознавали: надо победить. Часто одни носилки с раненым бойцом несли вчетвером. Отдыхали не часами, а минутами. Набросашь ветвей и тут же под елкой свернешься клубочком, чтобы теплее было, забудешься ко-

ротким сном. Однажды, проснувшись, с трудом оторвала голову от земли — примерзли волосы.

Анатолий Коробкин:

22 февраля 1944 г. в окопах провели беседы о завтрашнем прорыве (день Красной Армии). Приказали выставить часовых и наблюдателей, а всем отдыхать. После завтрака — в прорыв. Большинство солдат находилось в траншеях по 4 — 6 человек. Были и одиночные окопы. Траншеи были до 2-х метров глубиной. Мы подкопали бока траншей, сделали ниши, в которых грелись и прятались от осколков. На фронте быстро засыпаешь, если свободен от наряда и разрешен отдых. Сколько проспал, не знаю, но в нише стало тяжело дышать. Я высунул ногу из ниши и стал отталкивать снег, но ничего не получилось. Снег насыпался за пояс брюк, и ногу обратно не втянуть. Лежу и думаю: сейчас приедет кухня, все поедят и пойдут на прорыв, а я останусь лежать до весны. Слышу, как подъехала кухня. Часовые и те, кто приехал с кухней, начали откапывать траншеи. Откопали и нашу. Двух солдат отправили в санчасть (чуть не задохнулись под снегом).

Позавтракали. Ударил наша артиллерия. Идем в прорыв. Немцы не выдерживают внезапного удара и драпают. Никопольский плацдарм немцев прорвали.

Мы вошли в состав 3-го Украинского фронта под командованием Малиновского.

Николай Федоров:

22 февраля. Стоит густой туман, ничего не видно в десяти шагах. А через час начнется наступление. Мы освобождаем Польшу.

Десять утра. Ударил артиллерия. Гудела земля, стонал лес. Звенел и ухал воздух. Два часа длилась артподготовка. Потом пошли в атаку пехотинцы. Победоносное «ура» плыло над снежной целиной. Было радостное чувство: враг откатывался в свое логово, а за нашими плечами встает из руин и пепла освобожденная Родина.

Евгений Хлебников:

23 февраля представители трудящихся Краматорска в торжественной обстановке передали нам, танкистам, грозное оружие — танковую колонну «Краматорский рабочий». На башнях танков написали: «Краматорск».

Члены делегации рассказали нам об освобождении Советской Армией Донбасса, о том, как труженики города восстанавливают хозяйство, разрушенное немецкими оккупантами. «Какая преданность партии, народу... Это подвиг целого города», — думал я, принимая танк Т-34 — свое оружие.

Наказ краматорцев был краток: умело использовать свое оружие, храбро сражаться до полной победы.

Анатолий Коробкин:

Комбат Иванов, который стал командовать батальоном после прорыва на плацдарме, взял меня ординарцем-порученцем. Первым селом, которое освободил наш батальон после прорыва на плацдарме, было село Шевченко. Заняли его перед заходом солнца.

Утром пошли в наступление на курган, расположенный в километре от села. Батальон шел развернутым фронтом. Комбат был на левом фланге. С кургана немцы открыли артиллерийский и пулеметный огонь. На правом фланге пехота залегла. Вместе с комбатом идем на правый фланг. Несколько снарядов разорвалось впереди нас, а один — совсем рядом. Мы упали на землю. Я поднялся, а комбат лежит в крови мертвый. Осколок попал ему в висок. Я забрал его оружие, полевую сумку и документы.

Афанасий Слепцов:

Нас триста. Мы идем на лыжах тремя колоннами. Все в белых накидках. Снег выше колен, головные колонны менялись через каждые полчаса: прокладывать лыжню трудно. На морозе потрескивали березы. Время от времени слышались глухие удары — с елей срывались снежные глыбы.

До противника, окопавшегося на господствующей сопке, по прямой — 8 километров. Но в лоб его не взять. И я, начальник штаба батальона, разработал план операции — в обход, чтобы пройти к противнику незамеченными, ударить внезапно с тыла. Но для этого морским пехотинцам надо сделать тридцать километров.

23 февраля в 8 часов утра приблизились к намеченной сопке. Вперед пошли саперы, они должны обезвредить мины. Томительно тянутся минуты. Вокруг — зловещая тишина, как всегда перед боем. Саперы работали осторожно. Наконец колонны двинулись по рассчитанным проходам вверх.

Достигли вершины, развернулись в цепь по фронту и залегли.

Командир батальона майор Мамедов подал знак. И в ту же ми-

нуту лавина в белых накидках с криками «Ура!», «За Родину!» бросилась на врага. Наши бойцы врываются в укрепления, забрасывали гранатами траншеи врага, палили из автоматов, действовали ножом и прикладом. Внезапность решила исход боя в нашу пользу. Через 40 минут фашистская рота, усиленная пулеметным взводом, была разгромлена.

На небосклоне появилось северное сияние.

Анатолий Коробкин:

Наступаем, немцы отходят, идем по степи. Снег, туман. За три месяца ни разу не видели баню. Насекомых завелось — жуть. Остановились в степи. Справа трещат пулеметы и автоматы. Встретил лейтенанта Михайлова. Вместе с бойцами он шомполами выбивал насекомых из гимнастерки, шинели, рубашки. С каждым ударом на снегу все больше черных точек.

Через день или два в степи организовали баню. Мылись в палатках из металлических бочек. Одежду выдали стиральную. После баньки словно на свет народились.

Павел Нагорный:

В конце февраля Штрук сказал матери:

— 6 марта ваши будут здесь. 4 — 5 мы уходим в сторону станции Помошная.

Он предупредил мать, что нужно помалкивать. И никогда ничего плохого ни о Сталине, ни о Гитлере не сказал, как другие солдаты.

Анатолий Коробкин:

Немцам удалось приостановить наше наступление перед станцией Б. Александровка. Завязался бой. Перед фронтом — лесопосадка, за ней — немцы. Лесопосадка поворачивает на северо-запад к кургану, на котором уже несколько часов ведет бой взвод наших бойцов, которые вклинились во вражескую оборону. Несколько раз связь с курганом прерывалась, и каждый раз ее восстанавливали связисты. Перед вечером, когда немецкая артиллерия снова повредила связь, лейтенант Михайлов приказал мне восстановить связь с высотой. Побежал по линии. Устранил несколько порывов, связался с командиром взвода. Высота молчит. Значит, порыв впереди. Провод в руки — и снова вперед. Один порыв, второй. Снаряды рвутся рядом. Высота молчит. Хотел вызвать нашу «Кузницу», молчит. Потянул за

провод, чтобы соединить, провод поддался. Значит, повреждения и спереди, и сзади. Показался связист Кошевой, которого выслали вслед за мной устранять повреждения. Устранили порывы. Он вернулся, а я побежал к высоте. У самого подножия устранил порыв. Рядом рвутся снаряды. Вызвал «Кузницу» — работает связь.

И. Добров:

В механическом цехе Штеровской электростанции мы приступили к сепарации котлов. Задание — за 7 дней установить сепарацию. Я призадумался и сказал начальнику цеха Богдану, что уложусь в 48 часов. Двое сварщиков: я и Чичевикин установили сепарацию за 48 часов.

Анатолий Коробкин:

На высоте осталось в живых 10 — 12 раненных бойцов. Немцы после артналета пошли в атаку на высоту. Половина солдат ранены, лежат в землянках. Патроны на исходе. Командир взвода доложил по телефону о положении и вызвал огонь на себя.

Страха не было, но не хотелось умирать от своих снарядов, особенно, когда гоним немцев. Скрываемся в землянках. Ударил артиллерия. Высота вздрогнула от взрывов наших снарядов. После очередного взрыва казалось, что следующий снаряд будет прямо в нашу землянку. Но подсознательно верили, что наши снаряды нас не тронут, они должны поражать не нас, а немцев, которые были вокруг высоты. Так и случилось. Снаряды рвались вокруг высоты, где скопились фашисты, многих накрыли, а оставшиеся в живых поспешно ее покинули. Ни один из снарядов не разорвался на высоте. Атака немцев сорвалась, и она была последней. Темнеет. На высоту прибыло подкрепление. Раненых доставили в медсанбат. Высоту удерживали до утра.

Утром немцы отступили, и мы двинулись вперед.

Евгений Хлебников:

Двое суток прорывали оборону гитлеровцев под Бобруйском. В первый же день мой танк подорвался на минном поле переднего края. Мотор заглох. Танк заволокло едким густым дымом. Механик-водитель Макаров, думая, что танк разбит, а экипаж погиб, выскочил через свой люк из машины и был тяжело ранен автоматной очередью

фашистов. У него хватило еще сил добежать до воронки, образовавшейся от разрыва авиабомбы, и укрыться в ней.

Я закрыл люк и включил две десятикилограммовые дымовые шашки, укрепленные на корме машины. Дымом заволокло весь передний край — пусть немцы думают, что танк горит.

Пехота, атакующая передний край противника, в этот день успеха не имела и отошла на прежние позиции. Мы с командиром орудия Юфаровым остались одни в подбитом танке на минном поле, на нейтральной полосе в пяти метрах от траншей фашистов.

Убедившись в исправности пушки и пулемета, решили оборонять танк до последнего патрона.

Анатолий Коробкин:

Наступает полночь. Стоит густой туман. Справа от нас в 50 — 70 шагах выскочили несколько крытых брезентом машин. Присмотревшись, определили — немцы. Открыли автоматный огонь, но поздно. Машины скрылись. Туман то рассеивался, то снова густел. Вышли к железнодорожному переезду. Навстречу нам из тумана вышла бричка, в бричке бочонок, немец-возница что-то по-своему поет. Он никак не ожидал, что попадет в плен. В бочке оказался спирт. Наполнили фляги, а пленного отправили в штаб.

Александра Потапенко:

Служила в 259-й Артемовской стрелковой дивизии в комендантском взводе поваром. В феврале в районе Одессы после ожесточенных боев покормили солдат и приготовили обед командованию.

— Товарищ майор, кушать подано, — сказала моя подруга Титова Шура, она из Читы.

— Спасибо, девочки. Опять пшенка?

— Никак нет, котлеты с гарниром.

— А котлеты из чего?

— Из пшенки, товарищ майор. Вместе готовили, — указала она на меня.

— Ну, дадим мы теперь фрицам после котлет, — и все дружно засмеялись.

— Смирно! — скомандовал майор Загорулько. — От имени командования выношу...

— Служим Советскому Союзу! — отпартовали мы и выскочили на улицу.

— Представьте к награде, — услышали мы вслед. Приняли за шутку. У кухни слегка согрелись и уснули крепким сном...

Анатолий Коробкин:

Б. Александровка. Солнечное утро. Впереди лесопосадка. Несколько раз выстрелил в нашу сторону появившийся немецкий танк. Мы сидим в немецких окопах рядом с землянкой. В ней лежит убитый фриц, а в ключице у него торчит не взорвавшаяся мина. В 10 метрах от землянки стоит противотанковая пушка, около нее два солдата. Я указал им на танк, который замаскировался в лесопосадке. Пушка выстрелила. Снаряд разорвался левее танка. Я им сообщил новые координаты. Пушка сделала еще два выстрела, но в танк не попали. Прекратили огонь. Командира возле пушки не было.

Немцы отошли к селению. Мы продвинулись вперед и залегли на лугу. Впереди большой населенный пункт, оттуда немцы ведут по нам пулеметный огонь. Левее нас, в двухстах метрах, через наши позиции на белом коне выскочил всадник и стал приближаться к немецким позициям. Мы кричали ему, махали шапками, но он мчался вперед. Немцы прекратили огонь. Мы затаили дыхание. Застрочил пулемет. Всадник свалился с лошади, сраженный пулеметной очередью, а лошадь, сделав полукруг, помчалась в нашу сторону. Кто был этот всадник, о чем он думал, несясь на немецкие позиции, я не знаю, но картина того события осталась в моей памяти.

Евгений Хлебников:

С утра второго дня под прикрытием артподготовки снова пошли в атаку стрелковые части. Я открыл огонь из пушки и пулемета. Одно из подразделений сосредоточилось за моим танком, затем бросок — и завязалась рукопашная схватка в окопах фашистов.

Оборона прорвана. Началось победное шествие на запад. Очень был удивлен и обрадован командир полка Ситков, увидев нас живыми и невредимыми.

Анатолий Коробкин:

Движемся на юг. Стоит солнечная погода. Сняли шинели. Перед обедом вброд по камням переходим р. Ингулец в Давыдовых Бродях. Возле церкви на возвышенности завязалась перестрелка. Мы туда. Немцы драпанули, оставив нам в качестве трофея «виллис» с включенным мотором. Когда подошли к машине, услышали кукаре-

канье. Открыли багажник. Петух выскочил и уже на земле еще несколько раз прокукарекал.

— Приветствует освободителей, — пошутил кто-то. Два офицера сели в машину и поехали вперед, но потом вернулись, т. к. чуть было не угодили к немцам.

Василий Войнилович:

Февраль тысяча девятьсот сорок четвертого. Войска Первого Украинского фронта в боях за Житомир сломили упорное сопротивление противника и продвигались на запад. Наш 50-й отдельный минно-саперный батальон 18-й армии обеспечивал войска в ходе наступления в инженерном отношении.

Сыро и холодно. Шли дожди со снегом. Развезло все дороги. И туда, где не могла проехать боевая техника, шли саперы. Работать приходилось по колено в грязи, по 16-18 часов в сутки. О ночлеге под крышей и в теплой хате мы только мечтали. Но никто не говорил, что трудно. Все понимали, что так надо, что иначе врага не одолеть. В свободное время между боями писали письма домой, девушкам, читали газеты, выпускали боевые листки, готовили и проводили политинформации. Бывало, друг другу рассказывали такие истории, которые совсем не часто в жизни случаются.

Анатолий Коробкин:

Похолодало. Выпал снег. Наступаем в сторону Березноватое. Взвод перешел грейдерную дорогу. Слева — курган. Правее кургана — две скирды соломы. С кургана обстреляли. Ползем по-пластунски к скирдам. Между курганом и скирдами фашисты установили наблюдательный пункт под навесом. С навеса по нам открыли автоматный огонь. Добравшись до скирд, мы обстреляли навес. Немец выскочил из-под навеса и бросился бежать в сторону кургана. Мы решили обойти курган, отрезав его. Немцы стали отходить.

Наступаем на село по стерне. Ударил пулемет. Рядом со мной ранило пожилого солдата (лет сорок). Укрывшись за убитой лошастью, перевязываю его. Пуля прошла насквозь через спину выше лопаток, спина вздулась. Подползли санитары и на плащ-палатках потащили его в санчасть.

Наступаем. Продолжает строчить пулемет. На линии связи появляется мой земляк Кошевой. Он ранен в обе ноги. Наступаем на село. Немцы отступают. Пошел снег. Ночью входим в село. Силы на пределе. Спать хочется. Держимся руками за брички, чтобы не

упасть. На ходу спим. Едва оторвался от брички, как сразу бросает в кювет. Поднялся и снова уцепился за бричку. Днем движемся на хутор Калиновка. Идем на подъем, из-за домов в конце села выползают немецкие танки. Командир взвода скомандовал быстрее прорываться к домам, иначе в степи на открытом месте танки нас передавят. Рванули к селу Калиновка (Николаевская обл., рядом — Баштанка). Из виноградника застрочил немецкий пулемет, но мы успели скрыться за домами.

Село небольшое, всего одна улица. Танки обходят село справа, нам деваться некуда, прячемся за домами и ведем огонь по винограднику. Навстречу немецким танкам высочили наши «Т-34». Немецкие танки, отстреливаясь, скрылись в ложине. В сторону виноградника понеслись конники. Прямо на пулеметы. Замелькали клинки, смолкли пулеметы. Немцы стали поднимать руки. Казаки били их клинками плашмя. В крайних домах мы взяли в плен пять румынских солдат. Они прятались на чердаке. С поднятыми руками все время кричали «Гитлер капут». Казаки подвели пленных немцев. Румыны на ломаном русском языке говорили «плен, Ростов, Донбасс». Вероятно, драпали из Ростова и Донбасса. Румыны загалдели, чтобы им дали винтовки. Кто-то из казаков дал винтовку и показал рукой — ведите в тыл пленных немцев. Немцы пошли вперед, а румыны отошли метров десять и показывают на немцев — капут, пострелять их. Пришлось выделить им казака в сопровождение.

В Донбассе с нами действовал кавалерийский корпус Кириченко, а здесь, в Николаевской области на Снегиревском направлении, нас выручили конники корпуса Плиева.

Мария Козьмина:

Перед рейдом нас инструктировали, как надо вести себя за границей. Мы — первые представители СССР, которые будут за границей. Вести себя культурно, ничего не брать. Только с разрешения хозяев.

И вот мы оказались за границей. А что же это была за граница? Там были мазанки, беднота ужасная, и топили по черному. Я первый раз видела. У нас печка в доме и то, бывает, надымит, когда растапливаешь. А это все открыто. Очаг в хате. Весь дым в хате. То, что от лучины гарь, — чепуха. Все дети в саже, и мы тоже.

Нина Янчин:

Хозяйку попросили картошки сварить. Мы голодные. Сидим за столом — вся наша группа. Хозяйка картошку поставила на стол, спрашивает:

— Посластить?

— Посластить.

Отошла, что-то делала, подходит к столу и в эту картошку из рта выбросила что-то. Оказывается, она чеснок пожевала и выплюнула. Это у них называлось посластить. Женщина старая, зубы черные... Первое знакомство с заграничной культурой.

Анатолий Коробкин:

Наступаем. Гоним немцев по степям Николаевской области, на Снегиревском направлении, проходим село над кручей на исходе дня. Фашисты, отступая, разрушили железнодорожное полотно крюком-плугом, прикрепленным к паровозу сзади. Паровоз идет впереди, а за ним ломаются рельсы и шпалы. Паровоз ушел за горизонт, продолжая разрушать полотно.

Перед станцией Водопой попали под обстрел фашистского бронепоезда. Железнодорожная насыпь справа от нас уходит на юго-запад. Насыпь на возвышенности. Бронепоезд обстреливает тяжелыми снарядами. Мы наступаем по открытому полю. Солнце вот-вот скроется за горизонтом, за насыпью, мы в ложине. На железнодорожном полотне немцы закрепились и строчат из пулеметов и автоматов. Залегли, начали окапываться. В бруствер впереди головы чиркнула пуля — вероятно, снайпер. Я затаился за холмиком. Дали команду — левее насыпи продвигаться вперед. Впереди нас зигзагами были нарезаны ходы сообщения глубиной до полметра. Немцы готовили оборону, но не успели ее закончить.

По этим ходам сообщения мы продвигались вперед. На одном из изгибов лежал убитый младший лейтенант, парень с 22 или 23 года.

Подползли к станции Водопой. Всю ночь вели перестрелку. Немцы забрасывают нас гранатами. Утром заняли станцию Водопой.

Василий Войнилович:

Наш командир батальона подполковник К. Ф. Лепеношев направил из взвода разведки Ивана Камышанова, Михаила Чугреева, Виктора Ковальчука и меня в село только что освобожденное от врага. Захожу в одну хату, вижу — хозяин дома сапожничает, трое детей (две девочки и мальчик) рядом стоят. Хозяйка выходит из соседней комнаты. Приветливо говорю им:

— Здравствуйте, люди добрые! — А сам улыбаюсь. Гляжу на всех, будто спрашиваю: «Не откажете?»

— Здравствуйте, — почти хором ответили все. И... будто замерли, как показалось мне.

— Много ли сможете наших солдатиков на одну только ночьку принять? — спрашиваю. А сам гляжу на них и думаю: «Может быть, я что-то не так сказал? Почему они все такие, как замороженные?»

И тут произошло необыкновенное...

— Коленька, сыночек, что же ты так мучаешь всех, — с болью в сердце произнесла пожилая женщина. — Я-то тебя сразу угадала. — И со слезами радости крепко обняла меня.

— Да не Коля я.

— Не морочь нам голову, — уже ласково говорила Колина мама, — тебе все шуточки. — Она еще крепче обнимала и целовала меня. Подошел се муж. Обступили дети.

А я им — свое:

— У меня ведь и фамилия совсем другая. Не верите? Вот вам солдатский билет. Читайте: «Войнилович Василий».

Старшая из детей, Наташа, принесла из спальни фотографию.

Глянул и не поверил. С небольшого фото на меня глядело и улыбалось действительно мое лицо. Только вышитая, с косым воротником белая рубашка была не моя, да костюма у меня такого не было.

«Стоп! Ведь это же необыкновенное совпадение! Нечасто в жизни такое случается. Не могу же я их обманывать — и, как говорится, наводить тень на плетень». Глубоко вздыхаю. Беру себя в руки и совсем спокойно объясняю:

— Дорогие мои товарищи! Это же необыкновенное сходство. Ваш Коля и я — действительно похожи друг на друга как две капли воды, мы — как родные братья, будто нас обоих одна мать родила. Ну, а если так, — продолжаю, — то воля ваша. Я — согласен. Принимайте меня за родного сына и не отказывайте в ночлеге ни мне, ни солдатам отделения. Всего нас — 13, как говорят, чертова дюжина.

— Да кто же против, — согласились родители Коли, — обязательно приходите, будем встречать как самых дорогих гостей, а тебя, Вася, — как сына.

И слово они свое сдержали. Жарко натопили русскую печь. Наварили картошки в мундирах. Достали из погреба остатки квашеной капусты (фашисты забрали в каждой хате все, что могли), испекли кукурузных коржей-малаев, приготовили бекмеса вместо компота из столового бурака. Когда стемнело, пришли усталые, промокшие саперы первого отделения второго взвода. Хозяин и хозяйка приветливо со всеми здоровались, указывали места, где можно посушить вещицы мешки, повесить шинели, интересовались:

— Далеко ли погнали фрицев? Скоро ли закончится война? Будет ли второй фронт?

А когда сели за стол, каждый почувствовал себя в этот вечер в этой крестьянской хате как дома.

Утром, когда помощник командира взвода старший сержант Комендантов под окном хаты подал команду: «Подъем! Приготовиться на завтрак!», — трудно было поверить всему, что мы увидели. Будто в сказке, по щучьему велению — все наши портянки были постираны, высушены и по-крестьянски на качалке выглажены. Обувь — почищена, отремонтирована и смазана дегтем.

Хозяева собрали в дорогу каждому небольшие тормозки.

Анатолий Орел:

В феврале наш 9-й авиаполк базировался на Таманском полуострове. Мы тогда летали под Керчь через пролив, который в ту зиму не замерзал. Тысячи птиц зимовали на проливе, и мы видели с воздуха «пятна» стай и одиноких птиц на воде.

В один из дней горячей работы на Крым харьковчанин комсомолец Виктор Муха упал в Керченский пролив... И пока самолет тонул, он успел сбросить с себя унты, меховой высотный костюм, пистолет, а комсомольский билет зажал зубами. На счастье, самолет носом лег на затонувшую баржу или катер, и руль поворота самолета чуть-чуть возвышался над волнами. И Виктор держался за него. Он надеялся на невероятное, что его спасут. Но его голову, видневшуюся из воды, летчики, пролетавшие над ним, принимали за птицу.

Коченея в ледяной воде, комсомолец не расставался с комсомольским билетом: и после смерти хотел подтвердить, как он дорожил званием комсомольца!

...Его случайно спасли моряки, перевозившие командующего. Изредка включая прожектор, чтобы не натолкнуться на вражескую мину, они заметили и спасли Виктора. С трудом извлекли комсомольский билет, вылечили Виктора и через 10 дней привезли в нашу часть.

Анна Киян:

Я хорошо знаю Шуру Потапенко — повара. Я была связисткой во втором батальоне, но с нею в одном полку. Досталось нам, восемнадцатилетним. Какую тяжесть мы вынесли на своих плечах. Бывало, понесет Шурочка горячее в термосах, пока дойдет, доползет до передовой под взрывами снарядов и свист пуль, оно сто раз остынет. А у меня порвется связь. Беру один конец из окопа и ползу искать

второй. А снаряд как ударит. Разлетятся концы в разные стороны. Пока найдешь, сколько слез прольешь.

Анатолий Орел:

Я с детства мечтал стать летчиком. Какова же была радость, когда попал в летную школу! В феврале под Керчью мой друг Александр Кузьмин был ранен, но сумел посадить машину на своей территории в прифронтовой полосе. Покинуть кабину он был не в силах. Немцы, желая добить самолет, открыли по нему минометный огонь. Нетрудно предположить, чем бы это кончилось, но товарищи не оставили Кузьмина в беде. Краснозвездные машины приземлились рядом. Мы с командиром звена В. Рубцовым вытащили друга из подбитого самолета. Противник продолжал швырять мины. Но мы поднялись благополучно и так же благополучно возвратились через Керченский пролив на свой аэродром.

Н. Скнарин:

В феврале в Польше в какой-то деревушке продвижение наших застопорилось. Немцы отчаянно сопротивлялись. На костеле засели два пулеметчика. Командир говорит: «Бери Антипова, по две противотанковые гранаты и уберите их оттуда».

Ползком, короткими перебежками добрались до костела, выломали дверь. Но дальше не пройти, немцы держали вход под обстрелом. Улучив момент, мы бросили гранаты.

Анатолий Орел:

Саша Кузьмин через 9 месяцев после излечения вернулся в свой полк. В госпитале его списали с летной службы — подвела нога, раздробленная снарядом фашистского истребителя. Но Саша проявил огромное упорство и настойчивость, добиваясь возможности вернуться в строй. И добился!

Летая уже в мирное время, Саша умер в воздухе от инфаркта в возрасте 25 лет.

Кто-то скажет: боевая обстановка — романтика. Нет! Высокая сознательность, любовь к Родине, ненависть к врагу удесятняли силы наших людей, самоотверженно защищавших свой народ!

Нелегко путь к победе. Не раз я возвращался с задания с множеством пробоин в самолете, не раз смотрел смерти в глаза, терял товарищей.

Яков Голубов:

После ранения на Перекопе пришлось лежать в палатках на соломе, в санчастях, а потом уже долечивали меня в 415-м стационарном эвакогоспитале г. Донецка. Оттуда и выписали в феврале. Пешком — до ст. Ясиноватая, на пункт сбора и распределения по частям. Долго задерживаться не приходилось. Представители различных родов войск уже поджидали пополнение, и всю нашу команду (более 20 человек) передали курьеру из 292-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона (ОЗАД), который нес боевое охранение объекта в г. Енакиеве от налетов вражеской авиации. Несколько человек, в том числе и я, попали в первую батарею, где командиром был капитан Барботько. Встретил нас он вежливо, расспросил каждого, где воевал, где ранен, тут же назначил по расчетам. Меня направили во взвод управления командиром отделения телефонной связи.

— Вопросы есть? — спросил комбат.

— Товарищ капитан, я же не связист, а автоматчик, телефон в глаза не видел и в этой технике не разбираюсь, лучше пошлите меня к орудию, — рапортую я.

Комбат строго на меня посмотрел и четко сказал:

— На войне академия общая, профессии осваиваются быстро, а техника тут одна для всех — бить врага до полной победы. Ясно?

— Так точно.

В воздухе появлялись только наши самолеты, и мы уже не думали, что придется стрелять по фашистским стервятникам. Но вот в предмайскую темную ночь прозвучала боевая тревога. Гул самолетов приближался, блеснули стрелы прожекторов. Комбат громко подавал команды. И, наконец:

— Батарея, огонь!

— Осколочными, огонь!

— Беглым, огонь!

Прожекторы выхватывали цели. Огонь вели и другие батареи и части. Фашистские самолеты, потеряв ориентир, стали сбрасывать бомбы где попало и вскоре улетели. После боя комбат построил всю батарею, кое-кому дал разнос, а в заключение поблагодарил за умелые боевые действия огневиков и взвод управления.

Михаил Алексеев:

В тот год зима в Донбассе стояла холодная. Прошло всего 5 месяцев после изгнания оккупантов. Возвращались из эвакуации и местных глубинки старики, женщины, подростки, дети. Им же при-

шлось восстанавливать шахты и добывать первый уголек. Было холодно и голодно. Я работал на шахте 7/8-бис крепильщиком, взрывником с комсомольско-молодежной бригадой 15-16 летних подростков. Работали по 10-12 часов. Менялись на рабочих местах. Питались чем придется, жили в бараках, спецодежды, кроме чуней, никакой не было, мылись в тазиках, да и то не каждый день. В забоях основной механизацией являлись: лебедка, лопата, поддира, взрывчатка. Уставали за смену до изнеможения. В качестве стимулов были установлены премии. Выполнившему норму на следующий день выдавали 100 г хлеба и 30 г сала, перевыполнившему — 200 г хлеба и 50 г сала бесплатно. Начальник шахты и главный инженер дежурили на шахте сутками.

Иван Серов:

Много испытаний и лишений выпало на долю солдата. Я, к примеру, за всю зиму не переступил порога теплой избы. Поспать часик в сарае считалось счастьем, но и оно выпадало редко.

Иван Знова:

Раненый выбросился с парашютом из горящего самолета. Несколько суток бродил по степям, глухим лесам, терпел стужу и голод, пока не набрел на партизан. Они оказали первую помощь, а затем переправили за линию фронта к своим.

Михаил Алексеев:

После смены в отметочной нас предупредили, чтобы все зашли в нарядную. Заходим и видим: стоит наш главный инженер Р. И. Чекрыгин и рядом с ним женщина в военном полушубке с погонами майора, с пистолетом на боку. Спросив, все ли собрались, она обратилась к нам (чумазым ребятам и девушкам) с такими словами:

— Товарищи! Женщины и дети! Киев освобожден! Немцев окружили под г. Корсунь-Шевченковский. Он будет вторым Сталинградом! Но враг жесток. У него еще много техники. Наши воины идут на прорыв. Гибнет много солдат.

Легко раненные остаются в строю, а тяжелых мы вывозим в тыловой госпиталь в Ессентуки. Наш санитарный поезд под непрерывными бомбежками две недели добирался до Дебальцево. Сейчас эшелон остановился на станции Штеровка. Нет угля. Нечем топить печки в вагонах. Мерзнут раненые. Я прошу вас от имени сотен

раненых воинов — помогите загрузить нам углем паровоз и вагон, чтобы доехать до места назначения.

Я комиссар этого эшелона. Для поддержки ваших сил из своих резервов мы привезли вам немного консервов и хлеба!

Несмотря на усталость, немного подкрепившись, с энтузиазмом двинулись на погрузку. Здесь, на путях, мы увидели весь в пробоинах паровоз «СУ» с пульманом, на котором комиссар приехала из Штеровки. Труба паровоза сбита на бок, прострелен тендер. Железнодорожники заделывали отверстия. На самом тендере установлен спаренный четырехствольный пулемет.

Виктор Смелев, Андрей Чернышев, Лидия Заненберг, Борис Кирюшин, Вера Маслакова и другие дружно взялись за носилки и вручную начали загружать пульман и паровоз углем. Одни носили, другие грузили. Потом наоборот. А девчата ведрами заливали воду в паровоз. Отдыхали попеременно в нарядной. Все одеты мы были для работы в шахте. Многие даже без портянок, в чунях на босую ногу. А ведь работали на холоде! Но мы так стремились помочь своим раненым воинам, что не замечали холода. Когда загрузили паровоз и пульман, комиссар вновь обратилась к нам с горячими словами благодарности, которые помню до сих пор.

Поспав 2 часа, мы отправились на работу в шахту, в новую смену.

Дмитрий Звягин:

53-я кавалерийская дивизия сражалась за освобождение Одессы. Ее гордо все называли доваторской. Еще в начале войны имя этого легендарного героя наводило ужас на гитлеровцев. И вот победным шагом корпус, которым ранее командовал Доватор, дошел до приодесских лесов. Готовилось генеральное наступление. Нужно было взять языка. Вместе со мной в темень ночи уехали пять конников. Шел мартовский дождик, под копытами громко хлюпала грязь. Поэтому коней пришлось вскоре оставить и идти пешком. Вот и передовая позиция врага. Бродят лучи прожекторов, ходят часовые, а в окопах горланят пьяные... Не прошло и часа, как пьяный офицер оказался в наших руках.

— Рус, о рус корош, корош, — угодливо мотал он отрезвевшей рожей. — Я знал, рус сильный.

— Знал, а лез. Это по-свински, — не удержался я.

Александр Ананенко даже выругался:

— Свины, вот и получили по рылу...

Фашист испугался, поднял руки:

— Свине. Гитлер, Гитлер капут.

А наутро началось наступление на Одессу. Счастливые одесситы встречали нас цветами, хлебом-солью.

Владимир Борсоев:

2 марта. Новичи, 10 километров от Шепетовки. По пути заехал к родным Аси. Они жили в г. Чуднове. Их не оказалось — увезены или расстреляны немецкими извергами. Люся, такая хорошая девушка, погибла! Злодеи расстреляли сначала отца, затем мать, старшую сестру с ребенком, жену Пети с ребенком и, наконец, Люсю. Мстить зовет меня вперед! Пользуясь моментом подготовки к наступлению, дал отдых бойцам. Привезли кинокартины «Два бойца» и «Фронт». Какие картины, как они хороши!

Иван Гатченко:

Штурмовая рота уже полчаса лежала на рубеже атаки в наспех вырытых в мокром мартовском снегу ячейках. Началась артподготовка. Окраина Ковеля скрылась в сизом дыму. Вперед! Окоченевшие бойцы рванулись в атаку. Из окна подвала каменного дома за сверкали вспышки пулемета. Я метнул туда гранату. Бойцы последовали моему примеру. Перемахнули через каменную стену и увидели минометную батарею.

— Огонь!

Застучали автоматы. Полетели наши гранаты. И снова вперед, к центру города. Вдруг — острый удар в грудь. Ноги подкосились, во рту мгновенно пересохло...

Очнулся на носилках и снова потерял сознание.

Это был мой последний бой.

Владимир Борсоев:

Юзефовка. Со 2 на 3 марта перешли в наступление. Прорвав сильно укрепленную оборону немцев южнее Шепетовки, пошли на Староконстантинов. Немец до самого Староконстантинова не мог собраться с духом и оказать сопротивление. Нам мешала распутица, немцы разрушили мосты. Рек много, а мостов нет. Это затрудняло наше продвижение. Затем повернули, после г. Грицев, через Касков, на Пеньки, Бутовцы, Кременчуг, Антохино и оттуда через Красилов пошли на Проскуров. Обошли его с запада. Дошли до Малашовцы и Грузевица, 6-7 километров западнее Проскурова. Остановлены нем-

цами. Здесь отражали контратаку танков немцев — преимущественно типа «тигр» — и пехоты противника. Немец на этом участке оставил наше наступление и нанес значительные потери в живой силе и технике. Дивизия подошла фактически без артиллерии — в полку было сначала 9 орудий, затем 12.

Павел Нагорный:

На рассвете 7 марта село с боем взяли советские войска. Люди плакали от радости. Старые люди молились Богу. Ощупывали солдат руками, не верили, что пришли наши. Ведь на них были шинели не то зеленые, не то желтые... с погонами... оказалось, английские. Солдаты такие худые... родные. День этот был для моих односельчан понятнее, чем будущий день Победы.

Несмотря на то, что ни в одном дворе не осталось ни коровы, ни курицы (все немцы съели), с первого дня освобождения люди сами, без команды, начали восстанавливать колхоз. Жизнь закипела вновь.

Нина Янчин:

Самая радостная радиограмма была 8 марта. Сама принимала. Белоруссию освободили после двух лет оккупации. Я ничего не знала о родных. И как раз в мой сеанс связи передали. Всех перечислили: «Мама, Зина, Сережа, Зина, Миша, Таня в Дубровице. Шура пропал без вести, папа погиб. Люба и Володя погибли, Юрцевич погиб, Федоренко Миша в госпитале в Рязани».

Всех они перечислили мне. И 8 марта передали. Вот это было и радостно, и грустно. Вообще, забота Большой земли была изумительной. Я тогда ревела, страшно ревела...

Мария Козьмина:

У Янчин Нины Сережа — самый младший из восьмерых детей. Ему 10 лет. Когда Нину уже должны были вот-вот арестовать как подпольщицу, отряд Кочубея перевел ее через линию фронта, в Москву. Схватили маму гестаповцы. Пытали. И этого малого взяли. И стали его расстреливать. Стали стрелять ему вокруг головы. У него полопались барабанные перепонки, и он на всю жизнь остался глухой.

Но остался живой.

И. Ярцев:

Особенно тяжелые бои наша бригада вела в начале марта на территории Николаевской области. В тяжелых ночных боях в 4 часа утра 10 марта на железной дороге Новый Буг — Николаев меня ранило, и полковник Щербаков нашел меня, чтобы попрощаться. Я хорошо запомнил его слова: «Сынок! Ты будешь жить, а я без тебя погибну. Желаю тебе счастья и долгих лет жизни».

Через несколько дней солдат разыскал погибшего полковника и привез его в Новый Буг, где я находился в районной больнице. Там его и похоронили. Были отданы все почести погибшему гвардии полковнику Щербакову Никодиму Ефремовичу.

Мария Заброда:

10 марта меня арестовало гестапо за то, что записала сводку Совинформбюро на уголке газеты. Допросы. Бьют. Теряю сознание. Но помню: «Если заговорю, из-за меня погибнут люди. Лучше умереть, но молча».

Переводят в другой лагерь.

И снова гестапо. И снова пытки.

Затем бросают в тюрьму. И наконец — Освенцим, лагерь смерти. Знала: кто попадает сюда, тот не выходит живым. Скучная пища, холод, болезни косили людей.

Издевательства чудовищны. Немцы стремились как можно быстрее и больше истребить людей. Выстраивали и расстреливали каждого пятого, десятого или пятнадцатого. Я часто стояла в ряду четвертая, девятая или четырнадцатая. Что это? Счастье?

Владимир Борсоев:

17 марта мы переброшены на направление главного удара немецкой контратаки в район с. Дзелинче. Заняли там позиции на фронте 5 километров. 18 марта немец, подтянув до 50 танков и до полка пехоты, перешел в контратаку и смял 8 наших орудий. Два орудия вытащили целыми. Наши 76-миллиметровые орудия устарели против современных танков «тигр», «пантера», самоходок «фердинанд» — наши обычные снаряды их не берут. Убиты 12 человек. Тяжело ранен мой заместитель по строевой гвардии майор Назарчук. Осталось в полку 14 орудий.

Со вчерашнего дня занял ПТОП (противотанковый опорный пункт) и сижу в Юзефовке. Основные орудия должны подойти завтра

— послезавтра. Действуем в составе 17 стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии.

Александра Щукина:

С марта готовились восстанавливать школу № 22, у которой после бомбежек остались одни стены. Наша задача — очистить классы от мусора для капитального ремонта.

Загудели в полях тракторы, и нас, школьников, позвали помочь подготовить поля к посеву. Убирали с полей снегозадержатели, разбрасывали навоз, готовили землю под овощи. Кроме этого, каждая семья старалась засадить свои приусадебные участки. Работали по 12-15 часов, а то и больше. Но никто из нас не стонал от трудностей, жили ожиданиями, когда же кончится война.

А советские бойцы гнали фашистов уже в их собственную берлогу.

Воодушевленные подвигами Советской Армии, мы готовы были выполнять любые работы, лишь бы скорее окончилась война. Чаше работали без выходных дней. Принимали самое активное участие во всех комсомольских воскресниках, зная, что фронтовикам необходимо все: питание и снаряжение, боеприпасы, одежда, обувь и другое, поэтому люди трудились не жалея своих сил.

Владимир Борсоев:

Подтянув наши силы и измотав контратакующие части противника, 21 марта перешли в решительное наступление. Я с 9 орудиями полка пошел вперед в направлении Дзелинче — Каменец-Подольский.

Анатолий Коробкин:

26 марта 1944 года утром пошли в наступление на г. Николаев. Небо было пасмурным, земля была припорошена снегом, мы наступаем ложной на подъем мимо кладбища, от всей дивизии остались сводные полки и батальоны. Врываемся в первые траншеи немцев на окраине города. Немцы открыли сильный артиллерийский огонь. Батальон залег на склоне. Слева разорвался снаряд, осколком резануло по ноге, почувствовал боль, с минуту приходил в себя, потом крикнул санитару. Подползли мужчины, разрезали сапог, жгутом перетянули выше колена, забинтовали ногу. Это произошло в 10 часов утра 26 марта 1944 года.

Санитары перенесли меня в одиночный неглубокий окопчик, положили головой вниз, а раненой ногой вверх.

Рвались снаряды, трещали автоматы и пулеметы, после каждого взрыва раненая нога дергалась, причиняя боль. Я внизу окопа, а нога — наверху. Как слышу, что свистит осколок, так и думаю, что сейчас вопьется в раненую ногу.

В окопе я пролежал до темноты, часов до 8 вечера. Поскольку немцы простреливали все подступы, раненых не могли отправить в медсанбат.

Стемнело. Пять человек положили на повозку, привезли в какое-то село, занесли в хату, положили на пол, на соломе. Операционная была в другой комнате. Сделали укол в живот, ввели сыворотку против столбняка. Положили на операционный стол. Думал, что отрежут ногу. Сделали операцию, очистили рану от осколков кости.

Василий Чернявский:

После ожесточенных упорных боев наш 28 отдельный полк освободил крупный железнодорожный узел ст. Подволочиск. Немцы оказывали упорное сопротивление, переходя в контратаку. К концу дня станция была освобождена. Мы потеряли один танк, убит командир роты лейтенант Алехин.

Получили приказ идти на Каменец-Подольский, крупный узел шоссе-ных дорог. По ходу наступления освобождали населенные пункты. Продвижение осложнял густой мокрый снег. Он ограничивал видимость, закрывая прицелы.

Особенно тяжелые бои вели в районе Крепости. Однако танкистов невозможно остановить. Почти четверо сражались. 26 марта город этот освободили.

Враг предпринимал ожесточенные контратаки в районе железнодорожного вокзала, где стояли его эшелоны с танками. Мы захватили много техники и пленных.

Наш полк стоял южнее станции. Здесь мы уничтожили два миномета, и здесь же я потерял своего боевого друга, механика танка Николая Паршикова, с которым познакомился в Сталинграде.

Иван Удод.

Подразделения 28-й армии освободили пригородный населенный пункт Жовтнево. Областной центр Николаев оказался в полукольце. Под вечер разыгрался сильный береговой ветер. В полночь, бесшумно сняв вражеских часовых, десантники высадились в порту,

заняли оборону вблизи нового элеватора. Всю ночь никто не помышлял о сне.

— Схватка предстоит жаркая, — говорил бойцам командир десанта старший лейтенант Ольшанский. — Поэтому автоматы, гранаты и кинжалы держите наготове.

Утром 26 марта во двор элеватора въехала подвода с гитлеровцами. Приблизились к конторе. И вдруг:

— Халът! Хенде хох!

Автоматные очереди уничтожили фашистов. Только одному удалось убежать и поднять тревогу.

Элеватор окружили несколько подразделений гитлеровских автоматчиков.

— Рус, сдавайся! — кричали они. Отвечали им пулеметные очереди. Иван Удод взял на прицел ближайшую группу.

Через несколько минут новая атака. Но и она захлебнулась. Враг поднял резервы и под прикрытием артиллерийского огня вновь перешел в атаку. Десантники внимательно следили за гитлеровцами и стреляли только наверняка. Вскоре на помощь атакующим пришли танки. Удод от пулемета перешел к противотанковому ружью. После его выстрела над одним танком вспыхнуло пламя.

Еще выстрел — и еще один танк загорелся, уже второй на счету Ивана Удод.

Гитлеровцы вызвали самолеты, обстреливали огневые позиции десантников термитными снарядами. Казалось, никто не сможет выжить в таком аду. Но только поднимались фашисты в атаку, их встречал дружный огонь героев, раненые не покидали позиций.

И. Сотников:

В боях за Одессу наш 429 полк вел бои с противником в районах Котовска и Балты. Гитлеровское командование для оказания помощи своей группировке, отрезанной в Крыму, создало на правом берегу Южного Буга, на многочисленных лиманах, прочную оборону.

Петр Мороз.

«Извещение.

Старший сержант Мороз Петр Игнатьевич в бою за Родину, верный воинской присяге проявив геройство и мужество, находясь на фронте, был убит 27 марта 1944 г.

Похоронен в Эстонской ССР на станции Холва».

Иван Удод.

Наступила ночь, а с ней короткий отдых. Перевязали раны, укрепили огневые точки, собрали вражеское оружие и боеприпасы. А утром снова бой. Погибли командир и замполит отряда, командиры взводов. Матросы держались, Иван Удод ранен, но на выкрики фашистов отвечал меткими очередями из пулемета. Гитлеровцы применили огнеметы. Горели здания. Дым забивал дыхание, тлела одежда, слезились глаза...

К концу второго дня потери фашистов составили около полка солдат, но и от отряда десантников в живых осталась горстка.

Анатолий Коробкин:

Два дня нахожусь в медсанбате. Рядом со мной лежит солдат, раненый в живот. Договорились, что чем стонать, лучше петь. Мы спели «Ермака», «Есть на Волге утес», затем он спел песню «О матушке-бабушке». Мне песня очень понравилась, попросил ее повторить, а сам ему подпевал. Всем раненым давали молоко, кроме тех, кто ранен в живот. Моему соседу тоже не давали. Вечером сестра санитарка принесла ужин и по кружке молока. Мой товарищ так просил молока, что она не могла ему отказать. Ночью начались сильные боли. Чтобы не стонать, мы пели. Пели до полуночи. Наутро я проснулся, сосед молчит. Я к нему, а он мертв. Так и не научил он меня своей песне.

Владимир Борсоев:

28 марта достигли армянских хуторов, остановились у очень хорошей хозяйки. У нее три сына на фронте с начала войны. Она рада нам, угощает всем, чем богата.

В тот же день противник отрезал нас с тылами от большой земли.

Иван Удод.

Наступил третий день боя. Иван Удод, отравленный чадом, тяжело раненный, бился с врагом до последнего, пока держалась в нем искра сознания.

28 марта, когда в город, сломив сопротивление гитлеровцев, вступили советские войска, Иван Михайлович умер от тяжелых ран на руках друга...

Из 68 храбрецов осталось в живых 12, все они были ранены.

Анатолий Коробкин:

28 марта 1944 освободили г. Николаев и раненых отправили в эвакогоспиталь № 43-59, который располагался недалеко от элеватора. Лежу день, два, неделю. Мне ничего не делают, даже перевязку. Нога распухла, рана ноет, терпеть нет мочи. Я просил, чтобы мне хоть перевязку сделали. Но было не до таких как я. День и ночь поступали раненые с передовой, и им надо было оказать первую срочную помощь. Это я понял, когда оказался в операционной.

В большом зале делают одновременно до десяти операций (как на мясокомбинате).

Когда сняли повязку, в ране увидели червей. Я стал возмущаться, почему раньше не могли сделать. Привязали меня к операционному столу, рядом делают операцию солдату, у которого оторваны нога и рука (он только что поступил). Его пытаются уговорить выпить спирт, поскольку наркоз ему делать нельзя.

Я попросил сестру дать спирт мне, но подходит хирург с большими ножницами (я не знал, что будет делать). Она делает разрез на икре с внутренней стороны и туда ножницами. Я как заорал. Врач коротко — наркоз. Подскочили, на рот и нос наложили марлевую повязку и начали что-то капать. Сказали дышать глубже и считать. Досчитал до 41 или 42. Загудело в голове. Проваливаюсь куда-то.

Сколько длилась операция, я не знаю. Когда спросили фамилию, ответил. Я осмотрелся и увидел, что все еще лежу на операционном столе. Увезли в палату.

Через некоторое время нас перевезли в г. Днепродзержинск в эвакогоспиталь 37-62. Здесь мне сделали третью операцию, наложили гипс. Лежу в большой палате, рядом со мной два тезки, в общем, собрались три Анатолия, те двое — пехота, а я немного минометчик. Кампания подобралась, охать и ахать — ни-ни, если что — петь. Если кто-то начинал охать — мы начинали петь «Реве та стогне Дніпр широкий».

Из Днепродзержинска санитарным поездом повезли в г. Тбилиси. В вагоне впервые услышал песню «Ой Дніпро, Дніпро», пел ее солдат, раненный в руку. До Ростова мы успели ее разучить и потом всю дорогу пели вместе.

В Ростове задержка. Тбилиси не принимает наш санитарный поезд. Повезли в Астрахань. Выгрузили. Долго лежим на носилках на станции. Пока везли в эшелоне, нога распухла, поднялась температура. Не мог дожидаться, когда нас определят и что-то сделают.

Дует ветер, несет песок. О нас как будто забыли. К вечеру привезли в большое здание, в палате разместили 20 раненых.

Через несколько дней повезли на операционный стол. Под наркозом сделали четвертую операцию.

Астрахань — город рыбный. В то время килограмм рыбы стоил 10 рублей, грудочка сахара — 4 рубля, хлеб — 10 рублей порция. А помидоры — три штуки стоили 39 рублей. Как вспомню, сколько дома помидоров.

Цезарь Калиновский:

С нетерпением ждали мы освобождения. И, наконец, этот день настал. В марте наше село снова стало свободным. Нужно начинать поднимать хозяйство, а ничего не осталось — всё разграбили немцы. Да и работать некому. Те, кого не расстреляли захватчики, ушли с нашими бить врага. Если и был в селе какой мужик-калека, рассчитывать на него не приходилось. Потому и легла основная тяжесть на плечи женщин и детей.

Анатолий Коробкин:

Приходили к нам шефы, приносили подарки, яблоки....

Я просился домой, но меня не пустили. Сказали, что сперва я должен научиться ходить на костылях.

Меня списали подчистую.

Владимир Боженко:

В марте я прибыл в 73 стрелковую дивизию заместителем командира батальона. На второй день пошли в наступление. Медленно, но уверенно продвигались вперед. Подойдя к железнодорожному разъезду Вольные Хутора, мой батальон оказался впереди всех. Слева и справа никого нет. Я решил приостановить наступление, чтобы не попасть в ловушку. К моему счастью, подошли два Т-34. Командир танка спросил:

— Почему не берешь Хутора?

Объяснил создавшееся положение.

— Сейчас мы им дадим.

Приблизительно через полчаса из танка мне дали сигнал: «Заходи».

Освободив Хутора, батальон окопался возле железнодорожного полотна. В одном сарае находилось зерно пшеницы. Я разрешил жи-

телям разобрать его по домам. Люди набросились с мешками, тачками, гребут. Появился командир полка Яценко:

— Кто разрешил государственное добро грабить?

— Ваш командир.

— Чей батальон здесь?

— Боженко.

— Комбата ко мне!

Словом, получил я как положено.

В. Иванов:

Иван Маркович Слободянюк — самый близкий для меня человек. Вместе в 12 гвардейском отдельном инженерно-саперном батальоне 18 армии прослужили почти всю войну. В весеннюю распутицу марта разминировали подходы к берегам Южного Буга по колено в грязи. Наводили переправу из подручных средств черед водную преграду под огнем противника.

Цезарь Калиновский:

Мы были ослабленные, годы оккупации не прошли даром. Пахать не на чем, и люди впрягались в плуг. Земля просила зерна, хлеб нужен фронту. Мы понимали это и отдавали все силы работе. Я и мои сверстники Николай Лящук, Павел Гиргун, Яша Баранчук и Миша, фамилии которого не помню, тоже трудились в поле. Вокруг села бегали беспризорные лошади, мы их поймали, подлечили, немного откормили. Пахали на них. Лошади не выдерживали такой нагрузки, падали. Очень тяжело поднять лошадь на ноги, чтобы отвести в конюшню. Копали землю лопатами. Тяжело, но никто не жаловался. Все понимали — Родине надо.

Семен Бороденко:

На подступах к Николаеву моя группа из пяти человек под сильным концентрированным огнем артиллерии проделала 15 проходов в минных полях, 7 проходов в проволочных заграждениях и 3 в противотанковом рву, сняла 850 противопехотных мин, 147 противотанковых. Это дало возможность нашей пехоте беспрепятственно штурмовать город. Под сильным пулеметно-минометным огнем противника я сам снял 246 противопехотных, 32 противотанковые мины и сделал два прохода в проволочном заграждении.

Евгений Устименко:

Когда подали команду «пошел», я первым покинул самолет. Свободное падение... Скорость нарастает. Но вот хлопок над головой — стало удивительно тихо. Посмотрел вверх. Все в порядке. Словно белый букет — шелковый купол. Приземлившись, побежал к расстилавшимся на зеленом поле огромным куполам грузовых парашютов. Там — техника. К ней устремились и гвардейцы моей батареи.

Вскоре наш парашютно-десантный батальон завязал бой с противником. Мы теснили гитлеровцев, рвались на противоположный берег. Но на помощь фашистам подтягивались крупные резервы. Мы открыли артиллерийский огонь по колонне противника.

Захватив важный объект, пленили оставшихся в живых немцев. Короткая передышка — и снова бой.

Карп Величко:

Ранней весной в селе Рудня Волынской области партизанское соединение вело бой с украинскими националистами. И вот после боя к командиру партизанского соединения тов. Коротченко приходит незнакомый и называется связным от действовавшего по соседству с нами соединения Ковпака. Здоровый парень, лет 25-26. Одет в расшитый полушубок. Командир побеседовал с ним, направил ко мне (я тогда был заместителем командира соединения по разведке). Начинаю допрос. На все вопросы отвечает вроде бы верно, всех командиров знает по имени-отчеству. Но я чувствую, что здесь что-то не то. В общем, провозился с ним всю ночь. А наутро пустил в ход главный козырь. Спрашиваю о начальнике особого отдела. И тут он стал в тупик. Без ведома особого отдела на связь никого не посылали. Все учел, а этого-то и не знал. Тогда ставлю прямой вопрос:

— Кто послал к нам в отряд? С какой целью?

После долгих запирательств он сознался во всем. Оказался украинским националистом, который проник в отряд с целью разведки.

Владимир Борсоев:

До 4 апреля мы были в окружении! Отбивали ежедневные атаки немцев, иногда по три-четыре раза село переходило из рук в руки. Вот, например, хутор Дубинка. Немец выбил нас в 7.00, а в 9.30 мы его. В 12.00 немец опять выбил нас. Подойдя с другой стороны, мы в 15.00 вновь заняли хутор. Третий раз немец выбил нас в 17.00. Мы отвоевали хутор в 19.00.

И. Добров:

В восстановительной работе на Штеровской электростанции много трудностей. Не хватает материалов. Приходится использовать отдельные части и детали от разрушенных котлов, которые не подлежат восстановлению. Мы не считаемся со временем. Работаем иногда целыми сутками. В голове одна мысль: дать скорее энергию Донбас-су.

Владимир Борсоев:

4 апреля противник, стремясь окончательно разделаться с нами, предпринял ожесточенную попытку захватить Оринин. В результате четырехчасового боя противник, оставив на поле боя около 200 человек убитыми и потеряв около ста человек пленными, отошел и вышел на соединение со своей Скальской группировкой. Мы дострелялись до того, что у половины солдат не оставалось патронов, а у пушек имелось лишь по 2-3 снаряда (подкалиберные). Мы потеряли за это время около 60 человек убитыми и ранеными. Что пережито в окружении, и описать невозможно!

Подтянув все необходимое для боя, мы опять перешли в наступление и, перейдя старую границу (р. Збруч), заняли за день Скалу и Боршув. Сегодня в Боршуве. Местечко хорошее, но большинство населения еще в 39-40 годах уехало на запад, за границу. Немцы вели среди поляков разлагающую агитацию, будто советские люди режут и вешают всех, кроме русских и украинцев. На нас удивленно смотрят, угощают, кто чем богат. Здесь бандеровцы делали много преступных дел. Сотнями расстреливали безвинных мирных людей.

Дорога плохая, три дня подряд была метель — дорогу занесло, с началом оттепели образовалась непролазная грязь. Машины застревают и ломаются. Немец в спешке бросает машины. Только в районе Каменец-Подольского и в самом городе фашисты оставили больше 5000 машин.

И. Добров:

После установки сепарации в котлах трубки пароперегрева из-за недостатка конденсата (воды) выходили из строя. Чтобы избежать аварии, пришлось заваривать заглушки котла при температуре 80 градусов и выше. Когда заменили трубки пароперегрева, Штеровская станция дала энергию шахтам и заводам Донбасса. Мне трудно

рассказать, как было радостно на душе, когда был включен первый ток. Этот ток был предвестником нашей победы.

Иван Танцюра:

7 апреля во время завершения разгрома группировки немцев на Сиваше погиб командир батальона. Командование я взял на себя. Оборона противника была глубоко эшелонированной, с противотанковыми рвами, проволочными заграждениями и минными полями. Но, несмотря на это, враг вынужден был отступить.

Владимир Шувыкин:

Бесконечные обстрелы, налеты авиации, отражение атак и разрушение переправ, холод, грязь, нехватка боеприпасов и продовольствия, гибель близких людей. Но наш солдат все перенес и выстоял. И не напрасно.

Именно с нашего плацдарма 8 апреля началось освобождение Крыма. В результате тяжелых трехдневных боев оборону противника прорвали.

И. Фролов:

8 апреля после двухчасовой артподготовки пошли в наступление. Прошли от Перекопа до Армянска и залегли. Немцы упорно сопротивлялись. Здесь скопилась большая вражеская сила.

Владимир Борсоев:

9 апреля объявлено о присвоении мне очередного воинского звания — полковник. Вчера встретился с командиром 32-й ИПТАБр полковником Купиным, который горячо поздравил меня и намекнул на возможность новой должности — командира бригады. Сегодня обошел боевые порядки. Люди настроены бить, громить врага. Артиллерии здесь много.

И. Фролов:

9 апреля нам поставили задачу: выйти в тыл противнику и расстрелять вражескую батарею.

На полпути помкомвзвода подал команду остановиться, потребовал, чтобы вперед выдвинулись те, у кого есть противотанковые

гранаты. Комидов взял противотанковую гранату и пополз. Мы услышали взрыв — это Комидов подорвал немецкого пулеметчика.

— Техненко, тебя обходит немец! — крикнул командир роты Медведев.

Мы стали отбиваться. Потом выскочили на бруствер и побежали навстречу немцам. Патронов не жалели. Враг начал отступать. Мы не оставляли его в покое, преследовали.

Александр Коробчук.

12 апреля Крым. Красноперекопский район. Гора Чатырлык. Бурлит стремительный Чатырлык-речка. Покраснела от людской крови. А конца боя не видно.

Тяжело ступают солдатские сапоги. Заливаются пулеметы. Дрожат в руках автоматы, посылая смертоносные очереди. Летят вверх куски искалеченной земли.

Неожиданно — взрыв. Волна кинула на землю старшего сержанта Коробчука. Когда открыл глаза, увидел, что пулемет его свое отвоевал — лежал раздробленный. Жаль, жаль. Но у него еще есть чем воевать. Шаг, другой... В руках гранаты, в глазах — ярость.

В числе первых Коробчук ворвался во вражеские траншеи. Рукопашная — и несколькими фашистами стало меньше. Но дзот свинцовым дождем не подпускает другие подразделения. Как горько, что не осталось ни одной гранаты.

Дзот не умолкает. У многих матерей забрал он сынов. Многих детей осиротил. «Пусть буду я последним», — подумал, наверное, Коробчук и своим телом закрыл огненную пасть.

Владимир Борсоев:

12 апреля, с. Косув. Действуя совместно с 30 стрелковым корпусом, воевали на р. Серет. Противник выводит остатки окруженной группы. По 2-3 раза в день контратакует нас, стремясь расширить горловину, через которую хочет вывести свою группу, но везде получает должный отпор. Теперь мы воюем в составе 1-й гвардейской армии.

Л. Красноставский:

13 апреля за наш край погиб рядовой Иван Трофимович Щебетовский. Мы не знали его тогда в лицо, не простились с ним. Похоро-

нен Иван Трофимович в с. Бравичены Оргеевского района Молдавской ССР.

Илья Касьянов:

Веселый, жизнерадостный парень был Николай Ширков. Кавалеристам приходилось совершать длительные и утомительные марши. Не успеют скомандовать привал, как все валятся с ног. Но вот послышался залихватский перебор гармоники, и усталость как рукой снимает. Это Коля Ширков растянул меха своего неразлучного спутника — баяна. Вокруг него всегда собирались бойцы и командиры. В часы коротких передышек, бывало, и лихой танец станцуют, и песню фронтовую споют...

Много раз приходилось мне видеть Николая в бою. Храбрым солдатом был, отважно дрался с фашистами. В последнем его бою под деревней Овличин Яновского района Волынской области 15 апреля на артиллерийский расчет, в котором служил Николай, шло десятка два танков. Но не дрогнули артиллеристы, они подбили несколько машин. Однако силы были неравными. Прямым попаданием снаряда орудие было разбито, погиб весь расчет. И уже после этого озверевшие фашисты с ожесточением давили и разворачивали гусеницами огневую позицию. Конечно, никого живого там не осталось.

Филипп Киселев:

В деревушке под Старой Руссой угощал немцев «завтраком». А дело было так. С немецкой точностью приезжала в деревню (напротив нашей батареи) кухня. В подзорную трубу хорошо видно фашистов. Выждав момент начала завтрака, я послал несколько снарядов — гостинцы непрошеным гостям.

Владимир Шувыкин:

Преследуя отступающих фашистов, в середине апреля мы подошли к Севастополю, который немцы сильно укрепили и решили оборонять до конца.

Василий Чернявский:

Брали Каменец-Подольский. Немец предпринял попытку отбить вокзал. Командир танка ранен. Остальные ребята молодые, неопытные. Мне, механику-водителю, пришлось остаться за командира. Мы

разбили минометную батарею немцев. Они из-за разрушенной фермы палили по нашим...

Николай Болдырев:

В Тернополе дрались за каждый дом. Раненым солдатам оказать помощь невозможно. Простреливалась каждая улочка. Стоило только показаться, враг открывал ураганный огонь. Вместе с фельдшером М. Смирновым мы получили задание попытаться вынести раненых ночью. Но и ночью сделать это оказалось не просто. В воздухе беспрерывно висели осветительные ракеты. И, тем не менее, всю ночь мы с Михаилом выносили в безопасное место товарищей. Уже почти утром рядом с нами взорвалась мина. Тяжело ранило Михаила Смирнова, я контужен...

И все-таки нашел в себе силы, чтобы вынести товарища в безопасное место.

Владимир Борсоев:

22 апреля противник после попытки выровнять позиции, отошел на линию Бугач — Обертин. Преследуя его, наш полк вышел на хутор Духовка. Затем занял позиции в районе Кошиловце. Погибли комбат гв. старший лейтенант Гусев, командир орудия и трое рядовых. Подорвались на минах 3 «студебеккера».

Геннадий Семенов.

«Уважаемая Мария Архиповна! Похоронили Вашего сына Геннадия Семенова со всеми воинскими почестями. Погиб он в бою за деревню Александровцы в Каменец-Подольском районе Хмельницкой области. Клянемся Вам, что за смерть Геннадия мы отомстим ненавистному врагу, будем бить фашистов по гвардейски. Командир А. Якушев».

Андрей Григорьев:

Весной 1944 г. под Дубно зачислили в 361 отдельный батальон связи в составе 13 армии.

Меня взяли в кабельно-телеграфную роту. Небольшой рост позволял незаметно прокладывать или налаживать кабельные линии в самых простреливаемых местах.

Путь из Дубно проходил через Броды и Горохов на польский

город Сандомир, что находится в месте слияний рек Сан и Висла. Фашисты тогда пропустили наши войска через мост в город и хотели взять всю армию в окружение. Затем потопить в Висле.

Я ходил вместе с разведчиками за «языком». Попался офицер штаба, который на допросе сообщил о намерениях командования. План фашистов был сорван.

Николай Гладышев:

Красивее стал город за весну этого года. Отремонтировано и приведено в образцовый вид много зданий госучреждений и домов трудящихся.

Отдел благоустройства и общественность посадили в городе 100045 декоративных деревьев, побелено и окопано 15000 деревьев, для посадки цветов вскопано 10600 кв. метров земли, окрашены и побелены штaketники скверов. Восстановлен памятник В. И. Ленину.

Михаил Карась:

Нам поручили захватить языка. На нейтральной полосе приметили старый стог. Пробрались к нему, понаблюдали и поняли: лучше всего брать языка у винного погребка. Время от времени вспыхивали ракеты — немцы пускали их, чтобы было не так страшно. Часа в два ночи мы уже думали, что придется возвращаться с пустыми руками. Но послышался гомон. Мы затаились. Немцев было четверо. Двое вошли в подвал. Оставшихся на улице обезвредили быстро, они опомниться не успели. Просто управились и с двумя другими. Оставалось только дотащить их до своих позиций. Было это 30 апреля, а утром 7 мая пошли в наступление.

Иван Фролов:

Перекоп. Узкая полоска земли. Сиваш — гнилое море. В ранней юности эти места я знал только по книгам. А в 1944 году на Перекопе пришлось штурмовать укрепления гитлеровцев.

Максим Мороз:

С шахты № 12-13-бис далеко видна степь. Зеленым ковром оделись поля. Весна вступила в свои права. В зелень врезаются черные полосы — это огороды рабочих. Их много.

Повеселели лица горняков. Жизнь в освобожденном Донбассе нормализуется. А мои бойцы — товарищи сражаются за Отчизну с захватчиками...

В прошлом году, в день Первого Мая, здесь не было ни демонстрации, ни песен. На шахте свирепствовали немцы. В предчувствии бегства от возрастающей силы наступления Красной Армии бандиты измывались над горняками, заставляли их окриком и плетью от зари и до зари рыть окопы.

И словно весенние побеги, люди, освободившись из-под фашистского гнета, вновь выпрямились, посвежели. Жизнь вошла в берега возрождения Донбасса.

Уголь с шахты уже плавит металл для оружия, которым Красная Армия бьет фашистского зверя.

Петр Гуленко:

Части Четвертого Украинского фронта и нашей Отдельной Приморской армии наступают со стороны Керченского пролива. На нашем пути — селение Старый Крым. Мы здесь увидели страшную картину фашистских злодеяний: эсэсовцы вырезали более 500 женщин, детей и стариков.

Александр Ханин:

Под Старой Руссой на пути наших наступающих войск немцы подготовили сильный оборонительный рубеж. Подступы к поселку шпалового завода прикрывались многочисленными и сильно укрепленными огневыми точками. В зданиях и на чердаках домов — пулеметы, на улицах — минометы.

Выбить немцев из поселка во что бы то ни стало — гласил приказ. Выполнить задание поручено подразделению, в котором я был командиром минометного расчета.

Наступать пришлось по болотистой местности. Каждый метр простреливался. Несмотря на превосходство в живой силе и технике, оккупанты дрогнули перед нашим напором.

Спасаясь, враг оставил на месте боя раненых, оружие и снаряжение. Путь для наступления расчищен.

Данил Клименко:

Я — связист. Без связистов в бою туго. Слышал, как один боец объяснял молодому:

— Вот уж связисты герои. Мы в атаку все вместе идем, взводом, ротой, полком. А у них все поодиночке, ну, в крайнем случае, вдвоем. Под артобстрелом, да еще какие обстрелы! Где земля, где небо — не поймешь. А он ввалится в окоп, доложит, что связь восстановлена, так, как будто не война, не обстрел. Как ни тяжело им, а все равно связью обеспечат. Герои они и есть герои.

Николай Гладышев:

После двухлетнего перерыва в Красном Луче возобновил работу колбасный завод «Главмясокомбината». Первые две партии выпущенной «Чайной», «Минской», «Украинской» колбасы вполне оправдали требуемое качество.

Основные цехи завода восстановлены. Выработку колбасы производит мастер тов. Кутневский.

Данил Клименко:

Все шло как обычно. Мы вели бои за освобождение Николаевской области. Враг всеми силами старался не отдавать нам порт. Готовилось наступление. Мы протянули связь от НП полка к артиллеристам и в каждую роту. Так уж получилось, что мы первыми начали наступление, а немцы перешли в контрнаступление. Провели артоподготовку, и пехота противника, прикрытая танками и бронемашинами, двинулась к нашим позициям. Майор попытался вызвать артиллеристов, но связи нет, хотя до артобстрела работала хорошо.

— Связь, давайте связь! — скомандовал он. — Иначе сомнут нас танки.

Схватил я катушку с кабелем, выскочил из окопа и побежал по линии. Обрыв оказался недалеко. Соединил провода и вернулся на НП. И сразу же команда:

— Давайте связь с первой ротой.

Опять выскочил. В это время над головой что-то завывало. Увидел, что в рядах немецкой пехоты и среди танков начали рваться снаряды. Значит, связь с артиллеристами есть. Нашел порыв, соединил, проверил. Пока возвращался, еще в двух местах пришлось связь с первой ротой восстанавливать. Артобстрел с обеих сторон был массированным, и поэтому порывы на линии были частыми. Четырнадцать раз устранял порывы.

Выстояли мы тогда. Но я-то в бою не участвовал. Даже не выстрелил ни разу. На другой день наши перешли в наступление.

Владимир Шувыкин:

В Крыму, когда форсировали Сиваш, полгода заедали вши, не было ни огня, ни нормальной еды, ни патронов. Зима стояла слякотная, промозглая.

Озеро Айгульское, под деревней Ашкадан, длиной километров шесть и шириной метров шестьсот. В апреле прорывали оборону. Командование решило идти в атаку на немцев, находившихся по ту сторону озера, по воде. Можно это сделать ночью, но в атаку заставили идти днем по горло в воде по вязкому дну. Пулеметные точки до этого подавлены не были.

Шли, что называется, на расстрел цепь за цепью. Озеро от пуль кипело, вода стала красной, и мы шли по трупам своих товарищей. Цель была достигнута — мы преодолели это озеро и закрепились на другом берегу. Но какой ценой!

Мария Козьмина:

Станция Тевля... Враг сильно укрепил подступы к ней, создал опорный пункт, ошетинился десятками артиллерийских и минометных стволов. Первый полк дивизии под командованием Давида Баградзе с двух сторон повел наступление. Конники командира эскадрона Ленкина стремительным ударом ошеломили врага и овладели опорным пунктом, захватив богатые трофеи и немало пленных. Наконец бой окончился, все затихло, бойцы залегли в укрытиях: вскоре через станцию должен пройти эшелон с боевой техникой.

Лежим, ждем... Непривычная тишина, кажется, врывается в уши. Лишь мерцают далекие звезды в ночном апрельском небе, да где-то в перелеске пощелкивают потревоженные недавним боем птицы.

Вот и поезд. Молодцы минеры, не подвели и на этот раз: тяжелые заряды сработали вовремя. И долго не умолкал еще все заглушающий грохот. Из 30 вагонов с танками и бронемашинами, что еще недавно именовалось эшелонем, 14 танков и 8 броневиков были уничтожены сразу, остальные бойцы «прикончили» спустя несколько минут. А на рассвете вся дивизия пересекла железнодорожную магистраль и двинулась вперед, навстречу новым боям.

И. Щиголев:

После оккупации, как только наши прогнали немцев, все подростки села включились в работу по восстановлению хозяйства. За зиму

собрали инвентарь, а весной провели посевную. Землю рыхлили лопатами, вилами. Семян у нас не было. Зерно дало государство.

Со станции, которая располагалась от села в пятнадцати километрах, мы носили мешки на себе наравне со взрослыми. Дмитрий Крюков, Алексей Лепшин, Дмитрий Дробышев, Николай Денисов — друзья моей юности, как говорится, не знали усталости. Конечно, это так только говорится, в самом деле, нам было трудно. Но все равно не так, как во время оккупации, когда малейшая оплошность могла стоить жизни. Например, я трижды был на краю гибели, но каждый раз везло. Однажды немцы схватили нас с дядей, решили, что мы партизаны. Допрашивали, били, зажимали пальцы дверью... словом, издевались, пока не надоело...

Федор Давыдов:

К празднику Первого мая наш стрелковый полк занимал позиции на Карельском фронте в районе станции Мосельская. И вот фашисты решили испортить нам этот день. Конечно, они понимали, что в праздники наши части особенно бдительны и что простым обстрелом или авантюрой десятка головорезов на нас не подействуешь, и потому бросили в атаку три пехотных батальона. Не знали они, что накануне в нашем ближнем тылу обосновалась на время батарея грозных «катюш». Не знали и... просчитались: первый же залп «эрсами» разметал в клочья большинство их солдат. Десятки других оказались ранеными. Один младший офицер, чудом оставшийся невредимым, долго не мог прийти в себя и все повторял изумленно, что рост мощи нашей армии удивителен, а сила «катюш» ужасна.

Михаил Карась:

После госпиталя я попал в часть, которая находилась в румынской деревушке. На 2 мая назначено наступление. В деревушке скопилось много наших. Не давали покоя немецкая артиллерия и авиация. Нашему взводу автоматчиков поручили прочесать деревню: предполагали, что где-то в деревне засели вражеские корректировщики. Мы шли от дома к дому и ничего примечательного не замечали. Наконец над одним из сараев увидели кусочек проволоочки. В тот же момент проволока исчезла. Поднялись на чердак — никого. Решили подождать, затаились. Через некоторое время послышался шепот.

Разгребли солому и увидели двух немцев. У них рация. Мы сняли корректировщиков, наступило некоторое затишье.

Владимир Борсоев:

3 мая по вызову командующего артиллерией фронта я выехал в штаб фронта и получил назначение. 7 мая вступил в командование 11-й гвардейской истребительно-противотанковой Проскуровской ордена Ленина артиллерийской бригадой РГК. Бывший командир бригады полковник Купин ранен. Замечательный командир, культурный, боевой начальник. Постараюсь быть достойным преемником.

В эти дни сравнительное затишье. Послал к Купину делегацию — 20 человек. Полковника скоро должны эвакуировать в Москву. Командиры полков: подполковник Батулин, майор Бояринцев, подполковник Ковин. Один лишь последний — старый, остальные все новые.

Владимир Шувыкин:

7 мая тысячи орудий открыли ураганный огонь по севастопольским укреплениям врага, сотни наших самолетов обрушили на него свой смертоносный груз, с моря били корабли Черноморского флота.

Тимофей Рынковой:

При освобождении Севастополя на подступах к городу, мы обезвредили карательный отряд. Это около 200 человек, которые уничтожали население. В одном поселке было примерно 40 домов. Всех жителей убили. Одному удалось спрятаться, и он остался живой. Мы нашли его в тяжелом состоянии. Он рассказал обо всем нам и направил на след карателей. Мы их догнали, обезоружили. Потом по приказу командования весь состав карателей расстреляли.

Иван Танцюра:

Под Севастополем советские войска готовились к решающему штурму укреплений гитлеровцев. На направлении главного удара возвышалась Сапун-гора. Крутой восточный склон, обрывистые скалы до трех и более метров были не только природными препятствиями, но они дали возможность противнику создать несколько ярусов оборонительных сооружений.

Мой батальон находился в резерве командующего 51 армией и готовил для взятия Сапун-горы штурмовые группы.

После трех дней ожесточенного боя передовых частей я получил приказ занять исходные позиции для штурма Сапун-горы. Враг

оказывал сильное сопротивление. Сквозь огненный шквал пробирались мы к вершине горы. Бойцы захватывали укрепление за укреплением. Ночью 8 мая на высоту 1727, которую занял мой батальон, фашисты 14 раз бросались в контратаки и каждый раз были вынуждены отходить. Одну штурмовую группу я возглавил лично и действовал с ней на самых опасных участках. Раненный еще в начале боя, не оставил батальон. Мы отбили все атаки.

За взятие Сапун-горы мне и еще восьми матросам батальона морской пехоты, которым я командовал, присвоено звание Героя Советского Союза.

Михаил Карась:

Наш батальон шел через ту деревню на нейтральной полосе, где мы брали немцев ночью. Выбили врагов из траншей и стали продвигаться дальше. За окопами — лощина. Добежали до нее, «зашелестели» снаряды. Знаем, разорвутся где-то рядом. Как бежали, так со всего маху и плюхнулись на землю. Дважды рвануло впереди. Мне обожгло левую руку и лоб... Четверо бежавших рядом товарищей погибли, троих тяжело ранило. Мы стремились к Победе. Мы рвались вперед, и каждая задержка казалась нам вечностью.

Владимир Шувькин:

9 мая на полуразрушенной улице Лабораторная нас встретила небольшая группа женщин. Они обнимали и горячо благодарили нас, своих освободителей, и слезы текли по их измученным лицам. Это были волнующие минуты, вершина нашего солдатского счастья. Только ради этого стоило пройти тысячи километров тяжелых фронтовых дорог!

Из ближайшего двора выбежала девушка и вручила огромный букет сирени. Почти сразу же в палисаднике разорвался снаряд, нас окутало пылью и дымом.

Н. Михайлов:

В день, когда Москва салютовала воинам 4 Украинского фронта, освободившим Севастополь, горняки шахты № 12 ответили трудовым салютом: пятимесячный план угледобычи выполнен.

Для победы, для разгрома фашистских полчищ и полного освобождения от них нашей земли горняки обязались значительно раньше срока выполнить производственный план второго квартала.

— Наше слово, — заявил заведующий шахтой Литвинов, — крепкое слово.

Иван Леонов:

Огнем своего миномета мы подавили противотанковые орудия, три станковых пулемета, уничтожили много фашистов. А я ранен. Наскоро перевязав рану, снова подал команду:

— Вперед!

И повел расчет на две вражеские пулеметные точки. Когда выполнил задачу, попросил оказать медицинскую помощь.

Н. Михайлов:

— А как мы ознаменуем блестящую победу советского оружия в Севастополе? — обратился к своим горнякам заведующий шахтой № 13 Вахначев на митинге, посвященном очищению Крыма от немецко-фашистских захватчиков.

Мастер угля, навалоотбойщик Чуприна сказал:

— Считаю делом своей чести самоотверженным трудом еще больше помочь Красной Армии!

К заявлению мастера угля присоединились машинист врубовой-машины Голубов, бутчик лавы Павел Ковтун, крепильщик Бондаренко, навалоотбойщики Манухин, Ковтун, Быков и много других.

Петр Гуленко:

Кипя священной ненавистью к врагу, подошли мы к стенам Севастополя. Перед нами метров на 500 левее Сапун-горы встал считавшийся гитлеровцами неприступным 15-метровый Турецкий вал. Но ничто не могло уже сдержать порыва воинов.

Ровно в 24 часа 11 мая ринулись мы на штурм Турецкого вала, а в 7 часов 30 минут, освободив белокаменный город-красавец, были уже на мысе Херсонес. Попытка гитлеровцев вывезти из Севастополя в румынские порты 60 тысяч своих солдат и офицеров потерпела крах. Все они были уничтожены или пленены.

Н. Михайлов:

11 мая начался штурм угля. Врубовая машина была послушной в руках опытного машиниста Голубова. Она работала четко, бесперебойно. Груды блестящего при свете шахтерских лампочек угля бес-

прерывно сползали по рештаку вниз, в штрек, где их подбирали ловкие руки грузчиц — полтавчанок Д. Корсиной, Шуры Супруновой и загружали ими вагоны. Вагонщики Вася Водопьянов и Ваня Овсянников без задержки отправляли груженные вагоны на плиты, к выдаче на-гора. Плитовая Шура Чернявская с удовлетворением отмечала количество вагонов.

По окончании третьей смены подсчитали добычу. Цифра отрядная — 160 процентов выполнения суточного плана.

Алексей Лысенко:

На сопке Перчатке нас бомбили. Как это произошло? Окраина. Идет вроде офицер с денщиком. Оказывается, что это разведчики. Они навели на нас самолеты. Мы в лесу были. Как самолеты могли нас обнаружить? Я не знаю, как. Нас там было взвод. Бомбили нас, стреляли, но ни один не пострадал. Можно себе представить, какое счастье.

Михаил Изотов:

«18 мая 1944 г. Дуся! Работа моя очень сложная. Сегодня в ночь иду на задание. В общем, это у меня ежедневно. Сначала было немного моторошно, а сейчас привык, будто так им надо».

Иван Леонов:

Бой за Ковель. Фашисты оказали здесь упорное сопротивление. Мой расчет, продвигаясь в боевых порядках пехоты, уничтожал врага с открытых позиций. Уже подавили 4 ручных и 2 крупнокалиберных пулемета, 3 миномета. Вражеское сопротивление заметно ослабевало. Но в этот момент на нас двинулся танк.

— Стоять насмерть! — приказал я. Первым же выстрелом минометчики повредили гусеницу танка. И он волчком закружился на месте.

С. Милин:

Немецко-фашистские варвары в дни своего разбойничьего хозяйничанья в нашем районе разрушили все торговые предприятия.

Сейчас все разрушенное почти что восстановлено. В районе работают пекарни с суточной выпечкой хлеба больше 20 тонн. Пекар-

ни хорошо оборудованы, механизированы, содержатся в прекрасном санитарном состоянии.

В городе заново построена большая пекарня. В ней есть и цех кондитерских изделий.

Для увеличения выпечки хлеба заканчивается строительство первой очереди мощного хлебозавода. Ко второй очереди строительства хлебозавода руководители краснолучского хлебокомбината приступят в начале 1945 года.

Лидия Васильченко:

В мае мы форсировали Западную Двину у Витебска. Батальон наводил переправу для бойцов и танков. Понятно, что весь вражеский огонь был направлен на нас. Много мы потеряли тогда бойцов, но приказ выполнили. За эту операцию батальону присвоено звание — «Витебский». А многих, в том числе и меня, наградили. Медаль «За отвагу» получила за то, что отвезла языка в дивизию. Везла я его в бричке. Немец рядом. В одной руке держу вожжи, в другой пистолет. Так и ехали почти весь день. Все могло случиться, по дороге не было ни людей, ни селений.

Нина Янчин:

Задача рейда — уничтожить завод, на котором выпускались ракеты ФАУ.

Весь рейд — бои. Каждый день.

Переходим железную дорогу или шоссе, заслон из наших отрядов по обе стороны. Роту направо и роту налево — заслон назывался. А здесь транспорт беспрерывно идет. Слева бой и справа бой. Так же и шоссейную дорогу переходили. Переход через дорогу — всегда бой и всегда раненые. У нас было уже 360 с чем-то раненых. Сколько это повозок! Какой обоз... Пара лошадей, запряженных в повозку и два раненых лежат. Разделите 360 на два — это 180 повозок. А потом, там же и кухня, и хозяйственные повозки. Мы в Барановичскую область пришли и с белорусского партизанского аэродрома отправляли раненых. А в самолет можно взять только 24 человека. Больше нельзя. Сколько нужно самолетов!

В. Шепелев:

Бригада под руководством начальника машинного цеха Штергрэса Линника в рекордно короткий срок восстановила мостовой кран

грузоподъемностью в 100 тонн, что дало возможность сразу же приступить к монтажу турбогенератора. Работа на монтаже турбины не прекращалась ни на одну минуту. Командиры и стахановцы не выходили из цеха по несколько дней подряд. У всех было стремление одно: быстрее дать нашей угольной промышленности электроэнергию.

Самоотверженный труд, организованность и слаженность в работе обеспечили энергетикам успех. Турбогенератор мощностью в 22 тысячи киловатт вошел в строй. Это еще одна большая победа советского энергетического хозяйства.

Большая по объему и очень сложная работа, проделанная коллективом Штергрэса, заслужила высокую оценку. В третий раз мы являемся победителями. За нами оставлено переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны. 45 товарищей представлены к наградам. В их числе — начальник электрического цеха Тимашев, главный инженер электростанции Лимин, коммутатчица Мойсенко, работник релейной службы Першин, начальник монтажных работ Фидельман, начальник монтажа котлов Кобяковский, руководители горьковских отрядов ремесленников.

Максим Величко:

Мин нет, мы взялись за автоматы. И как только немцы подошли ближе, минометчики обрушили на них свой огонь с такой яростью, что ни один гитлеровец больше не пытался контратаковать.

Однажды немцы пытались сорвать переправу наших стрелков. Немцы подошли к селу, хотели контрударом отбросить передовые части от реки. Но туту подоспели минометчики. Метким огнем мы рассеяли немцев. Но одной группе все же удалось приблизиться к минометчикам. К этому времени у нас кончились боеприпасы. Мы снова взялись за автоматы.

Василий Завьялов:

Трое русских военнопленных: я, Иван Щелоков и Петр Самохин — решили бежать из лагеря, расположенного в городе Эйзене в Бельгии. Побег подготавливал вольнонаемный чех Вацлав Аныж, работавший, вместе с нами на шахте и живший с семьей в шахтном бараке. Чтобы сбить с толку охрану, он отметил всех троих в табельной, как будто мы вышли из забоя, сдал наши шахтерские лампочки, а нас увел в вентиляционный штрек, снабдил всем необходимым. Там мы пробыли шесть дней.

Затем в воскресенье, когда выходы из шахты фашисты охраня-

ли значительно слабее, чем в будни, чешский патриот вывел нас из забоя и укрыл еще на несколько дней в своем сарае, рискуя при этом жизнью семьи. Потом Вацлав связал нас с партизанским отрядом.

Александр Коробчук.

16 мая старшему сержанту командиру пулеметного отделения 262 полка 87 дивизии, парторгу роты Александру Кондратьевичу Коробчуку Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

Посмертно.

Никита Хрущев:

Штергрэс. Директору тов. В. Шепелеву, главному инженеру тов. Лимину, парторгу ЦК ВКП (б) тов. Цивенко.

Поздравляю строителей, монтажников и эксплуатационников Штеровской электростанции с окончанием восстановительных работ по турбогенератору в 22 тысячи киловатт и пуском его в эксплуатацию. Ваша производственная победа ускоряет восстановление промышленности Донбасса и приближает час полного разгрома немецко-фашистских захватчиков. Желаю успеха в деле дальнейшего восстановления электростанции и бесперебойной работы введенного в эксплуатацию агрегата.

Михаил Изотов:

«20 мая 1944 г. Дуся! Погода холодная. Ветер, срывается то дождь, то снег. Сегодня в ночь опять направляюсь на передний край выполнять задание».

В. Верушкин:

В воскресенье, 21 мая, организован массовый выход трудящихся нашего города на погрузку угля. В этой благодарной работе приняли активное участие работники 15 общественных организаций.

Пример высокой сознательности показали коллективы работников госбанка, хлебокомбината, местпрома, пожарной охраны, вышедших для погрузки угля на шахту № 160. В этот день план погрузки здесь выполнен на 150 процентов. Благодаря помощи общественности заметно улучшилась погрузка на шахте № 4-бис. 21 мая план погрузки по этой шахте перевыполнен.

Нетерпимое отношение к делу государственной важности по-прежнему проявляют работники горсвязи, завода фруктовых вод, промбанка, горздравотдела, Донэнерго, конторы «Заготживсырья». Здесь ждут особых указаний.

Мария Козьмина:

Все дивизии, которые могли быть отправлены на фронт, вынуждены были бороться с нами. Оставаясь в своем тылу, мы должны были парализовать тыл врага. Мы уничтожали заводы, продовольственные склады, железные дороги, мосты... и парализовали все.

Яков Дербенцев:

Мы подошли близко к реке Днестр, форсировали ее, перешли. Тут долго стояли, месяцев пять.

За рекой Днестр немец не отступал. Там немец укрепленный был такой. Но наши не бросили так силу туды, чтобы жертвов меньше было. Просто стояли, стояли, а потом артиллерийский огонь как открыли, глянешь, настоящее огненное море сделалось на ихой территории. И тут команда подалась:

— Вперед!

Фашист вперед танки в две линии пустил, а потом пошла пехота за танками... И тут мы прошли далеко-далеко. Это было в 1944 г.

Алексей Лысенко:

Фронтowej судьбе было угодно забросить меня воевать против фашистов на Карельский фронт. Пришлось повидать смерть и хоронить боевых товарищей. Однажды в ходе боя пробирался по заданию командования из одного подразделения в другое через топи, валуны и болота, разбросанные по дремучему карельскому лесу. Я набрел на поляну с небольшим озерцом и от увиденного замер на месте: полянка была хаотично завалена обломками самолета, упавшего и, видимо, взорвавшегося потом. Многие железки уже проросли бурьяном, повсюду валялись боеприпасы. Медленно, чтобы не наступить на мину, я пробрался к озерку. Недалеко от берега плавал труп. На петлицах комбинезона были видны крылышки и по три кубика с каждой стороны. О судьбе летчика ничего не знали ни в части, ни дома, он для всех пропал без вести. Лежит не в могиле, а в неизвестном болоте, и никто не отдаст ему последних почестей. Думал, пос-

ле боя вернусь и уточню личность погибшего. Но был контужен и отправлен в госпиталь.

Захар Киреев:

День 22 мая был днем напряженной борьбы за угледобычу горняков шахты № 16 им. Кагановича. В этот день план добычи угля по шахте перевыполнен.

В соревновании за первенство среди горняков шахты победителями вышли мастера угля тт. Скрипников, Охременко, Стребков. Они дали по 4 с лишним нормы. На 404 процента выполнил свое задание зарубщик т. Передерий. Превосходно работал также новоприбывший из Полтавской области зарубщик тов. Демченко, выполнивший норму на 322 процента.

Л. Скороходова:

Наступательные бои за Украину. На станции Гречаной нашу батарею бомбили, как говорится, напрямую. Все стволы стояли под прямым углом. Вообще-то я — радистка. Но заменяла и третий, и четвертый номер орудийного расчета. «Мессеры», «рамы», бомбардировщики не давали нам покоя.

Иван Комаров:

Когда приходили молодые летчики, Овчаренко (Гончаренко), Куприянов, Стародубцев (потом стал Заслуженным летчиком СССР), я говорил:

— Не теряйте своего ведущего. Основная задача, чтобы вы не оторвались от группы. Может быть, ты не вовремя увидишь противника, главная твоя задача держаться ведущего.

А когда 3-5 вылетов сделал, осмотрелся, уже чувствую, морально вырастает. В атаку рвется. Тогда мы говорим между собой с ребятами, давай ему запишем самолетик. Часто, в групповом бою трудно определить, кто сбил. Стреляем все. Как узнать, чья пуля сработала? Может, моя, но почему не его? Вот и называем имя новичка. Это воодушевляет человека. Он смелее становится. И бьет врага. Представляете ситуацию в футболе. Говорят: Иванов забил гол. Один, пятый, десятый. И только Иванов забивает. А все остальные, словно пустое место в команде, на поле. Но это же неправильно. Иванов ни одного мяча не забил бы, если бы ему не сделали хороший пас Петров, Сидоров и Козлов, которые разыграли отличную комбинацию,

отвлекли на себя противника. Создали все условия для того, чтобы Иванов легким движением ноги послал мяч в сетку. Но Иванов герой, а все остальные даже не упоминаются. Такое же самое и в воздушном групповом бою. Иная только ставка. Называется она жизнь. В нашей эскадрилье трое получили звания Героя Советского Союза.

И. Щиголев:

Мне доверили возглавлять комсомольскую организацию колхоза, и я хорошо помню, что тон в работе задавали комсомольцы, руководимые коммунистами.

До войны мы успели окончить по 3-4 класса и больше учиться не имели возможности. Председатель колхоза Тимофей Митрофанович Артемьев, фронтовик, инвалид войны, просто и доходчиво объяснял нам: Родине нужен хлеб. Без хлеба солдату воевать невозможно. Без хлеба рабочий не сможет делать оружие и боеприпасы, без хлеба нет жизни. И мы работали, самоотверженно трудились, ничего не требуя взамен.

Видя наш энтузиазм и понимая, что без нормального питания мальчишки могут подорвать здоровье, Тимофей Митрофанович постоянно заботился о ребятах. Тем, кто был занят на тяжелых работах, выдавали по 200-300 граммов хлеба. Тем, кто хорошо работал и у кого не было коров, Тимофей Митрофанович распорядился выдать по теленочку. Это была такая награда, за которую хотелось работать еще больше. И мы трудились не щадя сил. Мы понимали свою ответственность перед фронтовиками. Хотели, чтоб нашим отцам было легче разгромить врага.

Николай Васильев:

Целая колонна наших машин направлялась в село Волковыску в районе Барановичей. Дороги трудные, груз ответственный — лазаретное оборудование, другие военные принадлежности. Рядом со мной — начальник аптеки старший лейтенант Кириленко, санитарка Полина Малютина.

Машину бросило резко в сторону. Оказалось, полетел поршень в двигателе. Ехать нельзя. К счастью, у меня всегда были запчасти. Тут же, в полевых условиях заменил поршень и два толкателя, восстановил двигатель за короткое время и готов был к отправке.

Очень пахло приятно мясом. Это Полина Малютина, пока я возился с мотором, приготовила обед.

Подкрепились и в путь.

С наступлением ночи пошел снег. Дороги очень плохие. Меня клонило ко сну. Третьи сутки не спал. Мы остановились. Решили немного отдохнуть. Выставили посты. Я быстро уснул.

Павел Чепик:

Мы удерживаем высоту. Ночь. Хорошо видно, откуда бьют пулеметы. Мы развернули свою сорокапятку и прямой наводкой ударили. Пулемет замолчал. Нам понравилось. Таким образом этой ночью мы подавили еще девять пулеметных точек.

Стреляли и по нам. О щиток орудия звенели пули. Но, к счастью, обошлось. Из нашего расчета никто не пострадал.

Василий Горяинов:

Мы идем по территории восстанавливающейся шахты № 16-бис им. «Известий».

— А вот и наш энергичный специалист, — говорит Молостов. — Знакомьтесь.

Знакомимся с инженером — электромехаником Захаровым. Он только что дал бригадиру Барышникову задание просверлить соединительные планки для укосины копра. Завертелось сверло, со скрежетом вгрызаясь в железо.

— Тяжеловато вручную, — поясняет механик. — Скоро здесь будут механизированы все объекты восстановления. Но ждать некогда. Впереди много работы.

— Наши орлы руками, что машиной, гору сдвинут. Посмотри! — Молостов указал на металлические обрубки, лежащие в стороне. — Их люди вырывали руками из бетонированного фундамента, испытывая большое напряжение мускулов, когда крутили лебедку.

Мы у устья ствола. Устье бетонирует бригада проходчиков тов. Крапивина. Их работа сопряжена с риском: над ними еле держится перекрытие и полуразрушенная стена грозит обвалом. Но проходчики смело орудуют, выполняя в смену две с половиной нормы. Иванова, Вострикова и Голубовская подносят цемент. Они передовики в соревновании.

Везде кипит работа: звон из кузницы — это Синюткин кует зубила, кует на славу — 310 процентов его дневная выработка; шарканье рубанка — это столяры под руководством Гусарова готовят древесину для восстановления комбината; шлепанье камня в липкую подстилку — это бригада Козачка возводит стены электроподстанции. А всем хором трудового запева руководит Иван Федорович Мо-

лостов. В начале стахановского движения он награжден орденами Ленина и «Знак почета». Тогда на этой же самой шахте Иван Федорович, работая навалоотбойщиком, придумал новый метод: рештаки — в грудь забоя, что дало возможность поднять угледобычу. Его метод подхватили шахтеры области. И теперь Молостов как начальник строительства показывает незаурядные организаторские способности. Уже восстановлена электромеханическая мастерская. Выправлены «ноги» копра, и копер приведен в вертикальное положение, ведется подготовка к монтажу укосины копра и водоотлива.

— Впереди много работы, — повторяет Иван Федорович слова механика. — Подумать только — 28786000 рублей. На такую сумму причинен ущерб шахте. Но мы залечим раны, возродим шахту.

Иосиф Вощенко:

В ходе войны в войска поступала новая техника. Когда привезли новые противотанковые пушки, образовали истребительный противотанковый артиллерийский полк. В этом полку я служил пулеметчиком до конца войны. Моя задача — вести огонь по пехоте, которая двигалась за танками.

Василий Ширков:

Концлагерь. С группой советских граждан попал в Югославию, в г. Сараево. Здесь удалось связаться с представителями подполья, которые в начале лета переправили в партизанский отряд. Вместе с партизанами громил фашистских оккупантов, освобождал города и села Югославии.

Иван Смешко:

Мы вступаем на многострадальную польскую землю. Плечом к плечу с нами идут воины Первой польской армии. Нас встречали так восторженно, что даже у закаленных бойцов увлажнялись глаза. К советским и польским бойцам тянулись тысячи и тысячи рук, измученных фашистской неволей людей. Шесть лет длилась страшная ночь. Шесть лет им твердили, что Польша нет и никогда не будет, а тут рядом идут советские и польские солдаты, неся поработенным освобождение. Нет, не умерла Польша. Это было суровое и прекрасное время, и никогда не забудутся нелегкие солдатские версты, которые мы преодолевали совместно с польскими воинами. Это были

храбрые солдаты, отличные товарищи. При освобождении Польши погибло 600 тысяч наших солдат и офицеров.

Василий Горяинов:

Максим Мороз — бригадир угольной комсомольско-молодежной бригады шахты № 12/13. Он опытный горняк. Поэтому и прикрепили его к молодым, чтобы научить их работать. Девушки и парни охотно вникают в суть шахтерского ремесла. За короткий срок полтавчанка Людмила Чабан овладела профессией навалоотбойщика и сейчас умело орудует киркой, выполняя производственное задание на 145-150 процентов. Ее подруга Люба Пацева, работая вагонщицей, дает 138 процентов нормы выработки. Молодые горняки Григорий Ткаченко и Николай Писаренко, соревнуясь друг с другом, стремятся опередить бригадира. Дневная выработка Мороза — 200–210 процентов. Молодым, конечно, трудно за ним угнаться, но ведь за тем они и соревнуются, чтобы постичь в соревновании высокое искусство горного дела и стать мастерами угля.

А когда скажет бригадир:

— Соколики, поднажмем, — не удержать тогда порыва сильной молодости. Глядишь — и бригада уже перекрыла задание. И так день за днем. Бригада закаляется в труде. Она стала одной из лучших на шахте. Работает на передовом участке, коллектив которого завоевал переходящее Красное знамя и прочно закрепил его за собой высокой производительностью. Благодаря трудовой сплоченности горняков, шахта № 12/13-бис стала самой передовой в тресте «Донбасантрацит». Ей присуждено переходящее Красное знамя горкома партии, треста и райкома угольщиков. Руководители шахты — начальник А. И. Литвинов и главный инженер Т. С. Орлов заявляют:

— Постараемся завоевать и знамя комбината «Ворошиловградуголь».

Яков Дербенцев:

Мы стояли в каком-то лесу. Пустое здание было. А потом, значит, нас по тревоге подняли, и форсировать реку. Мы подошли туды, начали наш обстрел орудийный. Сколько уж времени было я не знаю, мы оборону заняли, а команда подалась форсировать реку. Она неглубокая. В брод шли. Туда 40 км. Прогнали его. Они, было, кинулись на нас со штыками, когда команда подалась, а мы лежали.

— Встать, вперед, на штыки!

И пошли на штыки. И первую линию всю перекололи. Только у

нас 20 человек закололи. А их покололи много. А вторая линия начала отступать. Но мы открыли огонь по ним, и их тоже настрелили много. Мы не думали о жизни. Только думали, что сейчас пуля попадет — и все.

Андрей Баранов:

«Я думал, что вы меня забыли. Но из вашего письма вижу, что помните меня, а значит, и те трудные моменты, которые переживали вместе в вашей больнице. Сейчас я на фронте в Молдавии, продолжаю своей шашкой рубить немцев. Не щадя своей жизни клянусь уничтожить зарвавшихся фашистов. Будьте спокойны. Больше никогда враг не придет к вам. Передайте лично мой сердечный привет главврачу В. Н. Брагину. Я не забыл его ласки, того большого дела, которое он совершил ради Родины, спасая десятки жизней воинов Красной Армии. Всем большая благодарность, что вылечили меня и спасли от рук немецких палачей».

И. Коган:

Отважно сражался в небе Белоруссии молодой летчик Анатолий Зосимович Чуфаров. Во время боя он был ранен в голову, но все же посадил самолет на свой аэродром.

Всего он совершил 106 боевых вылетов, уничтожил много живой силы и техники врага.

Иван Комаров:

Был в третьей эскадрилье один парень, который когда взлетал, терялся, что ли. Он не осознавал, что творил, возможно, от страха. Особенно при посадке. Не один самолет разбил. Поэтому командир сказал, чтобы отправили его в тыл. Зачем над человеком издеваться. В других войсках, возможно, он станет героем.

Алла Борисовская:

Организовали курсы трактористов, а заодно проводили уроки минного дела, чтобы при работе в поле мы могли самостоятельно обезвредить взрывоопасные предметы. Так как тракторов было мало, всех, кто окончил курсы, собрали в одну бригаду, и в марте пошли мы по полям Дмитриевки, Крепенской, Дубровки, Мариновки, Степановки, Красной Зорьки.

Вместе со мной работали Ф. Четвертак, К. Полякова, А. Морозова, Нина Камышацкая, Катя Ляхова, Дима Суворов, Володя Морозов. На каждом шагу нас подстерегала смерть. Но мы четко выполняли указания старшего. К сожалению, были и потери. Почти у всех на глазах погибла Маша Диденко, а ей не было еще и 16 лет. А еще после войны во время сева погиб тракторист Задорожный.

Николай Васильев:

Мы выезжали с Кричева. Ехали по болотам Белоруссии. Тень, слякоть — страшно. Того и смотри, что угодишь в болото навсегда. Но все это было организовано так, что противник не знал о нашей переброске.

Неожиданно застряли. 50 машин мы — шоферы и командиры — выносили на руках из болотной топи машины разные. И малые, и большие. А потом подросла рота связистов и помогла нам преодолеть болотные топи.

Александр Молодцов:

Фашисты угнали подростков в Германию. В их числе были и мы с Виктором Молодцовым. Нас разместили в разных лагерях. Я работал на фабрике, а Виктор грузчиком на автотранспорте. Он имел возможность приезжать ко мне, и мы с ним виделись, хотя и не часто. Потом как-то Виктор сказал мне, что во время разгрузки вагона среди побитого имущества он нашел исправный радиоприемник и пишущую машинку. Он предложил создать комсомольскую группу, чтобы слушать вести из России, а потом на машинке печатать листовки и распространять их среди своих ребят. И среди военнопленных.

Мы так и сделали. Листовки начинались словами: «Вести из России», «Мы победим».

Через некоторое время в нашу группу, кроме нас с Виктором, входили Черный Сергей, Яцок Михаил, Толстов Валентин, Лесняк Александр. Виктора избрали секретарем комсомольской организации, Черного Сергея заместителем.

Потом нас арестовали, содержали в тюрьме. В городе ...штадте. Оттуда нас привезли в Мюнхенскую тюрьму, а затем в концлагерь Дахау. Поместили в барак № 15. Там мы пробыли примерно полтора месяца.

Однажды Виктора и Черного Сергея вызвали из барака и увели. Они уже больше не вернулись. 17 июня 1944 г. старший барака сказал нам:

— Ваших двоих повесили.
Он имел в виду Виктора и Сергея.

Мария Норка:

Все силы свои отдавала, но нормы в первые дни дать не могла. Без привычки болело тело. Это продолжалось несколько дней. Потом приспособилась, научилась владеть инструментами, правильно бить в пласт — и дело пошло. Дала первые 100 процентов. Потом больше. Потом — 200 и т. д. Проработала навалотбойщицей полгода и одновременно подменной вагонщицей. Шахта меня больше не страшит. Наоборот, она стала для меня родным домом. Я живу одной мыслью о добыче. Болею душой за каждый промах в работе товарищей.

Михаил Бондаренко:

18 июня началась Брестско-Люблинская операция. 7 гвардейский кавалерийский корпус в составе 1 Белорусского фронта получил задачу действовать в полосе наступления 69 Армии, форсировать Западный Буг, освободить город Холм, а в дальнейшем наступать на Люблин. С этими задачами корпус блестяще справился. Взаимодействуя с другими частями, воины корпуса штурмом овладели Люблином. Восточнее Люблина расположена чудовищная фабрика смерти — концлагерь Майданек, в котором находились свыше 10 тыс. узников. После посещения лагеря конники не могли найти слов, чтобы выразить возмущение, ненависть к фашистам.

В разгар боев по очищению от фашистов восточного берега Одера корпус получил приказ передать оборону другим частям, теперь предстояло совершить рокировку на 300 километров вблизи линии фронта по чужой территории. Передвижение проводилось скрыто. Преодолев почти 300 километров, конники вышли к новому рубежу. Завязались упорные бои. Крупная группировка врага была уничтожена. Но и кавалерийские полки были в значительной степени обескровлены и имели только три эскадрона.

Ожесточённые неудачами фашисты настолько озверели, что стали издеваться над трупами убитых советских артиллеристов. Когда по команде Ю. П. Лозовкина — командира батареи — наши войска перешли в контратаку, был убит ст. сержант Гладков. В горячке боя тело не успели вынести. Гитлеровцы долго глумились над убитым, поднимали его, били о мостовую. Изуродовав до неузнаваемости, бросили на дорогу.

Михаил Кашубо:

Наше соединение должно прорвать хорошо укрепленную оборону противника. По данным разведки, гитлеровцы создали здесь несколько долговременных опорных пунктов. Совершить обход и атаковать противника во фланг — такая задача поставлена моему полку. Под прикрытием сумерек танки и самоходные орудия стремительным рывком вышли в тыл врага. Фашисты были ошеломлены внезапностью атаки и стали быстро откатываться.

К. Челышев:

Однажды я поругался с лейтенантом Калабуховым за то, что он испещрил штурманскими расчетами томик «Поднятой целины», доказывая лейтенанту Герасимову, как проще вычислить площадь для воздушного фотографирования.

Калабухова вскоре сбили, а книжка с пометками его еще долго оставалась у меня. Берег я её, да все же не сохранил. Случилось так, что сбили наш самолет. После госпиталя вернулся в часть. Все мои вещи оказались в целости и сохранности, а книгу ребята «зачитали».

Уже позже, когда служил в эскадрилье воздушных разведчиков, капитан Лысюк где-то разыскал январский номер журнала «Новый мир» за 1938 год с главами «Тихого Дона». Журнал пошел по рукам, а однажды вспыхнул даже спор: кому читать. Капитан Якубовский тогда предложил разделить журнал на части. Так и сделали, расшили его и читали утроенным темпом. Позднее я собрал все три части вместе и когда демобилизовался, привез журнал домой.

Довелось мне наблюдать любопытную картину. Возле капонира группа солдат. Один читает, другие слушают.

П. Любичкая:

В 1944 году я с семьей вернулась в родной Красный Луч. Восстанавливали разрушенный город. Выезжали в колхозы, помогали пахать и сеять, убирать урожай.

Алексей Лысенко:

Мы на сопке Перчатка. Шириной она метров 400, и тянулась метров на 900. Вечером на ней расположился наш 1212 полк 26 армии 367 дивизии. Возле штаба полка наша палаточка. Утром рано начали по палатке вести артиллерийский огонь. Через 15-20 минут он

как начал стрелять по всей этой сопке... Часа четыре молотил нас там. Как мы спаслись?

Я не помню, как мы обнаружили бомбоубежище. Вроде бугорочек. Заросший, как и все. Смотрим, а тут отверстие. Туда. Батюшки! Оказывается, это бомбоубежище. Залезли. А сверху бревнышки были, а еще камушки. А потом засыпали, а потом дерном заложили. Но это когда-то. Может, в 39 году. И мы попали в убежище, Богом данное нам. Мы спаслись в этот день. Он стрелял, конечно, и осколки сыпались. Но прямого попадания не было.

Николай Васильев:

Я очень любил стихи, книги, любил петь. Особенно в пути. Никогда не унывал. Зачастую в кабине вместе со мной был кто-нибудь из медперсонала, в основном — женщины, девушки. В трудные моменты находил нужные слова, чтобы отвлечь их от окружающей действительности, помочь победить страх. Часто ездили ночью.

Северный Кавказ. Ночью нужно было привезти боеприпасы из дальних укрытий. Ехали тихо, без света. Тяжело. Командиры не торопили нас. Торопиться, значит погибнуть. Время поджимало, но мы успели к сроку. Подвезли боеприпасы почти вслепую.

У меня машина была всегда на ходу, в отличном порядке.

Иван Комаров:

Мой Иван Горобец смелый парень. Пошел в лобовую атаку. Побеждает тот, у кого нервная система крепче. Я шел, а он рядом со мной. И у него попался тоже крепкий противник. И они крыльями столкнулись. Как крутануло... высота небольшая, метров 150-200. Он сам бы с парашютом не успел выпрыгнуть, его выбросило. Тогда мы летали с открытыми кабинами. Потому что в таком случае, как произошел с Иваном, открыть фонарь не успеешь. А еще попадали осколки, и заклинивало. На Миг-15, когда я летал, там вместе с сидением выбрасывало, а предварительно сбрасывался колпак. А здесь я должен был сам фонарь открыть, вылезать через него и выпрыгивать с парашютом. Очень сложно было. Иван бы не успел. Его выбросило чудом. Никто не знает, и он сам, как это произошло. Очнулся в воздухе, успел открыть парашют. И снова повезло — приземлился в расположении наших танкистов. Все это происходило на их глазах. А немецкий самолет врезался в землю и взорвался. Иван привез справку, подписанную командованием танкистов, в которой говорилось, что подлежит награде.

Иван получил орден Красного Знамени. Сразу же командир дивизии приехал и вручил. Дня два походил без полетов, психическое состояние нормализовалось, и опять пошел летать.

В госпиталь шли, если уже нельзя было летать.

Василий Ширков:

Гора Игман. Летняя пора. Самолеты союзников только что бомбили Сараево. Горит самолет, сбитый немецкой артиллерией. Вижу, как спускаются пять парашютистов, вот и шестой. Немцы с собаками бегут, хотят захватить их в плен. Те, кто упал ближе к Сараево, попали в руки фашистов. Видя такое положение, партизаны Мирко Тошич, Стоян Томич и Джордж Кутлач уже открыли огонь из автоматов по приближающимся немцам. Ден Вуд, так звали американца из Бостона, очень рад был, когда увидел партизан. Сквозь ливень и град пуль прошли мы вместе по дорогам войны, освобождая, села, города братской Югославии. А Дена Вуда мы переправили на запасной аэродром, и он улетел в свою часть, а через месяц сбросил пакет — подарок с сахаром, одеждой и оружием в знак признательности за помощь.

В. Рогулин:

22 июня войска Белорусского и других фронтов перешли в наступление. Тысячи орудий и минометов, в том числе и «катюш» обрушили огонь на фашистов. Сотни самолетов ни днем, ни ночью не прекращали ударов по врагу. Но немцы яростно сопротивлялись. У них была долговременная и глубоко эшелонированная оборона. В первые часы наступательных боев погиб командир первого батальона. Командование взял на себя капитан З. Д. Лобок. Подразделение успешно продвигалось вперед. Но немцы подбросили танков, самоходных артиллерийских установок, большое количество пехоты и отрезали батальон от основных наших сил. Шесть суток З. Д. Лобок со своими бойцами и командирами вел бой в окружении. Ежедневно фашистские стервятники сбрасывали на позиции батальона смертоносный груз. Бессчетное количество раз вражеская пехота, поддержанная танками, шла в атаку, но каждый раз откатывалась обратно.

Батальон вышел победителем, но З. Д. Лобок ранен. Пуля прошла через легкое. И все же Захар Денисович Лобок, наш капитан, выжил. Выжил и снова вернулся на фронт. Но теперь уже на трудовой, на восстановление родного Донбасса.

Иван Комаров:

Утром 24 июня наша шестерка «ЯК-9» 1 гвардейского авиационного истребительного полка (первая воздушная армия, командующий Т. Т. Хрюкин) вылетела на прикрытие наземных войск. На высоте 2300-2500 метров заметили внизу два «Ю-87», которые «ходили по кругу» и атаковали наши войска.

Завязался бой. Я сбил «юнкерса».

Когда мы сели на своем аэродроме, выяснилось, что моя машина и самолет младшего лейтенанта Кальского повреждены. Механик старшина Чернов нашел в моем самолете кроме пробоин в плоскостях и фюзеляже пробоину от бронеснаряда в двигателе. Надо менять двигатель, а завтра ответственный полет всем полком. Решили снять двигатель с самолета, уже не поддающегося восстановлению.

Илларион Исаев:

В Югославии в районе города Заечар наша небольшая группа ворвались в расположение фашистов и была обстреляна. Но, благодаря поддержке наших артиллеристов нам удалось вырваться и вывести своих раненых товарищей Хохленко и Чубатова.

Николай Васильев:

Полевой аэродром 4 воздушной армии 210 воздушного полка находился недалеко от линии Керзона. Так называлась граница на западе. Я заправлял самолеты. Готовил их к полету. Во время заправки началась бомбежка. Бомбы падали за самолетами и не повреждали их. Тогда немцы прошли на бреющем. Расстреливали из пулеметов самолеты и людей.

Вспыхнули форсунки на машине заправщика и загорелись. Меня опалило огнем. Волосы и одежда горели. Бросился на землю, стал качаться по земле, пытаюсь сбить пламя. Как только мне это удалось сделать, снова вернулся к самолетам и продолжал тушить пожар. Мне сделали перевязку. Благодарил судьбу, что остались целы глаза. А волдыри на лице долго не давали покоя. От госпиталя отказался. Да и некогда было болеть в то время.

Евгений Хлебников:

24 июня севернее Рогачева оборона противника проходила по реке Друть. Получив приказ от командира на прорыв вражеской обо-

роны, еще раз проверяем готовность танка к бою. В 3 часа 30 минут в глубине леса словно скребнули железом по железу. В небо взвились огненные стрелы и вслед за залпами «катюш» загрохотали, замолотили пушки и минометы. Багрово-черные разрывы кромсали на части фашистскую оборону, заволакивали ее дымом. Красная ракета высветила часть хмурого июньского неба над головой.

— Вперед! — слышу в шлемофоне приказ взводного.

Десять огнеметных танков нашей роты рванулись на врага. Вслед за танками дружно поднялись гвардейцы 120-й стрелковой дивизии. Стреляя из орудий по дзоту, я не заметил, как водитель сбился с ориентира и направил машину по перепаханной снарядами земле на край минного поля. Раздался взрыв, танк качнуло. Машина скатилась с правой разорванной гусеницы. Снова удар в правый борт. Еще раз подбросило и машина стала. Танк заволокло едким дымом. В ушах звенит, в носу кровь, ноги онемели.

Преодолев минутную слабость, посмотрел вниз и увидел открытый люк механика. Спустился из башни в отделение управления.

Механик-водитель мертв.

Заряжающий Иван Юфаров лежал на боеукладке и стонал. Я поднялся в башню на свое место и осмотрелся.

Варвара Тягун:

Полевой госпиталь. Врачи борются за жизнь командира части. Нужна кровь. У него редкая группа.

— Так у меня тоже четвертая, — говорю им.

— Ложись.

Идет прямое переливание крови. Три часа длилась операция. А потом командир все равно умер. Плакала долго и неутешно.

Сколько было выплакано во время войны!

Евгений Хлебников:

Из дзота снова засверкали вспышки пулеметного огня.

— Осколочным заряжай! — приказал я поднымавшемуся на ноги Ивану. Осколочными снарядами убрали землю, бронебойными разрушили дзот. Гвардейцы нырнули под свисавшую с танка колючую проволоку и скрылись в траншее врага.

Остальные танки роты с первых же минут боя встретили ожесточенное сопротивление. Они натолкнулись на четыре полосы минных полей, тщательно замаскированных во ржи. Пять боевых машин подорвались на минах. Невзирая на губительный огонь противника,

остальные четыре танка продвигались вперед, используя всю мощь огня. Гитлеровцы, находясь в траншее полного профиля, пытались пулеметным огнем отсечь нашу пехоту от танков. Используя выгодное тактическое положение, я открыл фланговый огонь из орудия и пулемета вдоль траншеи фашистов.

Неожиданное появление внутри немецкой обороны огнеметных машин офицеров Д. И. Уварова, А. Г. Ведерникова, В. С. Карпова и Б. В. Шелуханова ошеломило врага. Наши танки стремительно разворачивались вдоль окопов и пускали в них огненные струи. Фашисты в пылающей одежде с воем выскакивали из укрытий, наводя ужас на других. Началась паника. Вражеские солдаты бежали в тыл позиций в направлении Тихиничи.

Гвардейцы 120-й устремились вперед и взяли Веричев. Они захватывали укрепления, не давая врагу закрепиться на промежуточных рубежах. В ходе преследования, которое продолжалось до реки Добрица, огнеметчики вели огонь по скоплениям пехоты. Саперы-штурмовики, находившиеся на броне, на ходу расстреливали фашистов. Обнаружив минное поле, они соскакивали с машин и делали проходы для танков.

Дерзко и смело действовали в бою экипажи офицеров В. А. Новикова, А. И. Сумина, В. П. Новикова. В этом бою отличились разведчики старшего лейтенанта С. М. Малоненко.

Вечерело. Вдали на западе грохотал еще бой, а саперы молча снимали мины вокруг моего танка. Я сидел на башне и перевязывал руку Ивану Юфарову. На корме машины лежал накрытый брезентом сержант Лазарев.

Жаль терять членов своего экипажа. Хотя я на фронте не новичок, но привыкнуть к потерям не могу.

С воинскими почестями захоронили павших. Ремонтники старшего лейтенанта В. И. Торкунова за ночь восстановили мою машину. И снова бой.

Евгений Субботин:

«Во фронтовой газете я прочел, что на электростанции им. Ф. Дзержинского пущена в эксплуатацию новая мощная турбина. Я дважды награжден медалью «За отвагу». Славное дело тружеников тыла воодушевило меня на новые боевые подвиги во имя нашей Родины. Друзья-энергетики! Добивайтесь новых производственных побед. Ваш самоотверженный труд поможет нам добивать фашистского зверя в его логове. Пишите мне письма по адресу: Полевая почта № 31757».

Иван Комаров:

25 июня командование ввело в прорыв Тацинский танковый корпус, поставив перед ним задачу: обойти Оршу с запада и выйти в район Кохановича — Лисуны — Погост, чтобы отрезать отход Оршанской группировки врага. Наши летчики прикрывали рейд тацинцев с воздуха и уничтожали вражеские аэродромы.

Вторая группа «ЯК-9» вела разведку под Оршей. Выявилось большое количество танков в этом районе. Возвращаясь на свой аэродром, на высоте 3500 метров я услышал в наушниках голос с земли:

— «Яки»! Левее от вас «рама»! Нужно уничтожить!

«Рама» — это немецкий разведчик «ФВ-189». Он приносил много хлопот не только наземным войскам. Когда он появлялся над нашими аэродромами, так и знай — немедленно будет вражеский налет. Он держался на большой высоте, зенитчики не могли достать его. От истребителей всегда требовалось при его обнаружении уничтожить. А сбить «раму» в воздухе не так просто — она очень маневренна, имеет хорошую скорость.

«Раму» нащупали быстро. Пошли на сближение. Немец тоже заметил нас. Сделав переворот через крыло, устремился к земле, рассчитывая оторваться от «ястребов». Знакомый трюк. Я завалил свою машину в пике. Остальным приказал оставаться на высоте и следить за «рамой». Почти у самой земли «рама» начала выходить из пикирования. Теперь нужно опередить её новый маневр. Вот она в горизонтальном положении... Бросаю свою машину вперед, беру «раму» в прицел и нажимаю на все гашетки... «Рама» вздрогнула и завалилась на крыло. Что это? Новый трюк? Но нет, перевернувшись через крыло, «фоккер» врезался в землю.

Екатерина Бойченко:

В июне наши войска выбили фашистов из Крыма, и началась здесь мирная жизнь. Еще недавно на этой земле умирали наши товарищи, и поле боя было усеяно трупами. А теперь стояла непривычная удивительная тишина.

Наша часть автомобилистов после долгих боев получила передышку. Многие бойцы никогда не видели моря, и командование решило организовать экскурсию по южному берегу Крыма.

С каким наслаждением воспринимали мы ту красоту, которую раскрывала перед нами природа. И как мы от этого отвыкли. Восхищались Воронцовским дворцом. Но сильнее всего очаровало море.

Мы даже не стали купаться, не сняли запыленных гимнастеров. Молча сидели на берегу. На ночлег остались в здании, прилегающем ко Дворцу.

Нас ожидал еще один «удар». Нам дали белые накрахмаленные простыни. Первыми не выдержали девушки. Горячие слезы текли на белые подушки, слезы обиды на войну, слезы разлуки с родным домом.

Илларион Исаев:

В Югославии мы вдвоем тянули связь к командному пункту в лесистой местности. К нам вышли два вооруженных партизана югослава. Они предложили нам помощь. И сказали, что будут нас охранять, так как в лесу есть немецкие группы. Мы поблагодарили их. Они отошли. Каково же было наше удивление, когда мы, выполнив задание, увидели этих двоих воинов-югославов, которые все-таки охраняли нас, боялись, чтобы с нами ничего не случилось.

Мы крепко обнялись и поблагодарили их.

Иван Комаров:

Во второй половине дня 25 июня моя шестерка «ЯК-9» вылетела на прикрытие девяти бомбардировщиков «Пе-2», которые должны нанести бомбовый удар по танкам на западе от Орши. Когда «петляковы» отбомбились, они попали под шквальный огонь немецких зениток. В это время один «Пе-2» резко наклонился и едва не свалился в штопор, самолет начал терять высоту.

— Прикрывайте парой «пешку»! — приказал лейтенанту И. Горобцу.

До земли оставалось не более 400 метров. «Пешка», выпустив с выхлопных патрубков клубы черного дыма, выровнялась и все более уверенно начала набирать высоту. В плоскости самолета зияла дыра, но он продолжал полет к передовой. Вот он сделал небольшой крен, затем разворот, и пошел на снижение. Истребители — за ним. Чуть позже они заметили, что по железной дороге к передовой приближается состав. Кто будет гонять в прифронтовой полосе порожняк? Эшелон скорее всего не порожний. Как ни в чем не бывало, среди белого дня, идет он на всех парах. С эшелона тоже заметили краснозвездный самолет. С платформ ударили крупнокалиберные зенитные пулеметы. Что же задумал летчик? Может, как Гастелло? У летчика «Пе-2», видимо, остались бомбы. Но могут сбить...

Самолет ринулся в пике. Взрыв. Паровоз встал на дыбы и пока-

тился под откос, увлекая за собой вагоны. Самолет тоже встал на дыбы и, набрав высоту, полетел к родному аэродрому. Внизу все заволокло дымом.

Иван Тюрин:

Служил на Карельском фронте в 29 отдельном батальоне связи, который входил в состав 126 корпуса. В Нем было три морских бригады. Должность у меня была связист линейщик. Очень трудная и ответственная должность. Особенно в военное время. Обслуживали мы связью тридцатую бригаду.

В июне 1944 г. нашему отделению приказали восстановить связь от КП батальона до КП роты. Ее повредили вражеские разведчики. Вперед мы послали двух солдат с катушками кабеля и телефонами. Вдруг, слышим примерно в пятистах метрах от нас крик и выстрелы. Мы ускорили ход, но не успели добежать до своих ребят. Они погибли. Нас встретил сержант артиллерист и сообщил, что прорвалась хорошо вооруженная рота вражеских солдат. Мы залегли. Сержант дал мне бинокль. Я увидел солдат, двигавшихся прямо на нашу батарею сорокапятков. Сержант приказал подносить снаряды к пушкам. Враг открыл огонь по батарее. Мы ответили тем же. Несколько человек сразили. Остальные залегли. Потом открыли огонь из пушек шрапнелью. Большую часть врагов перебили. До двух десятков взяли в плен. Остальные скрылись в лесу.

Александр Малов:

26 июня. Львов. Концлагерь. Перед шеренгой изможденных, обессиленных пленников прохаживались двое. Один — назвавшийся Антоном Семененко, другой — бывшим подполковником Красной Армии.

— Повторяю, господа пленные, — говорил Семененко, вытирая платком потное лицо, — германское командование готово предоставить желающим исключительную возможность овладеть профессией шофера. Каждый получит хороший паек, новую одежду вместо вашего рванья и жилье, не за колючей проволокой, разумеется.

Я многого уже навиделся за восемь месяцев неволи: и в сарае, когда очнулся среди шестнадцати истекающих кровью солдат и понял, что попал в плен, и в Никопольском лагере-госпитале, где соседи по нарам сгорали от гангрены, тифа, дизентерии, и в концлагере под Кривым Рогом.

Я искал выход, дающий хоть малейший шанс, и не находил. Пока

срасталась перебитая нога, строил разные планы побега из плена. Однако ни один из них осуществить не удавалось, а в истощенном организме оставалось все меньше сил. И погибнуть в плену не мог себе позволить.

Теперь, стоя в шеренге узников на лагерном плацу и слушая «ораторов», прикидывал новый план.

«Подполковник», разглагольствовавший о «непобедимости армии великого фюрера», объявил:

— Согласным учиться на шоферов выйти из строя!

Я знал, что «улов» у вербовщиков окажется небогатый: рядом со мной стояли люди, готовые на муки и смерть, но не на предательство.

«А что, если попробовать воспользоваться этим? Применить солдатскую находчивость, воинскую хитрость. Главное — вырваться из концлагеря. А там — обмануть врага и уйти к линии фронта...»

Шагнул вперед, ощущая спиной полные ненависти взгляды стоящих в строю.

«Простите, ребята! Я не предатель, я — в бой!»

Н. Сытый:

Из штаба полка возвращался погруженный в раздумья. Только что получил приказ: «Форсировать Псёл, захватить на правом берегу плацдарм, закрепиться».

Бойцы моего взвода расположились в сосновом бору, близ города Гадяч на Полтавщине. Чутье у моих боевых друзей было превосходное. Возвращаюсь из штаба, а они уже мастерят плоты. Раздобыли из-под бензина бочки. Поняли, что предстоит форсировать реку.

Не было ни ракет, ни громких команд. Кивнул только парням, пошли, мол.

Лишь 13 бойцам посчастливилось доплыть до вражеского берега: беспрерывно строчил пулемет, вырывая из рядов моих товарищей... Плацдарм мы все-таки захватили. Закрепились и обеспечили продвижение основных частей. В течение трех часов город Гадяч был освобожден от немцев...

М. Матвеев:

В конце июня в период Львовско-Сандомирской операции девятка самолетов «Пе-2» из 36 гвардейского авиаполка под командованием майора И. А. Малюты (он до войны жил в Красном Луче) вылетела бомбить вражеские эшелоны на станции Ходоров, около

Львова. Когда подходили к цели, немецкие зенитчики открыли огонь, однако, не нарушая строя, наши самолеты вышли на цель и отбомбили с высокой точностью. Море огня охватило всю подвергшуюся бомбардировке зону. Мощные взрывы, паника среди немецких солдат, горящие вагоны — вот ситуация, зафиксированная на пленку нашими летчиками во время бомбежки.

Когда девятка возвращалась с задания, ее атаковала большая группа вражеских истребителей. Нашим удалось сбить два «Me-109», однако половина советских бомбардировщиков получила серьезные повреждения. Самолет командира эскадрильи Малюты изрешечен, но продолжал полет. Вот его машину трянуло и «положило» на правое крыло. Летчик выровнял бомбардировщик. Но последовал более сильный удар. Летчик почувствовал, что отказало управление элеронами. В самолет попали два зенитных снаряда. Один пробил левое крыло с бензобаками, второй сорвал с кронштейнов левый элерон. Очень трудно управлять израненным самолетом, но пилот проявил хладнокровие и высокое летное мастерство. Малюта удержал машину. Посадить самолет без управления элеронами считалось невозможным.

Строй девятки нарушился, командир приказал каждому лететь самостоятельно. Он принял очень рискованное решение — посадить самолет и спасти экипаж. Посадить самолет летчику удалось на фюзеляж, причем на самой кромке вражеской территории, около Ходорова. Сел он удачно, и удачной оказалась площадка. Она была большой и ровной. Когда командир эскадрильи оказался в беде, летчик Николай Шиянов, штурман Андрей Овсянников, стрелок-радист Петр Бурмистров решили спасти своих товарищей, хотя ситуация была исключительно сложной и рискованной, на волоске от смерти или пленения находился командир и его экипаж, а времени на раздумья уже не было. Сделав круг над точкой, где сел Малюта, летчик Шиянов блестяще посадил свой самолет около самолета командира. Секунды решали судьбу, и этих секунд хватило, чтобы Малюта сел в кабину летчика, а штурман Ф. Иванников и начальник связи Н. Жмаев сели в кабину стрелка-радиста. Летчик Шиянов поднял самолет в небо и благополучно доставил спасенных на свой аэродром.

На другой день началось наступление наших войск, и зона, где сделал вынужденную посадку летчик Малюта, была освобождена. В район посадки выехала бригада во главе с главным инженером полка майором А. Т. Вовком. Самолет немцы не тронули, им было не до этого, и бригада специалистов приступила к его восстановлению в полевых условиях.

Передовая линия фронта проходила всего в трех километрах от самолета, но техники В. Монастырев, В. Гербулов (тоже, как утверждают наши товарищи, краснолучанин), Г. Минимухаметов, А. Бутырев, М. Алиев под огнем противника работали пять суток, и изрешеченный бомбардировщик «Пе-2» вернули в строй.

Александр Малов:

27 июня. Львов. Гостиница у Стрыйского парка. В это трудно поверить: кровать, застеленная белоснежной простыней, лампа под абажуром, на столе скатерть и графин с водой, мягкие стулья, коврик, картина на стене, цветные шторы на окнах. После фронтовых окопов и лагерных бараков казалось, что ничего подобного на свете уже не существует.

Преодолеl оцепенение. Надо взять себя в руки, подготовиться к любым неожиданностям. Не случайно же его привезли из концлагеря в гостиничный номер да еще поселили отдельно, приставив к двери часового.

Бежать из гостиницы невозможно, она охраняется, словно важный военный объект. Даже если попытаться, далеко без оружия и документов не уйдешь — первый же патруль схватит. Остается усыплять бдительность врага и терпеливо ждать удобного момента.

Вскоре дверь открылась, вошел офицер. Расположился за столом и на сносном русском языке начал задавать вопросы, интересуясь мельчайшими деталями биографии. Опрос длился около трех часов. Потом явился другой офицер, тоже владевший русским языком, и стал задавать аналогичные вопросы.

На следующее утро все повторилось: несколько офицеров, сменя друг друга, допрашивали почти без перерывов, по много раз возвращались к одним и тем же вопросам. Я понял: идет серьезная проверка. Тут пахнет не шоферскими курсами...

Варвара Тягун:

Ночь. Санитарный поезд мчит от передовой в тыл. И как только фашист нас нашел! Бомбит. Остановились. Кто мог, выскочили из вагонов. Хочется убежать и мне. А как же те, кому не подняться? Как им спастись? Хватаю матрацы, подушки, укрываю ими тяжелых... И сама, как мышка, нырнула в такое же «убежище»... А он бомбит... Что б ты луснул!.. Что б ты...

Улетел. Стихает. Слышу стоны. Есть живые! Какое счастье, сберегла кого-то! Плакала, приговаривая: «Живые, родненькие мои,

живые». А санитары вынимали из подушек и матрацев осколки — смертоносные подарки фашистов.

Петр Потетюлькин:

«Пишу Вам, Катюша, письмо с большой благодарностью за то, что мне и многим другим товарищам спасли жизнь...

В нелегком сражении под Бобруйском в июне, я, пулеметчик Петр Сергеевич Потетюлькин, был ранен в обе руки, в ноги, а вы — санинструктор Екатерина Ивановна Якунина — нашли меня в воронке в бессознательном состоянии, перевязала и доставила в санитарную роту».

Василии Дианов:

Июньской ночью группу парашютистов из 22 специально подготовленных товарищей под командованием капитана И. С. Майорова выбросили юго-западнее г. Сапок, что в Польше. Перейдя границу словацкого государства, партизаны углубились в леса. Перед нами задача — установить связь со словацкими подпольщиками, партизанами и оказать им помощь в подготовке восстания. Группа Майорова интернациональна. Рядом с русскими, украинцами сражались поляки и словаки. Отряд совершал внезапные нападения на вражеские гарнизоны, подрывал железнодорожные мосты, организовывал засады на дорогах, пускал под откос воинские эшелоны.

За короткое время численность отряда возросла до 200 человек. Меня назначили командиром группы разведчиков.

Иван Гапонов:

Кузнец на войне? Многие спрашивали меня:

— Ты что, шутишь? Воевать надо, а не ковать.

Я только улыбался в ответ. А что скажешь, если человек не понимает. В самом деле, в кавалерийской части без кузнеца не обойтись. Кто подкует лошадь? Без подковы много не навоюешь. Вот и ковал. Ночью все спят. Отдыхают после перехода или боя. А кузнецу самое время заняться профилактикой.

Как-то ночью разразилась гроза. За ее шумом скорее почувствовал, чем услышал ржание лошадей и какой-то неясный звук. Всего мгновение. Надо глянуть, как там лошади, подумал и пошел. Загон оказался пуст. Что делать? Отправился искать. Потом понял, что произошло. Во время очередного удара грозы испугался вожак. По-

дал сигнал тревоги и весь табун устремился за ним. К утру я нашел своих лошадей и привел в расположение части. Никто и не заметил ЧП. Только командир понял, что произошло, и что бы могло случиться с нами со всеми, потеряй мы всех своих лошадей.

Василий Дианов:

Группа под моим командованием производила разведку на реке Однова. С нами на операцию отправился отрядный фельдшер, мой друг Василий Васин. Приблизившись к селу, мы узнали, что в корчме пьянствуют немцы. Мы с фельдшером подобрались к ней и дружно ударили очередями из автоматов. Завязался бой. Едва отгремела стрельба, Василий ворвался в помещение и расстрелял остальных немцев.

Алексей Лысенко:

Двигались мы на Ухту с севера. Нам надо пройти с севера на запад 52 километра. День и ночь шли сменять там дивизию. На следующий день утром мы должны идти в наступление. По дороге фашисты на плотных картонках большого размера написали красным буквами: «На этой дороге вы изойдете кровью», «Вы здесь погибнете». И прибили их на деревьях. Заминировал гад дорогу. Пехота идет — взрывается, автомобиль идет — взрывается. Танк идет — взрывается. В три этажа заложил мины. По весу. Кажется, прошла пехота, все свободно, а машина поехала — взорвалась.

На обочинах саперы складывали мины в штабеля.

Уложили авиабомбу. От нее натянули проволоку в разные стороны. Проволоку зацепил, взрывается бомба, и все погибают. А еще бомбочка под землей, а вот так хвостик держится. Зацепил хвостик, взлетел на воздух.

Шли без остановок. Настолько были утомлены, что спали на ходу. Шли плечо к плечу, чтоб не упасть и не оторваться в сторону. Бывали такие случаи. Когда отрывался человек от колонны и падал. Когда объявляли привал, все моментально устраивались, кто, как мог и отдыхали. Очередной привал в кювете вдоль дороги. В поле моего зрения попал пулеметчик. Он поудобней устраивался на земле. Лег на спину, сверху на себя положил щиток от пулемета, расслабился, вытянул ноги и... прозвучал взрыв. Половина туловища полетела в одну сторону, вторая половина — в другую. Это могло случиться с любым из нас.

И. Глянько:

Июнь. После освобождения польского города Хелм наше подразделение продвигалось в направлении Люблина. На рассвете нас вызвал комиссар и сказал:

— Впереди Люблин, там фашистский концлагерь Майданек, где томятся тысячи людей. Надо любой ценой освободить узников, пока гитлеровцы не уничтожили их.

К 14.00 мы освободили лагерь, а затем и весь город.

Полковник Любинский приказал:

— Назначаю тебя комендантом. Выстави охрану и без моего разрешения на территорию лагеря никого не пускай.

Перед воротами лагеря стояло много поляков, которые пришли сюда в надежде найти в лагере своих родных. Бургомистр Люблина попросил разрешения вместе с нами осмотреть лагерь. Этот человек и сообщил нам, что перед бегством гитлеровцы учинили там кровавое злодеяние.

И вот мы переступили порог лагеря. Недалеко от стены мы увидели убитого в немецкой форме. Оказывается, перед бегством немцы выстроили во дворе лагеря духовой оркестр, который гудел до тех пор, пока немцы не кончили расправу над узниками.

Но в это время 14-летний мальчик — поляк взобрался на стену и ждал, когда фашистский офицер подойдет поближе. И, говорят, когда гитлеровец приблизился, мальчик с ножом в руке прыгнул на него и перерезал ему горло. И фашист так и остался лежать там, где творил свои гнусные дела.

Немцы жестоко расправились с мальчиком. Когда мы прошли вторые ворота, увидели страшное зрелище. Двор был заполнен трупами. Причем видно, что перед смертью людей построили, а потом расстреливали. Трупы лежали рядами.

Затем мы зашли в здание, в котором располагались швейная, сапожная и часовая мастерские, штаб управления. В конце коридора нас потрясло ужасное зрелище. Из часовой мастерской через порог лилась кровь. Оказывается, перед бегством гитлеровцы согнали заключенных в комнату и стали расстреливать их из автоматов. Всех погибших от рук фашистских палачей мы похоронили в братской могиле.

Мне пришлось побывать в крематории, расположенном вблизи замка. Возле кочегарки находился склад. Так вот, если бы из него вывезти всю обувь, снятую с уничтоженных фашистами, то потребовались бы десятки автомашин.

Данил Шоленко.

«Товарищ гвардии майор Шоленко Д. С.!

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 28 июня 1944 г. Вам объявлена благодарность за отличные боевые действия по освобождению от немецко-фашистских захватчиков города Могилева.

Военный Совет поздравляет Вас и выражает твердую уверенность в том, что Вы будете еще крепче громить и уничтожать заклятых врагов до полного их разгрома.

Военный Совет Армии.

Войсковая часть. Полевая почта 53514».

Александр Ткаченко:

В июне наш экипаж получил задание с небольшой высоты сфотографировать новую полосу обороны противника. Задача осложнялась тем, что фотографирование надо было вести в условиях ураганного зенитного огня. Многие разведчики, пытавшиеся произвести фотографирование, не вернулись с задания. Бесследно исчезали и разведчики глубокого тыла, которые интересовались этой линией. Через 6 минут полета по прямой без всякого маневра самолет был изуродован, а многие его части отбиты. Казалось, он уже не сможет держаться в воздухе, и должен был свалиться. В конце фотографирования я выполнил переворот через крыло и стал падать на территорию врага. Фашисты поверили в то, что самолет сбит и прекратили огонь. На высоте 100 — 150 метров мне удалось выправить самолет в нужное положение и использовать два пулемета. Мы пролетели над головами фашистов на бреющем полете через передний край. В результате выполнения боевого задания артиллерия и авиация уничтожила эту новую, так называемую «линию Маннергейма». Это дало возможность сохранить жизнь десяткам тысяч наших воинов и в короткий промежуток времени вывести из войны Финляндию.

Алексей Лысенко:

Комсорг погиб как? Я вышел с передовой в тыл. А какой тыл? Метров 400. Я вышел. Наш адъютант преподнес котелок каши. Поел, лег. Приходит из другого батальона Ваня Русин. Ему предлагают:

— Поешь.

— Нет, я побреюсь.

Побрился, подушился. И тут разговор такой о том, что погиб

боец. Неподалеку от нас лежит. Еще санитары не забрали. Он подошел, посмотрел, может, знакомый. Он же комсорг полка. Почему-то оказался на камушке. Скок с этого камушка — взрыв. Мина. Ни одного ранения за всю войну — и так погиб. Такой умница, красивый парень.

Иван Белый:

В польском городе Люблине фашисты расправились с местными жителями. Два наших офицера зашли в первый дом и тут же вышли. На глазах у них были слезы. Даже они, прошедшие всю войну, не могли спокойно смотреть на жертвы фашизма. Нашим солдатам люди выносили угощения, обнимали их, плакали от радости.

Александр Кондратьев:

В июне при налете самолетов противника на аэродром Калиновка загорелся самолет «Б-25», загруженный минами. Гвардии подполковник А. А. Баленко оказался рядом с самолетом. Рискуя жизнью, бросился в горящий самолет. Несмотря на сильные ожоги лица, рук, извлек горящую бомбу и ликвидировал пожар. Этот героический поступок командира полка А. А. Баленко — образец храбрости, самопожертвования.

Своим боевым мастерством и отвагой Александр Алексеевич Баленко воодушевлял летный состав. Для боевых товарищей он служил примером высокой моральной выдержанности, дисциплинированности и организованности. Его полк лучший в дивизии.

Анатолий Гончаров.

«Краснолучский район, Петрово-Красноселье, хутор Артема. Гончаровой Дарье Тимофеевне.

Ваш сын Гончаров Анатолий Павлович 1924 г. р. умер от ран в эвакогоспитале № 280 29 июня 1944 г. Похоронен в братской могиле г. Николаева».

Василий Бабак:

В Белоруссии минометным огнем разбило кухню и мою машину. Неподалеку в зоне обстрела стоял немецкий грузовик. Подойти к нему даже ночью незамеченным невозможно, поскольку в небе бесконечно висели осветительные ракеты. Решил ползти. По кювету до-

полз до машины. Были случаи, когда немцы минировали брошенные машины.

Зная это, в кабину не полез. Решил проверить бензобак, точнее, бак для солярки: машина работала на дизельном топливе. Открыл крышку, опустил руку в широкую горловину — в баке сухо. Значит, мины не будет. Осмотрел кабину. Фашист даже карабин свой забыл взять, когда драпал.

Забрал карабин, и по кювету пополз к своим. Неподалеку стояли танкисты.

Прошу их вытянуть, отказываются, говорят, нельзя показываться на глаза врагу. От дороги до леска метров сто, может, сто пятьдесят. Уговорил, чтобы потащили из-за леска. Согласились. Ребята-связисты отрезали со столбов два провода, и я снова пополз к машине. Привязал за переднюю ось, поехали. Стащили с дороги, открыли будку, ахнули: машина под завязочку наполнена продуктами.

Накормил здесь всех, кто хотел, и в распоряжение части привез. Ехал медленно. Еле-еле. Знаю: быстро поедешь, засекут немцы обязательно и накроют. Начальник штаба удивился, как это мне удалось у немцев машину увести, а потом сказал: «Молодец».

Александр Вахлаев.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и Отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1944 г. Александру Алексеевичу Вахлаеву присвоено звание Героя Советского Союза.

С 27 сентября 1942 г. и до конца войны А. А. Вахлаев совершил 195 боевых вылетов, принял участие в 55 воздушных боях и лично сбил 24 вражеских самолета.

Алексей Лысенко:

Наступает батальон. Немец отрезает нас от озера. На той стороне немцы, финны. Для того чтобы переправиться к тому месту, где мы их должны атаковать, надо форсировать. Но как форсировать, когда болота, трясина. Надо перебраться через эту трясину. Нам же надо танки переправить.

Приказано делать лежневки. Часов в пять начали. Лежневка — это когда деревья сначала поперек кладутся, а потом вдоль, потом снова поперек до тех пор, пока не утонет до самого дна. Как только дошло до дна, потом стараемся забить между деревьев, чтоб меньше скакало. Всю ночь работаем, а утром, часов в пять, пролетал

самолет и засек нас. Вслед за ним 12 штук на наш «пяточок» набросились. С пулеметов, орудий стреляют... и бомбы, бомбы. Куда нам! Все попрыгали в болото, спасаясь.

Как прыгнул я в болото, с головой провалился... и дна нет. Я давай ползти... ползу, автомат на шею. А у меня же и противогаз, и связка листовок. Начальник политотдела доверил мне. Тону... уже до берега каких-то пять метров, а они залетают и снова... и снова нас режет. Гудит все, рядом фонтаны с болота. И вот я уже долез до берега. Голову на берег положил, дышу. Надо вылезать, не могу вылезти, как будто бы тонна на мне груза. Я еле дышу. Метрах в пяти — сосна. Возле нее ямка. Может, окоп. Я в эту яму под сосну вполз. А он сволочь, снова залетел и снова по этой сосне как секанул. Посек эту сосну. Если бы я на ровном месте был, убил бы меня. Я отходил полдня. Семь человек убило наших и больше 10 ранило. А нас там был целый батальон.

В. Молодцов:

«Пущено письмо 1 июля 1944 г.

Привет из Ахтырки. Здравствуйте, дорогие родные папаша, мамаша, сестра Нина.

В первых строках письма разрешите передать вам свой красноармейский привет. Во-вторых, сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Сегодня получил письмо, которое писала Нина 21-го, за которое благодарю. Писем я от вас не получаю с того дня, когда ко мне приезжал папа. Вам тоже мало пишу.

А сегодня в честь окончания обучения я написал. Мы начали сдавать испытания. До третьего июля будем сдавать, и когда и куда уедем из Ахтырки, я напишу.

В. Молодцов.

Из Сумской области, отделение снайперов. Подразделение 3».

Александр Малов:

2 июля. Городок Бжоза (Польша). Грузовик въехал в ворота и остановился за высоким глухим забором. Вслед за автоматчиками, конвоировавшими восемь военнопленных, спрыгнули на землю, осмотрелись.

Плац, небольшие казарменного типа здания, по углам забора — сторожевые вышки с прожекторами и пулеметами.

Накануне вечером, на допросе, гитлеровский офицер в полевом мундире с майорскими знаками различия сказал мне «по секрету»,

что меня, «как благоразумного молодого человека», германское командование направляет в разведшколу, по окончании которой забросят в тыл Красной Армии со спецзаданием. Значит, здесь из предателей готовят шпионов и диверсантов.

«В веселенькую ситуацию угодил», — думал я. Но, как и в запорожской степи, отступать было некуда и нельзя.

Опять почувствовал себя в бою. Внедрившись в разведшколу, можно собрать важные сведения о гитлеровской агентуре, методах ее работы, планах и задачах, чтобы сообщить советскому командованию. Я — разведчик в стане фашистов. Для сестер, земляков, одноклассников я погиб или пропал без вести, а по бумагам гитлеровцев — изменник, согласившийся на службу. Никто — ни по ту сторону фронта, у своих, ни здесь — не знает, что я не предавал Отечество, а только надел маску. Единожды приняв присягу, я остаюсь ей верен. Смертельная опасность — на каждом шагу. Что ж, из концлагеря вырвался не для того, чтобы умереть с клеймом Иуды.

Прибывших разместили в специальной казарме. Продолжилась проверка кандидатов в шпионы. Ежедневно являлся учтивый господин, назвавшийся Семеном Семеновичем. Доверительно беседовал с каждым, щедро угощая шнапсом и спиртом.

Перед очередной выпивкой в казарму поселили подростка лет пятнадцати-шестнадцати, именовавшего себя Чапаем и напропалую поносившего фашистов. Это меня насторожило. Когда Семен Семенович умело подпоил курсантов и вышел, подросток возобновил опасные разговоры. Я старательно изображал пьяного. Горланил песни. Один курсант, видимо, вынашивал мысль вернуться домой. Он сказал, что еще посчитается с фрицами, только бы попасть к нашим.

Утром этого курсанта расстреляли перед строем. Остальных по несколько раз вызывали на допросы, требовали подробности вечерних событий. Я твердил, что был пьян и ничего не помню. Проверки продолжались. Один неверный шаг мог стоить жизни.

Владимир Борсоев:

4 июля на заседании Военного Совета видел маршала Конева. Получил гвардейское знамя и орден Ленина.

Василий Чернявский:

Когда взяли Ивано-Франковск, сходу выбили немца из Коломыи — это важный железнодорожный узел.

Немцам хотелось возвратить его. Собрав силы, начали контра-

таку. Рано утром немецкие самолеты стали пикировать на нас, но не стреляли и бомбы не бросали. Потом выяснилось: они шумели, чтобы мы не услышали, как к нам подкрадывались «тигры». А вслед за танками — пехота. Как глянули, а они уже сзади нас. Можно представить, как нам пришлось нелегко. «Тигр» расстрелял три наших танка сзади, а мы, уловив момент, повредили его. Другой вражеский танк снес нашу башню... Командир танка погиб, башенный ранен. Мы с радистом остались живы, правда, я контужен и обгорел.

Михаил Изотов:

«6 июля 1944 г. Дуся! Как себя чувствуешь? Ведь много горя перенесла. Но главное, не падай духом. Скоро наступят мирные, светлые дни и заживем еще лучше, чем жили до войны. В этом году мы увидимся, потому что победа теперь будет гораздо быстрее. Ведь наши союзники Англия и Америка начали воевать, как следует. Дадут немцам хорошего жару. А мы в это время тоже не подкачаем. В общем, к октябрю жди домой, хотя впереди предстоят жестокие бои. Но все это не то, что в сорок первом, сорок втором годах. Ведь немец уже не тот».

Николай Козлов:

Под местечком Торчино в Западной Украине всю зиму мы стояли в обороне. И вот 12 июля разразилось сражение. Артиллерия, авиация и танки нещадно громили прифронтовую полосу врага и его тылы. Пехотинцы после артподготовки с удесятеренной энергией ринулись на противника и опрокинули его. За сутки прорвали фронт, освободили местечко и много других населенных пунктов. Многие отличились в этих боях. Меня наградили орденом Славы третьей степени.

Зинаида Илюхина:

Полк расположился у местечка Броды. Ночью враги взорвали мост через реку, отрезав роту связи от основных сил. Помощи ждать неоткуда. Через три часа боя в живых, способных драться, оставалось только четверо. Мы с начальником ротной радиостанции Петром Ефимовичем уже сожгли все документы, уничтожили радиоаппаратуру, уже приготовили гранаты для себя, чтобы не попасть в руки врагов живыми...

Мы смотрели друг другу в глаза, молча прощаясь...
В последний миг услышали рокот советских танков...
Стихло все под утро. Кровавым казался рассвет в тот день —
от пропитавшегося кровью поля гречихи, где проходил бой.

Нина Янчин:

Решили сделать парням приятное. Все в походах да боях наше партизанское соединение. А тут передышка выдалась. Вспомнилась домашняя, мирная жизнь. Налепили вареников с картошкой. Несу, чтоб в кастрюлю бросить. Люська Михайлова подметала. Вдруг разгибается и головой выбивает у меня из рук сито с варениками и они все падают в солому!

— Ой, шо ж робыть! Чим же мы хлопцев будем кормить!?

Предлагаю:

— Давай помоем, сварим. Сами есть не будем. А хлопцев накормим.

Так и сделали. Солому выбрали. Сварили. Едят, хвалят. Вкусные вареники.

— Девчата, чего не едите?

— Да мы уже наелись. Это вам оставили.

Прошло время. Признались командиру, какие они вареники ели.

Михаил Запорожский:

С мая по июль мы стояли в г. Кременец Тернопольской области. Здесь же дислоцировалась ставка командования Первого Украинского фронта.

16 июля наши войска пошли в наступление, ломая все оборонительные укрепления немцев.

Ф. Чубарь:

Артиллеристы поработали хорошо: разрушены доты, огневые точки гитлеровцев. В образовавшуюся брешь в обороне врага устремились мы, бойцы 4 танковой армии Первого Украинского фронта. На большой скорости танки врезаются в колонну гитлеровцев. Полетели в разные стороны автомашины, бронетранспортеры, повозки. Колеса, лошади... все смешалось.

В 30 километрах пути — город Золочев. На полном ходу влетаем в город. На улицах ни души. Все вокруг чужое, тревожно-смер-

тельное. Каждую секунду ждешь пулю от проносящихся над головами «мессершмиттов». Навстречу едет командующий.

Останавливает:

— Чья батарея?

— Гвардии капитана Лапчука.

— Приказываю: две пушки поставить северо-западнее Золочева в направлении Ворольки. Две — на окраине станции. Умри, танки врага не пропустить на дорогу! Выполняйте!

Это было 19 июля. Заняли мы оборону. Окопали пушки. Их установили в золотистой высокой ржи. Ночь прошла спокойно, а утром началось...

Михаил Запорожский:

На рассвете 19 июля 242 танковая бригада полковника Тимофеева после марша остановилась на привале в только что освобожденном селе Ясенове. Впереди села Хватув, Олеско и станция Ожидов, которыми надо овладеть и таким образом рассечь группировку противника. Командир разведгруппы лейтенант Абрамов доложил: Хватув и Олеско превращены противником в опорные пункты. Обнаружены доты, артиллерийские и минометные позиции.

Проведена дополнительная разведка. Войска приблизились к шоссе. Наши разведчики захватили немецкий автомобиль, который двигался в сторону Олеско. В машине оказались обер-лейтенант, два эсэсовца и шофер. Офицер вез приказ удержать Олеско любой ценой. Он сносно говорил по-русски, поэтому мне легко было получить от него показания. Я начальник оперативной группы отдела контрразведки танковой бригады.

От немецкого офицера мы узнали, что Олеско обороняет полк СС. Там находятся склады боеприпасов и продовольствия. Пленных отправили в штаб корпуса. Дальнейшая задача взять Олеско.

Эту операцию поручили старшему лейтенанту Анчугову Александру Галактионовичу, который со своей ротой двинулся на Олеско. Стремительной атакой мотострелки и танкисты овладели населенным пунктом Хватув, затем железнодорожной станцией Ожидов. Олеско оказался крепким орешком.

Решающую роль в боях за Олеско сыграла рота Анчугова. Его танк двинулся навстречу фашистской колонне самоходных орудий. Анчугов пошел на таран «фердинанда». Через мгновение самоходки уже не существовало. Утюжа гусеницами орудия и повозки, машина Анчугова вырывается на дорогу и снова впереди — «фердинанд»... Лязг металла, треск дерева, вопли...

По «тридцатьчетверке» Анчугова бьют пушки. Его танк останавливается. Снаряд попал-таки в его машину. Александр Галактионович контужен, ранен. Но самое главное он уже успел сделать: проложил путь товарищам.

Вражеский гарнизон в Олеско мы разгромили. Захватили пленных и богатые трофеи.

Александр Галактионовичу Анчугову присвоено звание Героя Советского Союза.

Владимир Борсоев:

19 июля. Богданов Тернопольской области. 14 июля мы прорвали оборону немцев, но были контратакованы. Завязались сильные бои. До 19 июля продвинулись незначительно. Враг держит нас под сильным огнем реактивных минометов. Несем большие потери в живой силе и технике. Наши храбрые солдаты и офицеры идут вперед, не считаясь ни с чем.

Павел Дербенцев:

Солдатскую шинель надел в сорок третьем году. Восемнадцатилетним 22 июля 1944 года освобождал Псков. Врага выбивали из каждого дома, из каждой подворотни. Мой ручной пулемет замолчал только тогда, когда меня достал осколок мины...

Ф. Чубарь:

Пробежали солдаты нашего батальона. В двух километрах село, лес, а дальше горы. Показались танки, потом пехота, автомашины, обозы.

Началась пальба, приближаются танки.

— Бронебойными, прямой наводкой, огонь!

Метнулись бронебойные, вспыхнул танк. Один, второй, третий. Горят!

— Огонь!

— Огонь!

— Огонь!

Мы отбиваем атакующих в упор. Неимоверно жарко. Вокруг нас рвутся снаряды, свистят пули. К вечеру стихло, но ненадолго. Вскоре началось вновь... Бой тот не утихал три дня. Но мы выстояли. После того боя меня приняли в ряды КПСС и наградили орденом Красной Звезды.

Евгений Хлебников:

К 25 июля войска 3 армии 1 Белорусского фронта вышли на подступы к Белостоку. Здесь противник создал прочную оборону. 510 отдельный огнеметный танковый полк, в котором я командовал взводом, получил боевую задачу: совместно со 120 гвардейской стрелковой дивизией с юго-востока ворваться в Белосток.

На следующий день утром начался бой за город. Вначале огнеметные танки шли взводными колоннами за тридцатьчетверками 40 инженерного танкового полка, машины которого оборудованы навесными трапами для подрыва мин. Затем, преодолев минные заграждения, огнеметчики разворачивались в линию и действовали как танки непосредственной поддержки пехоты. Противник вел артиллерийский и минометный огонь. Несколько танков полка было подбито, но остальные продолжали атаковать.

— Механик! Пройдись вдоль траншеи. Включай огнемет, — приказал я водителю. Сержант Виктор Кулик развернул танк вдоль траншеи. Мой маневр повторяли другие танки взвода. Вернувшись на боевой курс, танки взвода продолжали вести за собой гвардейцев, прокладывая им путь огнем и гусеницами. Ближайшую боевую задачу взвод выполнил без потерь, захватив окраинные дома Белостока.

Началась контратака танков противника. По башне моей машины ударил вражеский снаряд и разорвался. Мне показалось, что кто-то гигантской кувалдой шарахнул по башне. В спину и шею врезались кусочки стали, отскочившие от внутренней стенки башни. Не хватало воздуха, в глазах мелькали разноцветные искры,плыли радужные круги, невыносимо звенело в ушах. Струйки крови скользили из носа и падали на колени. Из последних сил старался удержаться на командирском сидении, но свалился на боеукладку. Восстановил силы, занял свое место в башне и осмотрел поле боя. На дистанции 300 м, ведя огонь на ходу, ползла «Пантера».

— Подкалиберным, заряжай! — приказал сержанту Юфарову.

Закрылся затвор пушки, выстрел. Закамуфлированное чудовище с черным крестом на борту вздрогнуло от удара, дохнуло полосой черного дыма и продолжало катиться на меня. Только после третьего попадания вражеский танк остановился, объятый пламенем.

Остальные машины взвода успешно отбивали атаки гитлеровцев. Темп стрельбы нарастал. От жары и дыма потрескались губы, першило в горле, пот заливал глаза. Из-за угла дома вел огонь гитлеровский танк. Затем он, перепав гусеницами грядки, вломился в сад. Он палил из орудия по деревянному сараю, приближаясь к сте-

не. Затем толкнул ее тупым лбом. Затрещали старые балки. Экипаж противника в поднявшейся пыли не увидел моего танка, который готовился произвести выстрел. Ухнула пушка. Вздогнула фашистская громадина. Враг еще пытался уйти от неминуемого. Бешено крутилось ведущее колесо, сбрасывая гусеницу. Танк заюлил... Он забрался в костер, который сам же и зажег. Пылал разрушенный сарай. «Жарилась» на огне стальная громадина. Гитлеровский экипаж понял: это все. Мотор заглох. Открылся люк башни. Я открыл огонь из пушки. Вздогнула, поднялась дыбом башня с открытым люком. Танк взорвался. Багровое пламя толкнуло башню вверх, и она рухнула на землю.

Осмотрел поле боя. Горели танки офицеров В. А. Бушмы, В. Г. Патрикеева, Ю. М. Когана и М. В. Васильева. Гитлеровцы продолжали бросать в бой по 6–7 танков и самоходных орудий, пытаясь при поддержке авиации остановить наше движение в город. Усилила огонь наша артиллерия и «катюши». Мы сосредоточились для атаки.

Сигнал по радио «Вперед!», красная ракета в направлении центра города, и огнеметные танки ринулись в атаку. Гитлеровцы попятись, начали отходить. К 20 часам противник оставался только на западной окраине, пытаясь удержать ключевые позиции перед выходом на Варшавское шоссе.

Петр Тихонов:

Они приближались не спеша. Они не видели нас, мы хорошо замаскировались. Вот они уже в зоне прямого выстрела.

— Огонь! — сказал командир. И солнечный день потрясли взрывы, задрожала земля, завязался бой, длившийся более четырех суток. Мы не раз сами переходили в контратаки.

Евгений Хлебников:

С механиком-водителем Павлом Хрипковым я познакомился в 1944 году. В нашем 510 отдельном огнеметном танковом полку царило оживление. В часть приехала делегация трудящихся г. Краматорска. На личные сбережения они приобрели танковую колонну. Члены делегации рассказали нам об освобождении Донбасса, о том, как восстанавливают разрушенные предприятия.

Старшина Хрипков, на груди которого сиял орден Красного Знамени, был любимцем всей роты. Особенно тянулась к нему необстрелянная молодежь. В 1939 году он воевал в Карелии, в Великую Отечественную войну оборонял город Ленина, сражался за Курск и

Воронеж, форсировал Днепр, освобождал Кировоград, мастерским вождением танка он поражал и нас, выдавших всякое фронтовиков.

На подступах к Белостоку танк Павла на большой скорости ворвался на его окраину. Впереди был мост через речку Бяла. Водитель насторожился, сдерживая бег машины. Вдруг на дорогу выбежала девочка, замахала руками.

— Мины, мины, — взволнованно закричала она, когда водитель открыл люк. Хрипков поблагодарил девочку с темно-русыми косичками, и, обойдя заминированный участок, снова повел машину вперед. В пылу боя он не спросил имя своей спасительницы.

Павел Половенко:

Многострадальная Белоруссия... Люди живут в землянках. О существовании их можно догадаться лишь по дымарям, которые поднимались над землей. Навстречу нам шли, как тени, изможденные люди. А рядом с ними двигались маленькие живые скелеты, дети. Смотреть на все это без слез невозможно.

Владимир Борсоев:

28 июля. Рудки. Вчера овладели г. Львовом. 20 – 22 июля в районе Жукув вели бои с окруженной группировкой немцев, пытавшихся прорваться на юго-запад. Дело доходило до рукопашных схваток. В этом бою ранен командир полка гвардии майор Бояринцев. Выведены из строя за время наступления 10 командиров батарей, 18 командиров взводов и 150 солдат.

Николай Козлов:

Противник оторвался от нас, чтобы закрепиться под Владимир-Волынским.

Надо, пока есть возможность, зарядить диски.

Ловко заправляя патроны в щели дисков, мой напарник Иван Ляшенко замурлыкал: «Ой, за гаем зелененьким...»

— Вы только не отставайте, — предупредил нас командир роты лейтенант Козырев.

— Догоним! — уверенно ответил Ляшенко.

Вокруг красота — залюбовались... На склоне под порывами ветра качалось море уже пожелтевших колосков.

— Иван, а у тебя не вызывает подозрения такое внезапное исчезновение немцев?

— Они научились теперь трусцой бегать, — ответил он.

Я глянул, далеко ли отошла рота, и замер. На дорогу из пшеницы выбегали Фашисты. Они решили схитрить — ударить из тыла...

Несколькими пулеметными очередями я уничтожил группу, которая уже выскочила на дорогу. А из пшеницы высовывались все новые и новые головы. Возле нас засвистели пули.

— Ура-а-ая! — на все горло закричали мы, продолжая стрелять на ходу, и метнулись к полю.

Я бежал на фашистов с последним заряженным диском, но что еще я мог предпринять. Наверное, в таких случаях только так и надо действовать. Стремительность непременно ошеломит врагов. В самом деле, часть из них бросилась вглубь поля.

Встревоженный выстрелами в тылу, лейтенант Козырев возвратил роту. Увидев подкрепление, фашисты отступили, оставив сорок трупов. Приблизительно столько же было ранено. Среди них оказался майор. На допросе он рассказал, что два пулеметчика велели бой с батальоном эсэсовцев, которым он командовал. Батальон фашистов, в самом деле, имел целью уничтожить роту неожиданным нападением с тыла.

Узнав об этом событии, из штаба нашего батальона в роту приехал его начальник капитан Лазарев. Он познакомился с нами. Мы с Ляшенко недавно прибыли в часть из пополнения.

Михаил Карась:

В июле полк вышел на правый берег Вислы, предстояло выбить сильно укрепившихся фашистов из польского города Демблина, стоящего на левом берегу реки.

Первым форсировать Вислу командир роты приказал моей группе автоматчиков. На заранее заготовленных плотках мы затемно стали переправляться через реку. Гитлеровцы обнаружили нас. Над плотами повисли десятки ракет, а вода закипела от мин и снарядов. Послышались стоны раненых. Неширокая в этом месте Висла казалась бесконечной.

Но вот плот ткнулся в берег. Я, подняв над головой автомат, первым выскочил на землю, залег за кочкой и начал косить бежавших на нас немцев. Рядом со мной на ровном, как блюдце, месте занимали оборону, окапывались товарищи.

Гитлеровцы не могли примириться с тем, что мы захватили плацдарм. На нас обрушили многотонный груз десятки «юнкерсов», одна атака следовала за другой. Рядом гибли товарищи, а я все стрелял и стрелял, и видел, как валились враги.

Это был страшный день: из 150 воинов, высадившихся первыми на левый берег Вислы, остались в живых трое. Но мы выполнили задачу — удержали плацдарм, а спустя два дня советские войска выбили оккупантов из Демблина.

Василий Мякишев:

Ни матери, ни детям не было покоя. Старший брат сражался с гитлеровцами, так и не побывав дома после срочной службы. Отец — офицер с первого дня войны — тоже на фронте.

Семья Мякишевых значилась в списках неблагонадежных. Пришлось пережить унижения, допросы, угрозы. Мы уехали из Смоленска в деревню к деду.

Я мало бывал дома. Вместе с одноклассниками больше прятался по лесам, чтобы не угнали в Германию. У нас тоже были важные дела: то проколем автомобильные покрышки, то насыплем песку в бензобак, то открутим болты или гайки, то вырежем и подальше унесем телефонный кабель. Хотелось чем-либо да насолить фрицам.

Степан Трапезников:

В конце июля дивизия с приданным к ней артиллерийским полком подошла к Висле. Наша рота переправилась на западный берег. В тяжелом бою отвоевали небольшую высотку. Пулеметный огонь врага не давал нашей пехоте подняться в атаку.

— Откуда бьет проклятый фриц? — спрашивал командир батареи.

— Сейчас разведу.

Вспышки появляются из-за кустарника у дороги. Я определил координаты вражеского пулемета и передал их на батарею. Вражеский пулемет замолчал. Продолжая вести разведку целей, я обнаружил две пушки и минометную батарею. По моим координатам, они точно же были уничтожены нашими артиллеристами.

Бой за Вислой становился все жарче. Когда выдвинулся на новый наблюдательный пункт, меня заметил фашистский снайпер. Две пули отскочили от каски. Попросил пехотинцев огнем отвлечь гитлеровцев, а сам пополз, чтобы уничтожить снайпера.

И. Чекунов:

Наша часть вела наступательные бои в Беловежской пуще.

Много часов провели на колесах. Выбились из сил. Командир

приказал расположиться на отдых. Согревая друг друга своими телами, бойцы моментально уснули. Первым на пост часовым заступил мой друг, тоже шофер Ваня Паршин из Сибири. Он прислонился к большому дереву, мучительно боролся с дремотой.

Разные мысли лезли в голову. Вспоминалась Сибирь. Вдруг боль пронзила палец на ноге. В сапог воткнулась финка. Паршин не растерялся. Выпустил две длинные очереди из автомата по веткам дерева. Мы осветили дерево и увидели пристегнутого ремнями мертвого фашиста. Его гитлеровцы оставили заранее с тем, чтобы снять часового и уничтожить спящих бойцов. Позже мы узнали, что фашисты оставили тогда много таких «кукушек». Любыми способами они пытались удержать наступление наших войск. Но Красная Армия стремительно освобождала родную землю.

Петр Потетюлькин:

Бои на подступах к Бобруйску. Не одна тысяча вражеских солдат и офицеров при поддержке артиллерии шла на наши позиции. Но врагов встречал мощный огонь, в том числе и моего «максима».

Советские войска овладели городом Бобруйском. Но вошли туда без меня. Раненый в обе ноги и руку, полз около четырех километров, а потом потерял сознание. Очнулся в госпитале. Кто подобрал, не помню.

Владимир Кулешов:

Когда освобождали Белоруссию, жили мы в землянке на какой-то возвышенности. Метрах в пятистах — кладбище. Наши пошли в атаку. К нашей землянке подошел танкист. Сел под большим деревом, а мы вылезли из землянки. Он стал нас расспрашивать. В это время с кладбища — пулеметная очередь. Сначала поверху дерева прошла. Кора полетела. А потом пополам перерезала танкиста.

Владимир Старостенко:

На Белорусском фронте фашисты прочно удерживали оборону и снабжались боеприпасами и техникой со станции Шатиловка близ Минска. Требовалось парализовать работу железнодорожного узла.

Группа из 30 добровольцев ночью перешла линию немецкой обороны и к полночи приблизилась к станции. Внезапное появление советских воинов вызвало у фашистов растерянность и смятение.

Но вот заработал вражеский пулемет, который в темноте груп-

па не заметила. Смертельно ранен руководитель операции. Командование группой принял я. Увлекая за собой солдат, бросился к дзоту и закидал его гранатами. Пулемет замолчал. Что было дальше — не помню. Очнулся в госпитале. В часть свою уже вернуться не смог.

Екатерина Шутрик:

Бывалые воины и совсем еще безусые солдаты ласково называли меня «наша Катюша». Как радовалась, видя, что усталые солдатские лица трогает улыбка, едва я появлялась среди них. Самым близким фронтовым другом стал Александр Петрович Суворов, по возрасту годящийся мне в дедушки и очень привязавшийся ко мне. Может быть оттого, что, глядя на меня, вспоминал свою семью, погибшую на Орловщине...

Яков Дербенцев:

Нам отдых дали. Постояли сколько-то. Пополнение нам пришло, много-много. Пришли пожилые люди. И пошли, знача, и пошли, и пошли до самой реки Буг. Широкая река, быстрая. Мы ее тоже форсировали. Ну и тут после этого начались ожесточенные бои. Как погнались немцев, а он пустил танки. Бросились на них с бутылками противотанковыми, начали обстреливать, гранатами под гусеницу. Гусеница разорвется, а он крутится на месте этот танк. Ну и танок наверно 40 подбили, остальные развернулись, назад ушли, ну и мы тут развернулись. Как писала тогда газета наша фронтовая, сбили их и продвинулись на 80 км.

Владимир Старостенко:

В боях на подступах к Минску 30 советских воинов, ведя разведку боем, натолкнулись на сильно укрепленный огневой рубеж гитлеровцев и попали в тяжелое положение. Но ни один из них не дрогнул. А я даже сумел захватить в плен фашистского офицера с важными документами.

Василий Попов:

«Родные мои! Как бы мне ни было трудно на войне, я всегда найду время, чтобы написать для вас хотя бы две строчки... Обещаю вам быть в бою всегда передовым. Получил ранение, но не покидаю строя, лечиться некогда, надо бить, поганых захватчиков».

Надежда Чуприна:

Полк наш охранял полевые аэродромы. Поэтому нам сполна доставалось от вражеских бомбежек. Ох, как трудно было, но все равно легче, чем гнуть спину перед фашистами. Мы всегда следовали за передвижением летных частей. Жили всегда в поле вокруг аэродрома. Окапывались, маскировались, несли военную вахту, и так жили до конца войны

Зоя Иванова:

6 – 7 операций в день — это, считай, выходной. А о настоящем выходном никто и подумать не мог. Кроме операций, еще и сортировка, выматывающая нервы. Нужно определить, кого на операцию в первую очередь. Один кричит, матерится, грозит, а рана у него не опасная, а другой — лишь глазами за тобой поведет да зубы со скрежетом стиснет, а у самого — жизнь на волоске висит... Сколько слез пролилось в отчаянии, что уже ничем не можешь помочь солдату...

Николай Козлов:

Близ реки Западный Буг наш полк столкнулся с заранее подготовленной обороной врага. Проволочные заграждения двадцатиметровой ширины, минные поля, глубокие траншеи и блиндажи. Земля голая, ни травинки. Дождались ночи. Под прикрытием тьмы минеры сделали проходы. На рассвете — артподготовка.

— Ну, пулеметчики, будете поддерживать атаку, — сказал Козырев, обращаясь к прислугам всех трех “дегтяриков”.

Мы с Иваном Ляшенко залегли во рву. Неподалеку расположился со своим ручным пулеметом рядовой Тесленко. А еще ниже — Осадчий. Когда батальон поднялся в атаку, и вдруг ожили не уничтоженные артиллерийским огнем пулеметные гнезда гитлеровцев, наши “дегтярики” заговорили.

— С удовольствием выкупаюсь в речке! — крикнул Ляшенко, видя, как на их участке успешно продвигается пехота.

В это время с противоположного берега ударила фашистская артиллерия. Снаряды начали ложиться там, где появилась наша пехота. Поднятая взрывами пыль заволочла небо. Я решил воспользоваться этим, чтобы пробраться вплотную к вражеским траншеям. Позвал Ляшенко. Но тот не ответил. “Убит”, — мелькнуло в голове. Побежал сам. Заметил и распластанного Тесленко возле воронки... Злость охватила. Добежал и вскочил в траншею врага. Установив

ножки пулемета, ударил, очередь за очередью, по темным каскам. В траншее началась паника. Гитлеровцы бросились врассыпную.

— Путь к берегу свободный! — крикнул своим.

Меня услышали. За мной побежали. А я нашел доску, уложил на нее пулемет и, толкая впереди себя, поплыл.

Яков Голубов:

В Румынии на подступах к городу Яссы справа, сзади нас оказались немецкие танки! Мы не поверили своим глазам. Откуда они могли появиться, почему оказались позади нас, когда наши передовые части уже в Яссах? Другие батареи дивизиона тоже впереди. Комбат быстро оценил обстановку, подал команду:

— К бою!

Отцепив зенитки от тягачей, развернув их на 90 градусов, оружейные расчеты за 2-3 минуты приготовились к стрельбе, причем по наземным целям. Это было впервые. Всем остальным комбат приказал окопаться, приготовить личное оружие. Он был спокоен, решителен, четко подавал команды. И как только машины с крестами на боках поравнялись с нами, мы услышали строгий голос командира:

— Батарея, броневой — огонь!

Два танка подбиты. Остальные удалились в сторону, не открывая ответного огня.

Нина Янчин:

На нашем пути г. Столин. В нем — гарнизон. Его надо уничтожить. Подошли к Столину. А там стоит состав со спиртом. Наши хлопцы из автоматов давай стрелять по цистернам. Кружки достали, нахлебались. Перепились все, и пошли Столин брать. В атаку, в полный рост. И всех положили... Выбили всех. Платона Воронько, был нашим комбатом, его ранили в живот.

Другие полки Столин брали.

Мария Козьмина:

Платону Воронько есть ничего нельзя. А у нас с Ниной был НЗ. В нем — шоколад и галеты. Когда радистов забрасывали к партизанам, выдали НЗ. Инструкция такая: если куда-то попала, что нет провианта, чтобы выжить, можно брать по одной дольке шоколада на завтрак, обед и ужин. И по одной галете. Чтобы не умереть. Мы решили спасти Платона шоколадом. И украдкой от нашего командира скормили Воронько шоколад.

Владимир Борсоев:

3 августа. Бирча. С 1 по 3 августа вели тяжелые бои с контратакующей группой немцев, пытавшихся прорваться из района Фельштин — Хырув к г. Перемышлю. Бригада с честью отстояла завоеванную землю и не пропустила сильную группу. 3 августа севернее г. Санок мы перешли государственную границу 1941 года (река Сан).

С. Орловин:

Активное участие в восстановлении города принимает общественность. Силами общественности очищено от развалин и мусора 160 тысяч квадратных метров площади, 4400 дворов, посажено 18 тысяч штук декоративных деревьев, восстановлена школа № 3 и рудничная больница, а также ряд социально-культурных учреждений.

Николай Манжула:

Во время освобождения Литвы я командовал ротой автоматчиков, был старшим лейтенантом. Наша бригада находилась во втором эшелоне. Но вот противник перешел в контрнаступление и 3 августа оккупировал г. Биржай. Надо остановить его. Вначале «обрабатывали» вражеские позиции артиллеристы и минометчики, а затем вперед пошли танкисты. Они прорвали фашистскую оборону и начали развивать наступление. Город вновь очистили от гитлеровцев. Моя рота освободила несколько хуторов, уничтожила до 80 немецких солдат.

Николай Козлов:

Фашисты, дислоцированные в ближайшем к Западному Бугу польском селе, не ожидали такого стремительного прорыва. Когда я оказался на сельской улице, в одном из дворов в легковушку усаживался гитлеровский полковник. Под дулом пулемета он побледнел и поднял руки. Пока сдавал пленного в штаб, в селе разгорелся бой. Хорошо, что в боевых порядках пехоты были пэтээровцы, они и подбили танк, который поддерживал контратаку фашистов.

Алексей Лысенко:

Вот мы наступаем. Мы должны в 6 часов ударить. Скалистая гряда, долина метров 300 и опять бугор, редколесье. И он сволочь с пулемета ту-ту-ту, ту-ту-тту. Потом все реже. А он отходил, и мы не

поняли куда. Он хотел нас ввести в заблуждение. И это ему удалось. Он занял противоположный склон. Молчит, не стреляет. Я иду с Овчинниковым, командиром роты. Ох, золотой же человек! Ростом не большой. Умница. Чья была судьба? Его оказалась. Могла быть моя судьба... Снайпер — гух, и прямо в грудь. Убил.

А на второй день меня трахнуло.

Василий Чернявский:

Мне довелось участвовать в освобождении родной Украины механиком-водителем тяжелого танкового полка прорыва, входившего в состав прославленной 4-й танковой армии Лелюшенко.

Особенно жестокими явились для меня и моих друзей уличные бои за Львов. На каждом шагу вспыхивали танковые дуэли. Все решала формула: кто первый выстрелил — тот и победил. Сорвавшийся с крыши кусок жести закрыл прицел. Командир нашего танка «ИС» старший лейтенант Мухаметдинов, рискуя собой, вылез на броню. Но только освободил обзор, как стрелок увидел в прицеле фашистскую «Пантеру». Грянула наша 122-миллиметровка. Тотчас же вспыхнуло фашистское самоходное орудие. А у старшего лейтенанта лопнули барабанные перепонки, и он оглох. Такой ценой давалась нам победа над врагом.

А. Ишмаметов:

Наша часть освободила Борислав и там еще концлагерь. В числе узников этого лагеря были и дети. У каждого ребенка на руке фашисты выжгли лагерный номер. Солдаты поделились с детьми своим пайком. Впервые за многие месяцы дети получили хлеб. Мы видели в концлагере печи крематория, в которых сжигали непокорных, и не верилось, что это могло быть.

И. Вовченко:

В сегодняшнем бою особенно отличились экипажи лейтенантов Шаповалова, Жукова, Дубинского. Это не первый их бой на румынской земле. Неделью назад эта группа самоходчиков поддержала разведку боем вдоль линии немецкой обороны. Они тогда выявили много огневых точек противника. Когда немецкая авиация обрушила бомбовые удары на наши танки и самоходные орудия, в атаку пошли вражеские танки. Экипаж И. Д. Шаповалова поджег два немецких танка, как вдруг в левую гусеницу машины попал снаряд, и осколок по-

вредил ствол пушки. Под огнем и бомбами экипаж натянул гусеницу, а затем приступил к ремонту пушки. Начали ножовками отпиливать конец поврежденного ствола. Работа тяжелая, солдаты сломали восемь ножовок, на руках появились кровавые волдыри, но ствол все же отпилили. Орудие было готово к бою.

За время войны пришлось Ивану Даниловичу побывать не раз под огнем обстрелов и в огне атак.

— Вас, Иван, — сказал как-то командир полка, — не берут ни пули, ни бомбы, ни огонь!

И действительно так. Еще до войны пришлось бороться с огнем. На шахте № 16-бис им. «Известий» в городе Красный Луч от искры, вызванной зубцами врубовой машины, загорелся газ. Молодой горняк Ваня Шаповалов увидел из штрека, как пламя охватило лаву, бросился на огонь. Пожар тушить прибыла специальная помощь, но Ваня не ушел из лавы, пока пламя не покорилося людям.

Федот Садовников:

Бои шли уже на польской земле, неподалеку от Сандомирского плацдарма советских частей на левом берегу Вислы. Наша разведгруппа получила задание: пойти в атаку, выявить огневые точки противника, взять языка, захватить и хотя бы в течение нескольких часов удержать в своих руках первую линию окопов противника, пока подойдут основные наши силы. «Трудно будет завтра», — подумал я.

Успеха на другой день удалось добиться лишь с четвертого захода... Многих недосчитались в своих рядах, в том числе и меня. В четвертом бою был ранен. О том, что разведгруппа с заданием справилась, узнал уже в госпитале. Здесь же настигли письма братьев Трофима и Емельяна. Прочитал и удивился: воюют-то совсем рядом. И теплее стало на сердце.

Анатолий Коробкин:

7 августа 1944 года я прибыл домой.

Мама пекла хлеб.

Сергей Галахтин:

Наш армейский зенитно-артиллерийский полк охранял боевые порядки войск на передовой позиции от налетов вражеской авиации.

На рассвете 14 августа над батареями полка появились восемнадцать вражеских самолетов Ю-88. Они стали пикировать и сбра-

сывать бомбы на батареи. Все батареи и пулеметные роты полка вступили в бой. Особенно отличилась в этом бою вторая батарея под командованием старшего лейтенанта Калюжного. Она сбила два самолета противника. Я служил в этом полку заместителем командира по политической части. Сразу же после окончания боя взял с собой связиста полка (он же был и фотографом) и пошел на батарею поздравить ее личный состав с замечательной победой. Здесь фотограф и запечатлел нас. Это была славная боевая батарея, пример дружбы советских людей в сравнительно небольшом коллективе. Вместе били фашистов представители семи национальностей: русские, украинцы, белорусы, узбеки, молдаване, татары, казахи.

Николай Манжула:

Около деревни Суостай наступали в основном под прикрытием танков. У этого населенного пункта проходили упорные бои. Нашим воинам приходилось и наступать, и обороняться, и снова наступать. Здесь мы захватили десять пленных. 9 августа на плечах врага ворвались в большое местечко Нямунеле-Радвилишкис и форсировали реку Мемеле.

Николай Козлов:

Наша рота лейтенанта Козырева первой в дивизии подошла к Висле. Нам приказали расквартироваться и отдыхать. Подтянется артиллерия, придут саперы — вот тогда и будем форсировать реку. Четыре дня отдыхали. Мылись, брились, писали письма домой. А потом началось... Висла в этих местах делилась на три рукава. Между ними высились зеленые, покрытые ивняком островки. Фашисты заранее пристреляли из пушек каждый кустик. Мы переплыли первый рукав более-менее благополучно, а потом попали под ливень вражеских снарядов и мин. Погиб командир взвода лейтенант Лаптев, ранены пулеметчики киевлянин Никита Сахно, полтавчанин Григорий Янко. Горстку людей собрал на островке командир роты. Под прикрытием нашего артогня эта горстка бойцов переправилась на другой островок.

— Еще один рукав надо преодолеть, — сказал лейтенант Козырев.

Под вечер из штаба полка прислали радиста с рацией и сообщением о том, что будет артподготовка, после которой надо начинать переправу. Я сказал лейтенанту, что в этой ситуации переправляться лучше без шума. Командир роты поощрял инициативу солдат, внима-

тельно выслушивал и часто следовал их совету. Согласился он и со мной. Немцы будут ждать нас на рассвете, артогнем встретят, а мы сейчас, как смеркнется, переправимся.

Козырев тут же послал в штаб полка связного, доложить о замысле. В самый раз поступило небольшое пополнение. Командир роты собрал всех и поставил задачу: переплыть рукав, сосредоточиться под обрывом, броском — вверх и атаковать траншеи гитлеровцев.

— Разрешите мне идти последним? — обратился к лейтенанту. — Прикрою в случае чего...

Неслышно спустились в воду бойцы. Ни одного выстрела с обоих берегов. Сосредоточение наших бойцов гитлеровцы, хотя и поздно, но заметили. Шквал взрывов взбудрил реку, взвихрил восточный берег. Я выбрал удобное место в окопчике возле самой воды, и следил за высоким противоположным берегом. Вдруг прозвучал взрыв, и меня забросало песком и ветвями ивняка. Второй взрыв обрушил поток воды, и мой окопчик превратился в ванную. «Убьют, паразиты, — подумал я, — и не обеспечу выход роты вверх».

— Рус, сдавайся! — донеслось с противоположного берега. Под обрывом взорвалось несколько гранат.

На фоне неба увидел фигуры немцев, которые бежали к обрыву. Положил пулемет на толстую ветвь и полоснул очередь по темным фигурам. Заменял пустой диск, вытер и продул затвор пулемета, снова приготовился. Когда гитлеровцы выскочили к обрыву и начали бросать гранаты, встретил их огнем. А потом изо всех сил крикнул своим:

— Ребята, вперед!

Рота вскарабкалась вверх и завязала с фашистами рукопашный бой. А я поплыл на плацдарм.

Иван Воловик:

Бои на Ухтинском направлении. Приказано вывезти с передовой раненых. Бой жаркий, а его исход — для наших войск неблагоприятный.

Моя машина с ранеными попала в окружение. Враги за спиной, враги впереди. Можно бросить машину и вместе с другими отступить. Но я так поступить не мог. Я в ответе не только за себя, а и за десятки жизней раненых, доверенных мне. Иду на прорыв. Шансов на спасение мало, но раз есть хоть один, его надо использовать.

Мы вырвались. Когда приехали к своим, вся кабина машины оказалась продырявленной, пули прошли ее насквозь. Но, видимо, под счастливой звездой родился: ни одна не задела меня.

Федот Садовников:

Кем только ни пришлось быть на фронте. В начале войны водил танк. Когда тот вышел из строя, попал в матушку-пехоту. Потом был направлен в воинскую часть, обслуживающую военные аэродромы. Каждый день заправлял горючим тяжелые бомбардировщики, тут же улетающие на задания. Чаще всего они теперь держали курс на фашистскую Германию. За штурвалами самолетов сидели нередко безусые парни. Но в боях они себя вели как герои. И свой скромный вклад в их победу вносили и мотористы, и прибористы, и оружейники, и я, заправщик самолета. На некоторое время меня прикомандировали к женскому авиаполку, которым командовала знаменитая Валентина Гризодубова. Не раз видел эту замечательную женщину, о героизме которой ходили легенды.

Сергей Шичанин:

Прибалтика. После госпиталя с трудом уговорил врачей оставить меня в действующей армии. В свою часть не попал. Направили в 39 минометную бригаду водителем. Там меня зачислили во второй дивизион РС. Легендами обросли эти дивизионы. Да и было за что. Они ведь не только врага громили, они боевой дух нашей пехоты поднимали. Каждый боец знал: намного легче наступать там, где поработали «катюши». Наш дивизион стоял тогда в районе города Приекуле. Несколько батарей выдвинули на передовую. Видимо, чтобы не рассекречивать себя до главного наступления, не произвели ни одного залпа. Машины хорошо замаскировали, движение ограничили. Но солдат есть солдат, он не машина, ему необходимо есть. Вот мне и приказали подвезти на передовую питание. Поставили в кузов термосы с пищей. Повар Арсеев запрыгнул, вслед за ним и старшина Иванов сел в кабину. Поехали в район передовой. Подъезжая к Приекуле, заехали в липовую аллею. Чудная аллея. Липы старые, ветвистые, закрывают сверху. У меня мысль тогда сразу же появилась: будь я летчиком, обязательно эту аллею бомбил бы. Решил проскочить аллею и город на полном ходу. В это время и появились самолеты противника. Машины стали останавливаться в аллее, а я все увеличивал скорость. Мне сигналили, махали, куда, мол, прешь, прячься. А в это время еще и артобстрел начался. Как только высочили на открытое место, сразу же за нами стали охотиться самолеты. Включили сирену, и с ужасающим воем пикировали прямо на машину. Несколько заходов сделали, а ни одного попадания. Как уж выворачивался, непонятно и до сих пор. Нервы напряжены, как струны. Знал,

за ошибку жизнью заплатить придется. Но перед самым городом у них или горячее кончилось, или боеприпасы, — улетели они. Тут только я увидел, что ни старшины, ни повара в машине нет. На ходу соскочили, не выдержали. Сел я на обочину, закурить пытаюсь, а не могу. Руки так дрожат, что все спички ломаются. Отдохнул, успокоился, тут и старшина с поваром подбежали. На обратном пути увидел, что аллеи, как и не было. Деревья повалены, машины разбиты, останься я там, и с моей машиной то же было бы. По приезду старшина доложил майору Уртаеву, командиру дивизиона, что задание выполнено, люди накормлены, машина целая.

Петр Чаплыгин.

19 августа на горном хребте Обчина Маре действовали сильные разведывательные отряды пулеметно-артиллерийских батальонов. Майор Чаплыгин лично руководил работами под огнем противника. Разминировали проходы в обороне немцев, устраивали пути продвижения для наступающих подразделений. Здесь и погиб он от огня вражеской засады, притаившейся на большой скале.

Боевые товарищи перенесли его тело на родную землю. Похоронили его в центре парка им. Федьковича в городе Сторожинце Черновицкой области в братской могиле.

Алексей Лысенко:

Карельский фронт. Ухтинское направление. Наша дивизия прорывается до залива, колет немцев пополам. Одни на юге в Финляндии, другие на севере. Полдивизии направили на третий Украинский фронт. Несемся мы поездом, как очманелые, через Москву и Тулу. А в Туле у меня живет сестра Наташа. Прошу начальника:

— Давно уже не видел ее, может, не вернусь с войны. Отпусти-те повидаться.

Заскочил, а она, бедная, мечется. Чем же угостить... чем она угостит... да и поезд стоит. В общем, обменялись... Миша, сынок, был командиром минометной батареи. С института взяли, со второго курса. И мужа Федю. Красавец, под потолок.

Распрощались. И мы покатили на Украинский фронт.

Г. Суховерхов:

Водителю фронтовой кухни сибиряку Мише Малахову рассказал о Донбассе. Он пообещал после войны приехать в Красный Луч.

Миша за 4 года войны ни разу не оставил солдат батареи без пищи. Его машину никогда не засекал противник.

Бои за г. Тихвин. Сплошные болота. Но его «ЗИС» был всегда на ходу, всегда следовал за батареей. Во время боя Миша подносил снаряды. Всегда был весел и храбр.

А как не помнить Васю Хмызова, Вельмакина Яшу, отличного повара Дусю...

23 августа в боях за г. Тарту я ранен. Миша, отправляя меня в госпиталь, пообещал приехать в гости. И не подвел. Дойдя до Берлина и расписавшись на стенах рейхстага, он приехал тогда в Донбасс и сейчас живет в нашем городе на улице Боткина.

Екатерина Якунина:

Когда освобождали Польшу, я была санинструктором артбатарей. В одном из боев убило заряжающего. Я заменила его.

Какие тяжелые снаряды! Уже не поднимались руки, а командир кричал:

— Заряжай!

Алексей Мельников:

Наши пулеметы нагревались почти докрасна. Но мы не прерывали огня. Отсекали немцев от танков и уничтожали их. Враг выдохся и начал отступать. Возле села Сунино в Могилевской области мы отвоевывали траншею за траншеей. На нас пошел батальон немцев. Мы — в штыковую атаку. Отбили ее. Но дальше ребята продвигались без меня: ранило в третий раз.

Петр Ткаченко:

В Польше, под городом Седльце, авиация бомбила огневые точки, и мы несли серьезные потери. Солдаты вместе со мной под огнем продолжали ремонт пушек и пулеметов.

Павел Алякин:

В Польше заняли оборону в помещичьей усадьбе. Проход к обороне только через мост. А вокруг болота. Заняли позиции поздно вечером, а наутро пошли танки. Было это в лесу. Неожиданно взяли нашу передовую. Пришлось отступать по болотам. Многие погибли, в том числе и командир батальона Рыбаков Степан и медсестра.

Владимир Борсоев:

25 августа. В момент тяжелых боев с контратакующим противником в районе Заршина ко мне приехала женушка Асюня. И в этот же день бои затихли. Какая радость — высказать невозможно!

Александр Малов:

26 августа. Район станции Штальгальм (Польша). Учеба, похоже, подходила к концу. После мощного наступления советских войск, выбросивших гитлеровцев с территории Украины и вступивших на польскую землю, разведшколу из приграничного района перевели сюда, подальше от линии фронта, а курсантам дали программу повышенной интенсивности. Обучали методам добывания разведывательных данных, топографии, способам перехода линии фронта, ухода от слежки и преследования, стрельбе, применению холодного оружия. Много внимания уделялось вопросам поведения в советском тылу, организационной структуре Красной Армии. А на ежедневных политечах вбивали в голову, что Германия сильна и непобедима, что скоро в вермахт поступит новое «сокрушительное оружие», и Советский Союз непременно будет «поставлен на колени». Я учился прилежно, заслуживая одобрение инструкторов. Одновременно собирал сведения, которые могли пригодиться советской контрразведке, накапливал информацию, установил номер полевой почты, под которым разведшкола значилась в документах противника. Ждал часа, когда гитлеровцы поверят мне и отправят в тыл Красной Армии.

Игорь Слепцов:

29 августа в Словакии вспыхнуло национальное восстание. В помощь словацким патриотам был предпринят удар 38-й армии 1-го Украинского фронта. Направление — Дуклинский перевал в Карпатах. В горах начались бои. Советские воины в тяжелых условиях показывали чудеса героизма.

Александр Борисов:

1944 год, уже в Карпатах. Вызывают в штаб армии. К штабу — две дороги. Один путь безопасный, протяженностью 100 – 120 км по горным дорогам, другой — прямой, короткий, всего 15 км. Участок дороги в один километр особо опасный, в непосредственной близости от противника, 500 – 800 м от линии фронта. Рискую. Шофер — ас.

Пролетели этот участок на максимальной скорости под артиллерийским, минометным оружейным обстрелом. Одно осколочное и два пулевых ранения получила наша машина. Мы уцелели и вовремя прибыли в штаб.

Владимир Борсоев:

30 августа. Был во Львове, приезжал к семье. С дочуркой познакомился, но полюбить друг друга не успели. Она в течение суток не признавала меня ни в какую. Рад, что семья устроилась в хорошей квартире. Побыл дома 3 дня. Мы с Асюней понемногу поругивались: ревность! Мы крепко любим друг друга. Сердечно проводила меня на фронт.

Василий Дианов:

В Словакии готовилось национальное восстание. Туда забрасывались диверсионные группы, формировались партизанские отряды, которые пополнялись бежавшими из плена советскими воинами. После излечения в госпитале меня направили в спецшколу. В августе я уже был командиром разведгруппы партизанского отряда. Восстание охватило почти всю территорию Словакии.

Александр Краснов:

Душная августовская ночь. Карпатские горы. Какая-то высота. Пять раз ходили фашисты в атаку на мое отделение. Последней атаке предшествовала сильная артподготовка. Кончились у нас патроны. Вышел из строя пулемет.

— Гранаты к бою! — приказал я.

И тут же в окоп влетела граната. Вражеская. Раздался взрыв... Больше я ничего не помнил. И только боевая характеристика, которую мне написали в части, свидетельствует о том бое. Вот что в ней написано: «...Командир стрелкового отделения в бою проявил смелость, отвагу и самопожертвование. Был тяжело ранен. Истекая кровью, старший сержант Краснов продолжал руководить боем. Без сознания доставлен в госпиталь. Командир подразделения Швыдкий».

Владимир Шувькин:

В августе наша и еще одна дивизия оказались в окружении. Мы вышли к Рижскому заливу. Немцы, собрав 250 танков, прорвали обо-

рону и рассеяли обе дивизии по многочисленным лесам и болотам Латвии. Начали выходить из окружения организованными группами по 100-150 человек, но были еще и малочисленные группки, которые делали это самостоятельно. В одной такой группе человек в 25 оказался и я. Отряд сборный: медсанбатовские люди, шофера, дивизионная охрана, даже командир дивизии.

Два месяца мы находились в окружении, постоянно перемещались, уходя от облав, вступали в перестрелки с латышскими полициями. Вечерами репродукторы доносили: «Русские! Выходите сдаваться! Вам ничего не будет!»

Вышли из окружения и соединились со своей дивизией мы под Любовай. Особисты проверяли долго и тщательно, но никакого компромата против нас не нашли.

До конца войны мы воевали с 300-тысячной немецкой Курляндской группировкой. Пытались столкнуть ее в море, но не удалось — они сдались. Несколько дней огромные колонны пленных немцев и техники уходили с территории Латвии куда-то в глубь страны.

А. Тищенко:

Освобождая Польшу, мы ужасались, видя следы немецких злодеяний. В концентрационных лагерях фашисты вырезали на лбу пленных звезды, отрезали им языки и уши, выкалывали глаза, сжигали в печах крематория.

И. Лобода:

Около Варшавы какая-то часть попала в окружение. Нам приказали прорваться к ней. Но на нашем пути оказался дот. А рядом еще и вкопанный в землю танк. Как говорится, ни пройти, ни проехать. Мой шофер Глазков предлагает: нельзя пешком и на танке, давайте попробуем на машине. Она быстроходна, маневренна. Пока опомнятся — долетим.

Решение дерзкое, но ничего больше не остается. Берем семь человек, загружаем машину гранатами и — вперед. На большой скорости — через траншеи. В нас бьют автоматы, танк, пулеметы, а попадания благодаря большой маневренности машины не было.

Глазков подвез нас к самому доту. Тут уж было не трудно забросать дот и танк гранатами. Путь нашим войскам был открыт.

Когда рассказываю об этом, не все верят, но не случайно же наградили нас всех семерых за это. Жаль, Глазкова потом в Берлине убили.

Н. Солодкий:

Нашему взводу приказано форсировать Вислу, укрепиться и держаться до подхода основных частей.

Ночью скрытно от противника мы с четырьмя пушками переправились на другой берег и заняли плацдарм. На рассвете фашисты пошли в атаку, предпринимая все, чтобы сбросить нас в реку. Я был водителем, но мне пришлось заменить погибшего товарища — подносить снаряды, заряжать противотанковое орудие. Мы продержались двое суток. Наш расчет подбил 4 танка.

Анна Мищенко:

Служила в медсанбате стрелковой дивизии.

На подступах к Варшаве мы вели тяжелые бои. Раненых много, нужна кровь, а самолет, который доставлял нам кровь, немцы сбили. Многие работники медсанбата сдали кровь. В их числе и я.

Иван Рябов:

Рота автоматчиков, оседлав танки, совершила многокилометровый марш и освободила узников концлагеря в районе города Резекне. Как нас там встретили: женщины, мужчины качать пытались солдат. А сами едва держались на ногах.

Павел Иллензеер:

Воркута не показалась мне адом. Ведь мне 19. Был я патриотом и тружеником. В Воркуте, спускаясь в шахту вместе с каторжниками, мурлыкал песню... «Широка страна моя родная...». Одни улыбались, радуясь песне, как лучу солнца, случайно попавшему в клеть, другие бросали косые взгляды: «Ишь, весело ему!» И так всю войну в шахте работал. Здоровье начало сдавать. В легком появилась каверна. Но на поверхности не легче. В любую погоду — в пургу, в 60-градусный мороз надо грузить углем эшелоны. Уголь нужен электростанциям, заводам, кораблям. И надо грузить, чтобы шахта не стала. Сутками не выпускал из рук рычагов экскаватора. И все же выпадали минуты передышки. В одну из них услышал звонок — звал начальник шахты. Все знали, какой крутой человек директор. Он мысли не допускал, что кто-то может позволить себе работать плохо. «Ну, врежет он мне сейчас...» — подумал, хотя не чувствовал за собой вины.

— Кто на экскаваторе?
— Я, товарищ начальник.
— Фамилия?
— Иллензеер.

— Молодец, парень. Эшелон сверх плана нагрузил. Благодарю.

Он подошел, чтобы пожать мне руку. Но, увы! Кисти рук не разгибались. Они окоченели в той форме, что были на штурвале.

— Извините, товарищ начальник, — смутился я.

Тогда директор обнял меня за плечи:

— Выпьем наши фронтовые 100 граммов, товарищ, — взволнованно сказал он.

Алексей Юдин:

Меня направили в спецроту водников. Мы форсировали под водой преграду, захватывали плацдарм и удерживали до прихода основных сил. Так было на Днестре, Буге, Днестре.

Однажды, в период ожесточенных сражений группа в 30 человек подводных разведчиков под командой капитана Маркова, пройдя свыше 2 километров по дну озера, вышла в тыл врага, пленила около 60 немцев и удерживала село двое суток до прихода подкрепления.

Мария Лошакова:

Рвутся снаряды, рушатся здания, горит земля, дымом затянуто небо. Идет бой за освобождение румынского городка. Полк получил задание — выбить фашистов. А выбить их непросто.

Спасая двух бойцов, перевязала им раны и стала поочередно перетаскивать на плащ-палатке в укрытие. Вдруг слышу голос:

— Спаси меня, доченька, жить хочу...

Надо спасать и этого раненого.

После боя ранеными оказались шестьдесят человек. Мне задание: вывезти их на территорию Молдавии и передать в госпиталь.

Раненых привязала к телегам, чтобы они не падали и отправилась в путь. Как могла, поддерживала дух бойцов. Бегала от одного солдата к другому. Делала перевязки, кормила. Один солдат был сильно контужен и очень уж плох. Недели три ухаживала за ним. Кормила из ложечки. Поила. Однажды он приоткрыл глаза, спрашивает:

— Где я?

— Ты меня видишь? — вопросом на вопрос обращаюсь к нему.

— Вижу, — ответил он чуть слышно.

— Какая я?

— Рыжая...

У меня полились слезы радости: значит, будет жить.

Обоз с ранеными попал в окружение. До глубокой ночи отсиживались в винном подвале. Старались быть незамеченными. Потом прорывались небольшими группами.

Александр Малов:

2 сентября меня вызвали к старшему из инструкторов Архипову. В комнате уже находился курсант по кличке «Казачук». Торжественно объявив обоим, что учеба закончена, инструктор сказал:

— Германское командование доверяет вам особо важное задание.

Я едва сдержал нахлынувшие чувства. Наконец-то приближается минута, ради которой надел личину Иуды и пробрался во вражеское логово. Задание сводилось к тому, чтобы, высадившись под городом Сандомиром, пройти по специальному маршруту, установить районы сосредоточения советских войск, вооружение и оснащение частей, планы командования соединений Красной Армии и в условленном месте через линию фронта вернуться в распоряжение гитлеровцев. Инструктаж продолжался несколько часов. После контрольного опроса Архипов покровительственно похлопал меня по плечу:

— Из тебя получится хороший разведчик!

Владимир Борсоев:

5 сентября, с. Кросно. Готовимся к наступлению на Чехословакию через Карпаты, от м. Кросно (Польша) на Прешов (Чехословакия). Богданов уехал домой, и по пути с ним поехала моя семья до Чуднова. Когда вернутся, будем уже в Чехословакии.

Александр Малов:

Выдали форму офицеров Красной Армии, пистолеты, снабдили документами. Поездом выехали в Краков на конспиративную квартиру «Абвер-команды-101», которая у контрразведчиков Первого Украинского фронта значилась как Полтавская разведшкола Абвера.

Г. Леонов:

К вечеру 5 сентября наш полк вышел севернее Варшавы к притоку Вислы реке Нарев. На рассвете 6 сентября мы форсировали ее,

и противник не успел занять подготовленную оборону с мощными инженерными сооружениями. Её гитлеровцы рассчитывали занять своими отступающими частями. Мы их опередили. Но к месту нашей переправы уже спешили из тыла пехота и танки противника. Завязались бои. Поддерживаемые танками и артиллерией, мы сумели за двое суток углубиться на 8 километров от берега и закрепиться.

Александр Малов:

8 сентября. Краков. В загородном особняке, куда нас с Казачуком привез обер-ефрейтор Рудик — двухметровый громила, виртуозно владевший любым оружием, — охрану несли неразговорчивые штатские с военной выправкой, а стол ломился от яств и спиртного.

Второй день напролет странный банкет с обильными возлияниями почти не прекращался. Являлись фашистские офицеры, какие-то гражданские лица, произносили двусмысленные тосты, скользкие шутки, задавали множество вопросов и, якобы в порыве откровенности, рассказывали анекдоты о возможном военном поражении Германии.

Я держался настороже, но вида не подавал, что раскусил затеянную провокацию. После очередного «острого» анекдота поднялся из-за стола и твердым голосом заявил:

— Требую прекратить! Учтите, господа, я не желаю больше слушать глупые высказывания, оскорбляющие великий рейх и его доблестную армию!

«Гулянка» быстро закончилась. Зато на следующее утро появился начальник разведшколы. Распорядившись убрать из особняка все оставшееся спиртное, он сказал мне:

— Молодец, я тобой доволен. Если заметишь, что Казачук струсил или готов переметнуться к коммунистам, застрели его.

«Кажется, последнюю проверку прошел», — с облегчением подумал я.

Николай Козлов:

Враг отступал по широкому шоссе. Вышли на него и мы. Долго шли, прежде чем я обратился к лейтенанту Козыреву, и предложил пойти напрямик — полем, лесом. На карте шоссе нарисовано дугой.

— Дождь же, развезло так, что ног не вытянешь, — отозвался командир роты.

Но через некоторое время рота все же свернула с шоссе. Идти, как и предполагал лейтенант, было тяжело. А у каждого из бойцов

еще и большой запас патронов, гранат, продовольствия. Марш длился всю ночь. Негде и прислониться, чтобы на какой-то час глаза закрыть — мокро, а дождь не утихает... Утром, в конце концов, увидели село. Лейтенант Козырев разрешил мне подойти ближе к селу. На всякий случай. В бинокль он разглядел собранные в поход вражеские пушки. Я должен воспрепятствовать им развернуться к бою.

Короткими перебежками я подался вперед. Установил пулемет под кустом на незначительном расстоянии от шоссе, чтобы в случае необходимости можно было развернуться на сто восемьдесят градусов. Перевел дыхание, прислушался. Лишь дождь шелестел по листьях. Фашисты возятся возле пушек — устраиваются.

Вдали показалась наша рота. Она быстро приближалась к окраине села. Вдруг по ней застрочили пулеметы. Строй рассыпался, однако бойцы не залегли. Чтобы им помочь, надо привлечь внимание к себе. Поднялся в полный рост и с криком «ура!» выбежал на шоссе. Теперь фашистские пулеметчики перенесли огонь на меня. Я упал. Лежал неподвижно, пока не почувствовал, что снова стреляют по роте. А она подошла совсем близко к окраине. Возле пушек засуетились гитлеровцы. Я дал туда несколько очередей и отогнал их. В треске боя фашисты не могли понять, откуда же бьет пулемет. На шоссе они уже не обращали внимания, думали, что того неосмотрительного солдата убили. А я жил. И уничтожил своими пулями все три огневых точки врага. Бойцы нашей роты оттеснили артиллерийскую прислугу, потом лейтенант Козырев повел их через шоссе. Я повернул пулемет в противоположную сторону, чтобы снова помочь подразделению и увидел, как на выгон, где паслись кони, бросились немцы и потащили за уздечки тяжеловозов. Мой пулемет помешал им. Свою роту догнал уже на возвышенности, где она попала под артиллерийский обстрел. Лупили прямой наводкой из яра. Некоторые бойцы сгоряча побежали в рощицу, что росла по правую сторону. Но хорошо, что послушались, остановились. В роще посекали бы нас как капусту. Лейтенант приказал сосредоточить огонь на овраге. Над ним поднялась туча пыли, взрыв потряс воздуха...

Владимир Борсоев:

Дукля. 8 сентября после серьезной артподготовки перешли в наступление. В первый же день углубились на 10 – 15 километров. Дальнейшее движение было связано с упорным, все возрастающим сопротивлением. На третий день перерезали шоссе Змигруд — Романув, на четвертый день перерезали шоссе Змигруд — Ново-Дукля. Зашли узким коридором, шириною в 2 – 3 километра. В течение

недели в этом районе шли ожесточенные бои. Все попытки немцев освободить дороги, связывающие их с восточной группировкой, остались тщетными. Контратаковали с танками и без танков. Когда дневные атаки не давали результатов, атаковали ночью. Славные истребители, оседлав шоссе, наглухо закрыли его и держали 7 дней. Артподготовку немец вел по часу и больше. Тут вся земля исковеркана. За это время наши полки потеряли почти половину своего состава. 16 немецких танков остались подбитыми прямо между батареями истребителей. Были случаи: подпускали танки на расстояние 50 – 100 метров и одним – двумя выстрелами поджигали. Эти орлы — наводчики Морозов, Симонов и другие. Только после одной контратаки немцев в районе 5-й батареи гвардейского ИПТАП (Истребительный противотанковый артиллерийский полк) осталось около 60 трупов немцев. Выведены из строя: командир полка Ковин, начальник штаба полка капитан Бучар, комбаты — Нестеренко, Золотарев, Киреев, Запольский, много командиров взводов, около 300 солдат.

Л. Браверман:

Я снова попала на фронт. Меня направили работать медсестрой в гаубичный артиллерийский полк. В Польше, под городом Торнау-Гурне, под непрерывным огнем противника я вывезла в санбат четыре машины раненых. С тех пор, где бы ни шел бой, я перевязывала раненых, выносила их с поля боя.

Г. Леонов:

Начиная с 9 сентября, фашисты не предпринимали попыток сбросить нас с плацдарма, а ограничивались лишь огневыми налетами по нашим тылам и переправам, пулеметным и минометным огнем по переднему краю. Спустя почти месяц неожиданно для нас 4 октября, на рассвете, последовал огромной силы контрудар противника. В последующие два дня наш батальон отразил несколько сильных атак противника, но своих позиций не оставил.

Александр Малов:

12 сентября в 23 часа два человека, одетых в форму младших лейтенантов Красной Армии, покинули конспиративную квартиру и в сопровождении немецкого обер-ефрейтора сели в «опель». Машина, не сбавляя скорости, промчалась по улицам безлюдного вечернего Кракова и за городом свернула в сторону аэродрома. За ней неот-

ступно следовал другой «опель», в котором, кроме водителя, находились два немецких офицера — капитан и лейтенант — сотрудники «Абвер-команды-101». Часовые, охранявшие аэродром пропустили машины без проверки документов. «Опели» остановились около транспортного «юнкерса». Обер-ефрейтор Рудик не отходил ни на шаг. Сопровождающие в последний раз инструктировали, наставляли, задавали контрольные вопросы, а обер-ефрейтор проверил парашюты, оружие, снаряжение и молча стоял за спиной, словно сторожил, чтоб подопечные не сбежали перед погрузкой в самолет. Капитан — заместитель начальника разведшколы — побеседовал с каждым в отдельности. У нас были разные задания.

— Еще раз напоминаю, — говорил он мне, — что вам необходимо разведать тылы 350-й стрелковой дивизии. Особо обратите внимание на танковые и мотопехотные соединения. Не задерживайтесь.

Такой же разговор состоялся и раньше, когда меня и Василия Казачука поместили на конспиративной квартире после окончания учебы в разведшколе. Тогда к нам пришел начальник «Абвер-команды-101» подполковник с тремя мужчинами в гражданской одежде. Они учинили экзамен, еще раз уточнили задание, обговорили условия перехода через линию фронта, а также пароль, услышав который, немцы обязаны были доставить их в «Абвер-команду-101». Таким паролем будет фраза: «Дойч агент, Краков».

Одетый в советскую офицерскую форму, я просматривал выданные мне документы. Один комплект — на имя младшего лейтенанта Иванова Александра Федоровича, командира взвода 1178 стрелкового полка 350 стрелковой дивизии.

— Этим, — наставлял инструктор, нужно пользоваться после приземления и на маршруте по советскому тылу. Второй комплект — на имя Иванова Александра Федоровича, но уже сержанта того же полка, предназначался для перехода линии фронта на немецкую сторону после выполнения задания. Район выброски — 6 — 7 километров северо-восточнее города Сандомир. Если самолет попадет там под зенитный обстрел, выброска переносится в район города Трано-бжог. Главная цель — выяснить, не готовит ли советское командование на этом направлении новое наступление. Если готовит, то в каком месте, когда, какими силами. С каждой минутой я все больше волновался. Вдруг Рудик заподозрит, прочтет мои настоящие мысли. Или произойдет что-то непредвиденное, увезут отсюда, и рухнут надежды на возвращение к своим. Около полуночи поступило распоряжение грузиться в самолет.

Казачук выбросился около Сандомира. Я не успел — самолет

обстреляли зенитки, и сопровождающий закрыл люк. Несколько минут полета до запасного района показались вечностью. Наконец, люк открыт. Я шагнул за борт. Долгожданный шаг на Родину...

Петр Мамонов:

«Дорогие подруги! Пишу вам от имени фронтовиков-краснолучан. Рядом со мной Иван Носов, Сергей Тверяхин, Владимир Швыдкий, Александр Тенько. Нам интересно, как живет молодежь города. Пишите нам чаще. О том, как работаете, как проводите досуг. Наш адрес: Полевая почта № 14097 «Б».

С. Александров:

Крылатыми танками называли самолеты «Ил-2». А враги окрестили их «черной смертью». На такой грозной машине летал и Владимир Рычков. Он сражался в составе 335 Витебской штурмовой авиационной дивизии, которая прославилась многими боевыми подвигами. Только с 14 по 17 сентября экипажи дивизии уничтожили 27 танков, свыше 220 автомобилей, около 200 повозок с различными грузами, подавили артиллерийско-минометный огонь трех дивизионов, уничтожили сотни гитлеровцев.

Александр Малов:

13 сентября. Приземлился, как и намечалось, в 1,5 километре северо-восточнее Тарнобжега в 150 метрах от дороги Тарнобжег — Сандомир. Отцепил парашют, ничем не прикрывая его, сложил около телеграфного столба.

Тихая ночь уже клонилась к рассвету. На душе светло. Добрался. Теперь — действовать по плану, который вынашивал в течение последнего месяца.

С. Александров:

Владимир Рычков исключительной отваги и большой души человек. Командующий фронтом генерал И. Х. Баграмян благодарил летчиков за отражение танковых атак противника. А через несколько дней с рассветом полк выстроили против стоянки самолетов. На его правом фланге развевалось знамя части. В тот день я вручил Володе

Рычкову второй орден Красного Знамени. Сигнал тревоги прервал ритуал награждения и Володя снова повел свою эскадрилью в бой.

Александр Малов:

13 сентября. Окрестности Транобжога (Польша). Вышел на дорогу и увидел, что приближается грузовая автомашина. Поднял руку. Машина остановилась. Рядом с водителем сидел капитан.

— Товарищ капитан, как мне добраться до штаба 350-й дивизии? Я из офицерского резерва.

Офицер, сидевший с шофером в кабине, мельком взглянул на мои документы, кивнул на кузов, мол, забирайся быстрее. Мне хотелось расцеловать и офицера, и шофера — первых встреченных советских воинов, сразу же открыться, рассказать о себе. Но сдержался — нельзя. Сведения должен передать контрразведчикам. Ехали долго. Миновали город, проехали мост через Вислу, приехали в село.

— Слезай, младший лейтенант, — сказал офицер. — Ищи штаб своей дивизии здесь.

Спросил у солдата:

— Где расположен отдел контрразведки «Смерш»?

— Не знаю, — ответил тот.

— А штаб дивизии?

— Тоже не знаю. Да вы зайдите туда, — солдат показал на дом в отдалении. — Там политотдел, объяснят, что и где находится.

За большим обеденным столом брился молодой майор.

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Слушаю вас, младший лейтенант.

— Разрешите закрыть дверь?

— А в чем дело?

Я прикрыл дверь, расстегнул ремень и положил кобуру с пистолетом на стол.

— Примите, пожалуйста, оружие и сообщите в «Смерш», что сержант Малов, раненный и плененный в октябре сорок третьего года, после окончания разведшколы Абвера из плена прибыл! Я немецкий агент, сброшенный ночью с самолета с парашютом вместе с другим агентом для выполнения задания по разведке танковых и моточастей. Следую по фальшивым документам в 350 сд, имею оружие, карту, компас и прочие вещи.

Офицер схватился за телефонную трубку...

Первая беседа с советскими контрразведчиками длилась более десяти часов. Чекисты не раз предлагали прервать разговор, чтобы я отдохнул, собрался с мыслями и силами. Но я просил не оста-

навливаясь. Накапливая сведения о разведшколе, я не мог делать какие-либо записи или заметки. Полагался лишь на память и теперь, находясь среди своих, опасался забыть что-нибудь важное. Я диктовал и диктовал данные о разведшколе Абвера, методах ее работы и обучения контингента, о курсантах, которые ее закончили или еще учатся. Когда без запинки изложил сведения о 23 инструкторах и сотрудниках школы — от цвета глаз до характерных особенностей речи и мелких привычек, — один из чекистов даже присвистнул:

— Ну и память у парня!..

По указанным месту выброски и приметам Казачука быстро арестовали.

Василий Онищенко:

Под Шауляем враг нас потеснил, и минометчики оставили в тылу у врага материальную часть. Командир роты приказал отделению под моим командованием отбить ее. Я с восемью солдатами пошел на врага. Завязалась ожесточенная перестрелка. Мы пустили в ход гранаты, которые и решили исход операции в нашу пользу. Материальная часть возвращена в роту.

Александр Малов:

16 сентября. Молчаливый солдат охраны принес котелок каши, краюху хлеба и чай в алюминиевой кружке. Есть не хотелось, и когда зашел офицер-оперативник, завтрак стоял на столе нетронутым.

— Со вчерашним вопросником управились? — поздоровавшись, спросил офицер.

— Готово, — я протянул стопку исписанных листов бумаги с ответами на вопросы, полученные накануне вечером.

— Хорошо, — бегло проглядев бумаги, сказал офицер. — Теперь поработайте с этим вопросником. И постарайтесь поточнее вспомнить все о радиослужбе школы. Позавтракайте, и за дело.

— Кусок в горло не лезет.

— Что так?

— Кажется, мне не верят. Ведь как я рвался из плена, в концлагерях, у абверовцев мечтал только об одном — выбраться бы к нашим. Сам пришел к вам, рассказал все, как было. Почему же мне не верят?

Оперативник сел напротив, снял фуражку.

— Обиделся, значит, сержант? — спросил он, глядя на меня в упор. — Доверия требуешь? А на каком основании? Давай посмот-

рим на факты трезво. В плену был и из лагеря вышел живым. К нам ты явился не из парка культуры, из разведшколы Абвера, а там работают не профаны. Такие вот факты, Малов.

— Вы все про факты, товарищ оперуполномоченный. На высоте под Альбери мне о них думать было некогда. В окопе я находился один. Некому подтвердить, как меня ранило, как попал в плен. И что у гитлеровцев есть моя подписка — тоже, как вы говорите, факт. Но расписка — всего лишь уловка, без нее бы фашистов не провести, а присяге я не изменял никогда, и это — самый главный факт. Чем доказать — не знаю, но прошу поверить мне и отправить на передовую, чтобы кровью...

Офицер покачал головой:

— Все это — слова, Малов. В разведке же эмоции противопоказаны. Пока вас ни в чем не обвиняют и хотят докопаться до истины. Где гарантии, что вы не засланы Абвером для дезинформации или для организации агентурной игры против нас? Вы проситесь на фронт, это похвально и понятно, однако провалившемуся агенту тоже желательно попасть на передовую, чтобы улизнуть на ту сторону.

— Так что же мне делать?

— Набраться терпения и стараться помочь нам в проверке всех ваших обстоятельств, — ответил офицер и подвинул котелок. — Ешьте, пока не остыло окончательно, и принимайтесь за дело. У нас с вами много работы.

С. Александров:

Двадцать семь самолетов «Пе-2» во главе с ведущим гвардии майором П. С. Сминским вылетели на бомбардировку скопления танков и живой силы противника в населенном пункте Кретинген и западнее Карцяны в Прибалтике. Разбившись на три группы, они обрушили на цель бомбовый груз с высоты 3000 метров. В это время штурмовики капитана В. А. Рычкова подавляли огонь зенитной артиллерии, которая была по нашим пикировщикам. Эскадрилья Рычкова самая активная в дивизии. Только за один день боевой работы под Шауляем она уничтожила и вывела из строя 17 танков.

Николай Федоров:

Белорусская земля истерзана фашистскими палачами. Она как пустыня. Нет ни людей, ни хат, ни деревень. Пепел да обожженные трубы остались. А в воздухе пахнет гарью. Молчаливые ели да грустные березы провожали нас дальше в путь.

Мы вернемся к тебе, Родина, с победой. К тебе, родная земля, из чужого края придут твои солдаты, твои сыновья. Мы не забыли тебя. Нет ничего священнее и дороже, чем родная страна, чем наше отечество. Низкий поклон тебе, родная земля, за то, что ты нас вскормила, дала богатырскую силу, научила нас любить тебя и защищать от врагов. Спасибо, родная, мы и сейчас в долгу перед тобой.

Александр Малов:

Говорил неторопливо, обстоятельно, стараясь не упустить ни одной детали. Это был третий допрос. Я понимал, что майор-контрразведчик хотя внимательно и заинтересованно слушает, полностью мне не доверяет. А я уже третий раз повторяю то, о чем говорил на двух предыдущих допросах. Несколько запросов, направленных контрразведкой по различным каналам, подтвердили, что я говорил правду. Поэтому майор предлагал командованию использовать меня как зафронтового разведчика «Смерш».

Игорь Слепцов:

В период боевых действий с 17 по 20 сентября южнее м. Беско, дер. Паствиска, Вудавка-Рымановска и Тарнавка, на Первом Украинском фронте механик-водитель танка Т-34 31-го танкового корпуса старший сержант Трембач, действуя в составе штурмовой группы танков в горно-лесистой местности, в узком дефиле, рискуя жизнью, на больших скоростях прорвался через два моста через реку Вислок. Прорвав сильно укрепленную и глубоко эшелонированную оборону немцев, он обеспечил продвижение наших частей, несмотря на сильный массированный огонь противника, во фланг и тыл вражеской группировки, оборонявшейся в районе польского городка Дукля. Это был ключ к перевалу. Танк, за рычагами которого сидел старший сержант К. Трембач в деревне Тарнавка, обойдя справа противотанковую пушку противника, мешавшую продвижению, раздавил её гусеницами. Экипаж уничтожил минометную батарею, три пулеметных расчета. На следующий день Константин Григорьевич был второй раз ранен. Еще через день командир танковой бригады гвардии полковник Михайлов подписал наградной лист.

Александр Малов:

20 сентября. На совещании руководящего состава отдела «Смерш» о «деле Малова» докладывал старший группы, осуществ-

лявшей проверку. Сжато и лаконично он излагал результаты. Все сообщенное мной о разведшколе полностью подтверждается показаниями арестованных в разное время выпускников этой школы, а также сведениями, имеющимися у контрразведки, полученными из других источников. При специальном анализе объяснений, как письменных, так и устных, элементов дезинформации или несоответствия не обнаружено. Проверка по чекистским каналам через другие компетентные органы, оперативные мероприятия и документальная проработка сомнений в правдивости и преданности Родине не вызывают.

Все чекисты, работавшие со мной в период проверки, характеризовали меня положительно. Вывод: «Целесообразно изучить вопрос о внедрении Малова после соответствующей подготовки в разведшколу Абвера с целью контроля действий этого подразделения фашистской военной разведки».

— Он же совсем еще мальчишка, девятнадцать лет, — высказал сомнение один офицер. — Куда ему тягаться с абверовцами?

— Этот «мальчишка» сам себя зачислил в разведчики и работал так, что у абверовцев не зародилось ни тени сомнений, — ответил руководитель отдела.

Феня Атопина:

Муж написал с фронта: «Не убивайся так, что погиб Анатолий. Горе велико, но его нужно пережить».

Сын погиб в январе, а мужа Ильи Андреевича не стало в сентябре.

Александр Малов:

Не ожидал, что через час после окончания допроса меня вновь приведут в кабинет майора.

— Хочешь послужить Родине? — спросил майор. — Верим мы тебе. Поэтому и предлагаю воевать, но на другом фронте, в тылу врага. Нас интересует «Абвер-команда-101».

Николай Харчуков:

В Карпатах блокировав дорогу, мы преградили путь немецким машинам и бронетранспортерам. Стояла глубокая ночь. Мелкий дождь и противный, будто молоко, туман, отрезали нас от внешнего мира. Несколько бессонных ночей сделали свое дело. Солдаты спали, как убитые. Немцы подобрались к пулеметчикам. Но дозорные

заметили врага. Бойцы проснулись от выстрелов и вступили в бой. Наступил рассвет, и сражение возобновилось с еще большим ожесточением.

Александр Малов:

Так родилась новая легенда. Я получил новый псевдоним. Стал Барсовым. Два дня изучал новую «биографию». После неудачного приземления повредил раненую ногу, почувствовал сильную боль. Однако сумел закопать парашют. (Именно повреждение раненой ноги должно стать для меня объяснением длительного пребывания в тылу русских). Затем вел наблюдение за дорогой. Пробыв на передовой полтора суток, с наступлением темноты пробрался до переднего края, а в час ночи на стыке батальонов перешел на сторону немцев. Для доказательства немцам о «честной» работе меня снабдили приближенными к истине данными по характеру моего задания, которые были согласованы с оперативными отделами фронта, армии и дивизии. По маршруту движения и населенным пунктам, в которых я якобы побывал, контрразведчики провезли меня на машине.

Теперь относительно задания. Как только смогу убедиться, что после проверки немецкая разведка поверила мне, должен приступить к выполнению задания: выявлять и запоминать фамилии, имена, должности, внешние приметы руководящего состава школы, агентуры, личные связи сотрудников школы, устанавливать конспиративные квартиры Абвера, где проживают агенты перед заброской в тыл Красной Армии, вербовщиков, подбирать лиц, которые могут быть использованы нашей контрразведкой. Каждому перевербованному агенту я должен сообщить пароль, чтобы тот после перехода на нашу сторону мог прибыть в контрразведку «Смерш». Я получил пароль «Победа-150». А перевербованные агенты и агенты-связники, которые будут переходить на нашу сторону от меня, должны иметь соответствующие пароли «Победа-151», «Победа-152», «Победа-153», «Победа-154» и «Победа-155». На случай явки от нас агента-связника последний должен произнести пароль: «Саша, Борис успеха пожелал». Отзыв: «Успеха в победе я добьюсь».

Ефим Блинков:

Осень. Освобождаем Шауляй. Задача артполка простая: ликвидировать засады противника. С задачей мы справились. Я лично уничтожил группу немцев и подбил танк. Из другой засады вырвался второй танк. Я попытался уничтожить и его, но враг опередил. Я ранен.

В. Весновский:

В сентябре я тяжело ранен. Спас меня хирург Григорий Захарович Омелеченко. Я обязан ему жизнью. Три сложнейших операции сделал он мне.

Павел Половенко:

В сентябре наш гвардейский конно-механизированный корпус вышел к Августовскому каналу. Обстановка сложная: группа оторвалась от основных частей, на исходе боеприпасы. Враг использовал этот момент и окружил нас. Перед группой встала задача разведать вражеские позиции на западном берегу канала — в полосе планировавшегося прорыва. За этим каналом тщательно следил враг. Разведку поручили моей батарее. В распоряжении разведчиков одна единственная ночь. В 8 часов нужно доложить командованию.

Мы подготовили макеты ложных батарей, создали ударные группы захвата, наметили пути и место действия своей батареи. И вот с первой вечерней звездой ударила наша батарея по вероятной огневой точке противника, тем самым вызвав огонь на себя. С противоположного берега в ответ ударило несколько орудий. В считанные минуты батарея сменила боевую позицию. На старом месте остались одни макеты. Именно на этом участке враг сосредоточил массированный артиллерийский удар. А моя батарея, часто меняя позиции, накрывала одну за другой огневые точки противника на протяжении 20 километров по фронту. Утром мы доложили командованию о месте нахождения 61 точки противника. Через несколько дней после проведенной артиллеристами операции раздался гром артподготовки. Успешно форсировав канал, наши войска взяли город Августов.

Михаил Григорьев:

Неласковый дождливый день. Бой в разгаре, а у меня кончились патроны. С немецким офицером пришлось схватиться врукопашную. Ненависть к врагу так сильна, что и после поединка я долго не мог оторвать рук от фашиста. Пробегавший мимо связной помог мне разнять побелевшие пальцы. Моя рота первой вступила в Шауляй.

Василий Мякишев:

Настал радостный и долгожданный день — фашистов из деревни выгнали. Люди вздохнули, принялись налаживать колхозное хозяй-

ство. Я тоже работал на поле. Потом пошел в военкомат. Попал на курсы младших командиров артиллерии. После их окончания направлен на передовую наводчиком орудия в батарею гвардейского пехотного полка. С боями шли вперед вместе с пехотой, освобождая от фашистской неволи прибалтийские города и села.

Тимофей Суконный:

В бою мне удалось подорвать три гитлеровских танка, три хваленых «тигра». За это получил от командования награду и благодарность. А когда в Карпатах на наше подразделение пустили всю королевскую школу офицеров венгерской армии, я подготовил «сюрприз» на особый случай — специальные минные заграждения, которые взрывались по сигналу. Получив мой «сюрприз», почти вся королевская школа офицеров домой уже не вернулась.

Иван Литовченко:

Под огнем пулемета ползу по болоту. Под руками сочится бурая жижа, маскхалат вымок. Не во что упереть ногу, но надо ползти и ползти. Противник пристрелял каждую кочку. И солдаты не выдерживают смертоносного огня. Один за другим поворачивают назад. Рота откатывается к исходному рубежу.

Выкручиваю портянки, выливаю из сапог воду.

— Здорово нам фриц всыпал, — сказал маленький солдатик, лицо которого усеяно веснушками. Говорил это и улыбался.

— Чего зубы скалишь! Тебе же всыпали, а ты радуешься.

А солдатик, новобранец, недавно пришел в мой взвод, все улыбался. Видно, уверен был: не может немец нас одолеть, мы с ним еще расквитаемся.

Николай Спикин:

На первом Украинском фронте я воевал в отдельном сапёрном батальоне третьей танковой бригады. Из моих сверстников домой вернулись лишь трое. Из ста. Как удалось выжить? Секрет прост. Меня заставили жить. Навсегда запомнил выволочки, которые получал от своего командира отделения старшего сержанта Корчуганова В. В. Сам дважды раненный, наученный горьким опытом, он был беспощадным учителем для «желторотиков», как нас называли в ба-

тальоне. Разбуди меня ночью, не задумываясь, назову своих ангелов-хранителей: командира взвода — младшего лейтенанта Воробьева, командира роты — лейтенанта Гонтаря, комбата — капитана Санникова. Это они, понимая, что после войны должна страна подниматься из пепла и руин, молодеть, звенеть детскими голосами, сберегали для будущего тех, кто не оставил ещё после себя наследников.

Вера Ковачева:

Когда советские войска вышли на границу, наш полк получил приказ закрыть границу. Это значит, что мы заступили на охрану границы СССР.

М. Мамонов:

Война требовала пополнения людских и материальных ресурсов. Сформированный эшелон молодежи для отправки на фронт был готов. Оставалось только подать команду. Но тут к поезду прибыл уполномоченный военкомата. Он зачитал список призывников и сообщил, что они направляются на трудовой фронт. А парни так рвались в бой...

— Стране нужен уголь, а Донбасс в руинах. Восстановление шахт приблизит час победы, — убеждал офицер молодежь.

Так Виктор Григорьевич Липатников и Шигай Набиевич Темирбулатов стали строителями.

Петр Дикий:

В Прибалтике после взятия Шауляя наступило некоторое затишье. Наши товарищи отдыхали, приводили себя в порядок. У минометов мы с В. Чередниченко остались вдвоем. Неподалеку стоял особняк. Мы решили осмотреть его. Поднялись на чердак и по-новому увидели уже знакомую местность. Особенно меня поразили снопы ржи. Ими покрыто всё поле.

— Ты что-нибудь замечаешь? — спросил я у Чередниченко.

— Нет.

— Смотри внимательно на снопы.

— Они живые!

Фашисты хитрили. Обвязавшись снопами, они приближались к нашим позициям. Я открыл беглый минометный огонь. Потом пехотинцы говорили мне, что нам удалось уничтожить 72 фашиста.

Александр Малов:

2 октября. Предмесье Сандомира (Польша).

— На сегодня хватит, товарищ Малов, пора отдыхать, — сказал офицер-шифровальщик, складывая в чемоданчик таблицы и бланки.

— Отдыхать? — я потер усталые глаза. — Идите, а я, пожалуй, еще поработаю с запасным шифром, чтоб лучше в голове закрепился. И опять уткнулся в блокнот.

Заканчивалась вторая неделя напряженной учебы. Чекисты готовили меня к серьезной схватке с фашистскими разведчиками, стремились вооружить знаниями и навыками, а времени в обрез: контрольный срок возвращения с маршрута, установленный абверовцами, приближался, задержка нежелательна — могут возникнуть подозрения. Учебу построили в расчете на мою отличную память: с собой не возьму никаких записей, шифр-блокнотов или карт. Все — только в голове, а в руках — ничего, что хоть в малейшей мере могло бы скомпрометировать. Отрабатывали каналы связи, явки, пароли и условные сигналы для связников, даты, порядок и контрольные знаки бесконтактных встреч, основной и запасной шифры. Учитывая, что советские войска движутся на запад и обстановка будет стремительно меняться, по карте намечали точки закладки тайников, где я перед отступлением мог бы оставлять шифрованные сообщения и интересные разведку документы. Это важно, поскольку связник не везде пройдет да и может погибнуть в пути, а информация о враге должна достичь цели. Продумывали линию поведения после возвращения в разведшколу. Пришедшего с советской территории агента гитлеровцы, конечно же, станут проверять, и нужно предусмотреть все, чтобы не попасться на их уловки. Над моей легендой работали опытные чекисты. Предстояло учесть множество деталей, чтобы она до мелочей соответствовала заданию гитлеровцев и легенде, с которой они отправляли агента в тыл Красной Армии. Сюда искусно закладывалась дезинформация, которая должна запутать фашистских разведчиков. Я трудился с максимальной отдачей. Дни до предела наполнены теоретическими и практическими занятиями, ознакомлением с участками маршрута, интересовавшего Абвер. Из коротких часов, отведенных на отдых, выкраивал время, чтобы поработать дополнительно. Тщательно готовился к бою без выстрелов.

Василий Чернявский:

Брали Каменец-Подольский. Немец предпринял попытку отбить вокзал. Командир танка ранен. Остальные ребята молодые, неопытные. Мне, механику-водителю, пришлось остаться за командира. Мы разбили минометную батарею немцев. Они из-за разрушенной фермы палили по нашим...

Михайло Сапатык:

Осіннього вечора наша група у складі 9 розвідників — майбутнє ядро партизанського загону — сіла у Львові у військовий «Дуглас», а вже через кілька годин десантувалася на партизанський аеродром в районі словацького міста Банська-Бистриця.

Мария Козьмина:

Еще далеко до линии фронта вспышки видны, мигалки какие-то. А ближе к линии фронта все обостряется, все в напряжении. Один член экипажа ближе к окошечку. У него такая обязанность — стрелок-радист. Те за штурвалом, а он здесь.

Когда мы в Чехословакию летели, поймали нас прожекторами, но на короткое время, не ослепили летчика. Линии от трассирующих пуль, кажется, прямо в меня идут. Я смотрю на них не отрываясь. Так парализует сознание. Кажется, что сейчас они пронзят глаза и сердце. Это очень страшно, когда на тебя огонь снизу. Вспышки, вспышки, вспышки... Выстрелов не слышно, гудит самолет. Стрелок-радист сказал мне, что если появятся самолеты, вот здесь нажмешь. Пулемет. Станковый. Я увидела, закричала:

— Самолеты!

В окошечко увидела на фоне белых облаков.

— Где, что?

А нет уже никакого самолета, только облака. Мы ждем, сейчас же будет атака. А потом подождали немного, нет атаки. Он успокоился и говорит мне:

— Это наш самолет возвращается обратно. Он уже отвез.

Г. Леонов:

8 октября при поддержке более сотни танков враг обрушил удар на нашу дивизию. За день он предпринял 23 атаки. Мы отступили на вторую линию траншей. Были моменты, когда становилось трудно

управлять ротой, невозможно разобрать, где противник, а где наши солдаты. Только по разрывам гранат и крикам «ура» можно было хоть немного ориентироваться в кипевшем бою. Лязг гусениц, разрывы снарядов, автоматные и пулеметные очереди, разрывы гранат оглушали. Сержант Чернов из соседней роты нашего батальона в рукопашном бою у командного пункта батальона, действуя автоматом и саперной лопатой, уничтожил 8 фашистов. Отбив последнюю вражескую атаку, мы двинулись вперед и к вечеру заняли оставленные позиции. И хотя атаки врага повторялись 9 и 10 октября, они уже не были такими упорными, и мы их успешно отражали. Мы отстояли Наревский плацдарм. Враг потерял здесь более 400 танков и свыше 20 тысяч человек убитыми. Мы вынудили гитлеровское командование окончательно отказаться от своего замысла сбросить нас в реку.

Мария Козьмина:

Приземлились мы на аэродроме «Три дуба» ночью. За какой-то час долетели из Львова. «Три дуба» — аэродром: бетонированное поле, два домика. Самолет высокий, ребята помогли мне спрыгнуть. Я отошла в сторонку по важному делу. А тут еще самолет стоит. Присела, а ребята кричат:

— Где ты там?

— Иду.

Кто-то что-то мне говорит на иностранном языке. Хлопает меня и ведет к своим ребятам. Оказывается, это английский самолет приземлился. Они, услышав голос женщины, заинтересовались. Пошли в казарму, легли спать. Утром хочу встать, тянет ногу. Надевать сапог — ого, не могу. Глянула — красная нога. Думаю, наверное, плохо спрыгнула с самолета. Моих ребят нет. Мне надо в туалет. Выхожу в коридор. У открытого окна стоит группка ребят. Вижу, что не наши. Я иду, думаю, на двери будет написано что-то вроде двух нулей. Раз прошла, ничего не нашла, второй раз иду. А ребята смеются. Ну, разговаривают между собой. Молодые, им все весело, а я думаю, что это они с меня смеются, мне еще хуже. Стыдно становится, подстегивает. Думаю, вот какие свинтусы, все меня бросили, никого нету и никто не знает еще, что у меня нога болит. Вдруг один парень обратился ко мне. Я ничего не понимаю. Берет меня за руку и ведет по коридору. Он догадался. Показал, постой здесь. Подчиняюсь. Зашел в комнату, слышу, раздался гогот, и вылетают оттуда мужчины. Он их всех выгнал. Сам встал у двери. Подождал, пока я была там. Вот так он меня спас. Доложила командиру, что не могу надеть сапог. Там есть комнатка медицинская. Там много желающих попасть на

прием. Дождалась. Посмотрел словак, наверное, тоже решил, что у меня вывих, наложил шины, забинтовал. А болит у меня в подъеме. Я уже идти не могу. Машину подогнали, мы отсюда скорее уезжаем. По красивой местности едем в какой-то горный район к месту нашей дислокации. У нас задание. Со мной в кабину сел комиссар. Он толстый был. Расселся, сопит... а у меня же ножечка болит... Остановились мы возле двухэтажного домика. Поняли, что это госпиталь. Меня ребята снесли. Я уже не хожу. Посадили у входа. Подходит ко мне монашка. Пытается забрать радиостанцию. Она меня не понимает, я ее. Она хочет забрать, такой же закон, что в операционную ничего нельзя вносить, я — ни в какую. Она с командиром что-то говорит, с врачом. Пустили меня с рацией. Я под голову положила. Стали смотреть ногу. Что говорят, не знаю, только поняла слово «ружа». Я поняла. В Украине ружа — это рожа. А с детства знаю от мамы, что это такое серьезное заболевание, которое бабки лечат. В это время раздается автоматная очередь. Короткая. Оказывается, парень из нашей группы капитан Анатолий во дворе положил свой автомат на доски, которые лежали штабелем. Автомат упал и выстрелил. В это время, когда я там лежала, заносят в операционную Анатолия окровавленного без сознания, бледного. Не помню, как я соскочила со стола, не знаю, что делать. Потом кто-то меня отвел в комнату, где лежали раненые. Они как увидели меня, каждый хотел оказать какой-то знак внимания. Тот котелок с кашей дает, тот сухарик протягивает:

— Оставайся у нас.

— Мы тебе койку...

Они думали, что я ранена, и что я тут останусь.

Потом очутилась за воротами. Сажу у ворот на улице. Суматоха, наши все переживают в связи с ранением Анатолия. Подходит ко мне монашка, что-то говорит. А я на нее уже зло имею. Думаю, что она опять хочет у меня забрать рацию. А она лезет ко мне за пазуху и достает термометр. Я его, оказывается, унесла подмышкой.

Иван Литовченко:

В пасмурном сером небе тянет дымный шлейф белая ракета — сигнал к атаке. Бойцы поднимаются. И вновь под ногами болото, но теперь они не ползут. Они бегут во весь рост. И нет уже плотного огня. Враг отстреливается беспорядочно. Враг уходит, враг бежит.

В этом бою я взял в плен 30 немцев, захватил и радиостанцию. Командование представило к награде орденом Славы. Это произошло в сражении за город Станислав (Ивано-Франковск).

Мария Козьмина:

Мы прилетели в Чехословакию для развертывания партизанского движения. И мы его развернули. Нас прилетело девять, а отряд организовали, в котором стало около сотни. Словаки, русские, евреи. Они находились где-то в гетто. Подпольщики так сработали, что они оттуда бежали. Куда им деваться? Вот они и пришли в партизанский отряд. Командиры были категорически против этого. Их же надо кормить. Укрыть. Большая группа. Мы не смогли бы выполнить свое задание. Старились от них избавиться. Каплей, переполнившей чашу в решении их судьбы, стал инцидент во время одного перехода. Этим новичкам доверили нести медицинские сумки. При первой же опасности (нас обстреляли), они сумки бросили. Больших трудов стоило найти эти сумки. Без них — нельзя. Для партизан лекарства, другие медикаменты и перевязочный материал — большая ценность. Вот тогда и решили. Уверенности в том, что они не подведут в ответственный момент, нет. Отряд все время на острие событий, нельзя рисковать заданием. Освобожденные из концлагеря должны отстать от отряда и рассосаться постепенно в населенных пунктах, обеспечивать себя самостоятельно. Возможно, жестоко, но взрослые люди должны обходиться без нянек. А нам нужно работать. Тем более, что для нас важна мобильность. А вообще были у нас и итальянцы, и французы. Один итальянец, узнав, что я Люся, Люсия, решил научить меня петь «Санта-Лючия». Я его учила украинским песням. Итальянские песни тоже очень красивы. Я когда слышу «Санта-Лючия», думаю о том итальянце.

Владимир Таран:

Наш саперный полк стоял в обороне в 20 километрах от г. Коломыя. Надо узнать, какая сила у немцев впереди нашего полка. Значит, необходим «язык». Мы его добыли. «Язык» оказался осведомленным и разговорчивым. Его информация помогла в освобождении края.

Мария Козьмина:

Нас так ждали в Чехословакии! Нам верили. Нам все давали. Зимой яблочки приносили в лес, помогали. Мы держали себя на высоте. Если надо хлеба, староста распорядится, из каждого дома вынесут по буханке. Никто нас не выдавал. Мы могли неделю жить в словацком селе. Все время в лесу зимой, холодно. Даже вечером на

танцы ходили в обходный дом. Так называли дом общественных служб. Там и магазин, и почта, и место общего сбора. Меня даже приглашали танцевать. Заставы были у нас. Деревня в горах, дорога одна. Если даже кто придет из леса, и то не проберется.

Михайло Сапатюк:

Вирушили на виконання завдання. А воно було таким — визначити чисельність і озброєння розташованого в районі села Скиців гарнізону гітлерівців. Ще задовго до світанку ми подолали нелегкий шлях до наміченого населеного пункту. Поблизу села розділилися на дві групи. Одна з них, яку очолював я, дев'ятнадцятирічний юнак з Умані, мала зайти в село з півдня, друга — з півночі. У випадку, якби гітлерівці помітили одну групу, друга мала відкрити стрільбу і тим самим ввести в оману фашистську охорону. Завдання операції — добути «языка». Непомітно наблизилися до крайнього будинку. В ньому горіло світло. Два розвідники залишилися на дворі. А я обережно відкрив двері і увійшов в хату. В хаті було двоє гітлерівців. Побачивши мене, вони схопилися за зброю. Але пролунали постріли. Один з фашистів лежав мертвим, а другий пішов з нами. У ту ж ніч партизанська радистка Марія Козьміна вже передавала важливі дані про дислокацію і озброєння гітлерівських частин в районі Банської Бистриці.

Александр Малов:

Вечером 9 октября в сопровождении контрразведчиков и разведчиков стрелковой дивизии прибыл на передовую. Вместе с младшим лейтенантом Голубевым двое суток из воронки наблюдали за передовой. Место перехода обороны избрали ближе к пулеметной точке, так как при стрельбе не слышно шума от передвижения.

— Легенду о выполнении задания вам отработали добротную, не волнуйтесь, действуйте уверенно, — напутствовал чекист. — Вы назовете Абверу действительные места расположения наших войск и вполне достоверные сведения, которые подтвердятся и по другим каналам их разведки. Вам поверят. А через сутки наши части передислоцируются, и гитлеровцы останутся ни с чем.

Михайло Сапатюк:

Марія Михайлівна Козьміна серед групи десанників, яка висадилася в Словаччині, була досвідченою партизанкою, незважаючи на

свої двадцять років. Після закінчення курсів радисток вже третій раз у тилу ворога. Перед тим виконувала спеціальне завдання в районі Прип'яті і Дніпра, вдруге — у з'єднанні Ковпака. І тут така несподіванка. При передислокації в інший район дій вона з групою партизан-словаків натрапили на ворожу заставу, яка обстріляла їх з кулеметів. Відходячи у глиб лісу, вона відстала від основної групи. Пробираючись через лісову хащу, через гірські річки з рацією на плечах, вона не могла заспокоїтись — загін залишився без зв'язку. Всю ніч блукала, шукаючи своїх, переховувалася від фашистських вояк, які переслідували партизанів. Лише під ранок відірвалася від них. І тут раптом почула кроки. «Кінець», — подумала, затаївшись в лісі. Але вже невдовзі побачила знайомі обличчя. Це була група партизан, яку вислав командир загону на пошуки радистки.

Василий Чернявский:

Наш танковый экипаж получил приказ идти к деревушке, расположенной на правом берегу реки Стрыпа. Через реку (шириной 15–20 м) был небольшой деревянный мост и брод. Рядом с деревней — лес. Немцы готовились отсюда перейти в наступление. Наш танк стоял за кладбищенской часовней, на возвышенности. Ночь прошла сравнительно спокойно, только с другого берега слышны крики, видно, немцы хозяйничали вовсю. Утром из лесу показались 5 немецких танков. Через некоторое время запылали «Валентины», так мы называли английские танки. Нас не видно из-за бугорка и часовни. В бою все зависело только от механика, как быстро после выстрела спрячется в укрытие наш танк. Зарядили пушку бронебойно-зажигательным и первым же снарядом подбили и подожгли немецкий танк. И тут немцы начали палить из своих танков, совершенно разрушили часовню, но нас спасал бугорок. Подбитый танк враги уволокли в лес, и больше из лесу они не выходили.

По рации мы получили приказ прибыть в полк, так как нас передавали 72 отдельному полку, который оборонял г. Коломыю.

Мария Козьмина:

В Татрах передвигаться трудно, особенно ночью.

В ту ночь лил дождь. Стояла непроглядная темень. Если бы кто осветил горы, увидел бы цепочку — сотню энергичных людей и среди них девичью фигуру. Это я, русская радистка. Все старались опекать меня, но я делала вид, что горы мне эти нипочем. Гражданская, как и у всех одежда, через плечо рация, независимый вид. Но это

когда меня видели товарищи. А в такие глухие ночи, случалось, плакала. Все равно ведь никто не видит. Да и дождь льет.

В горах шутки плохи. Того и гляди в пропасть свалишься. На каждом шагу обрывы, ямы, острые выступы скал. Только подумала, как впереди загремело, попятились люди назад.

— Камнепад, — неслось по цепочке. Отступила на шаг и не успела опомниться, как оказалась где-то внизу. Ощупала рацию, вроде целая. А на сердце беспокойно; скоро сеанс связи. Друзья помогли выбраться на тропинку. Перед началом сеанса оказалось, что вышли из строя батареи. Исколола пальцы проводочками разбитых аккумуляторов. Холодно... Руки не слушаются. С отчаянием смотрю на часы. Меня уже вызывают, уже ждут моего голоса на Большой земле. Наконец ожила рация. «Белочка» запищала тонкоголосым зуммером. Сеанс, как всегда, короткий. В ответ получила долгожданное разрешение: отряду можно переходить линию фронта, соединяться с частями Красной Армии. И самую высокую награду — две обычные восьмерки, посланные в нарушение Устава с далекой Родины. На языке радистов эти восьмерки означали: «Благодарю за хорошую связь, целую».

Александр Малов:

Примерно в половине первого ночи 11 октября в сопровождении командира разведроты Ревенчука преодолел боевое охранение и минное поле. Выползли за окоп боевого охранения, тихо спустились в воронку на нейтральной полосе. Накрывшись с головой плащ-палаткой, сверились с картой, осторожно подсвечивая фонариком.

— Дальше пойдете один, — прошептал офицер-чекист. — Туман поможет. Ни пуха...

Обменялись крепким рукопожатием. Я пополз в темноту. Полз осторожно. Чуть в стороне «работал» пулемет. Изредка в черное небо взмывали осветительные ракеты. Обмундирование намокло.

Вскоре различил немецкую траншею, и когда до нее оставалось несколько метров, сказал:

— Дойче камарад, нихт шиссен, их дойч — агент, Краков!

Меня подхватили под руки два немецких солдата.

Вначале доставили в штаб батальона, затем в штаб немецкой дивизии, а оттуда поездом выехал в Краков. На вокзале встречали обер-ефрейтор Рудик и «Саша» Гельштром. Они доставили вернувшегося агента на квартиру обер-ефрейтора. Вскоре туда пришел начальник школы. Во всех подробностях изложил легенду, которую сочинили для меня контрразведчики.

Анна Нетудыхатка:

Нас переправили в Бухенвальд. Жуткое «путешествие». Двое суток гнали пешком. Люди падали, обессилев, их пристреливали. Потом узниц погрузили в вагоны. В каждом — по сто человек. Стояли впритык друг к другу, сидели по очереди — сначала одна половина вагона, затем — другая. Иногда люди стоя и умирали.

И захочет человек забыть все это, но не в силах. Память вновь и вновь черным вороном кружит над прошлым. Разве можно забыть глаза тех нескольких тысяч цыган, что сожжены за одну ночь?

Евгений Колесников:

Восемь месяцев провел в госпиталях. Врачи решили: пусть едет долечиваться домой, а через 6 месяцев приезжает на медкомиссию.

Мария Козьмина:

В самые сложные ситуации попадал партизанский отряд «Авангард». Но «голоса» он не лишался, рация из строя не выходила. Бывали, правда, критические моменты, но в назначенное время я отстукивала «Слушайте меня, слушайте меня», и Большая земля знала — это радистка Люся. Однажды на моей волне прозвучала радиogramма открытым текстом: «Здесь — бой». Шифровать некогда. Фашисты наседали со всех сторон. Гитлеровцам нужно отступать, отводить свои силы, технику, а дорогу перекрыл партизанский отряд. Мы расположились в красивом горном селе Скицев. Как раз на стратегической дороге. Ребята устроили на ней завалы. Буки в два обхвата со стоном валились на землю, преграждая путь фашистам.

Я всегда жалела, что мне не разрешают принимать участие в боях. Но ребята правы. Они считали, что радистка — самый ценный человек в отряде. Она — мостик через линию фронта. И меня берегли... Из села Скицев мы уходили неохотно. Здесь жили прекрасные люди, жалко оставлять их врагу. Через несколько дней снова пришли сюда и ужаснулись: на месте красивого села осталось пепелище.

Александр Малов:

После возвращения из-за линии фронта «легенда» сработала успешно, я пользовался у гитлеровцев полным доверием. Удалось выполнить первую часть чекистского задания — внедриться и закрепиться в составе сотрудников разведшколы. Удачно складывалась

работа по сбору разведанных, изучению курсантов и выявлению среди них честных советских людей, разъяснению им, что при заброске в тыл Красной Армии надо добровольно являться в органы контрразведки. Из шифровок Центра знал, что уже несколько таких людей пришли в «Смерш» и привели своих напарников.

Мария Колоскова:

Охраняла склад с горючим. Солдат не хватало, иногда нас ставили. Стою ночью, слышу шорох в траве. Я, как положено, говорю: «Стой! Кто идет?» Ответа нет, и опять шорох. Крикнула я так еще раз. Никто не ответил. Я присмотрелась, а в той стороне, откуда шорох раздавался, из травы дуло автомата торчит. Ну, я прицепилась и выстрелила. Шорох прекратился. Значит, попала. А наутро, когда сдала пост, меня вызвали к командиру и вручили медаль.

Петр Минасенко:

Проходили недели, месяцы, годы, а любовь все больше разгоралась. Горючим материалом для нее были наши «треугольнички», а цементом — фотографии. Ольга работала на телеграфе в Москве. А я со своей артбригадой громил врага. Был контужен, тонул в Днепре. Как выжил, не знаю! Видно, судьба да Олины молитвы.

Евгений Субботин:

«С каждым Днем приближается победа над врагом. С каждым днем все ближе логово фашистов, и уже наши снаряды рвутся на вражеской территории. Уже наши юноши и девушки, которые находятся в фашистской неволе, слышат грохот орудий. Они ждут нас, и мы придем. Мы уничтожим раненного зверя в его собственной берлоге. В эти дни я призываю вас еще теснее сплотиться вокруг нашей большевистской партии для полного разгрома оккупантов. 24 октября 1944 г.»

Василий Горяинов:

...Лава. Напротив пласта на санках — врубковка. Машинист Петр Ячевский включает ток. Бар врзается в средину пласта, в прослойку. Слышен треск антрацитной стены. Зубки, как клыки, рвут уголь. Летят блестящие куски, брызжет штыб. Пласт разрезан на две пачки. Бурильщики и запальщики сделали свое дело: пачки опалены.

— Живее товар убирайте! — кричит Петр навалотбойщикам.
— Готовьте лаву для нового вруба.

Бригада навалотбойщиков Скутова дружно заработала кирками и лопатами. Уголь потоком хлынул по решткам конвейера, пошел на-гора шахты № 5/7.

...Петр Ячевский остановился у доски показателей посмотреть на итоги соревнования. Напротив его фамилии — цифра 166. Полторы нормы в смену. Так оно и должно быть. Ведь недаром ему, Ячевскому, присвоено звание «Мастер угля в дни Отечественной войны».

Иван Буков:

25 октября я почему-то оказался адъютантом. Я — первый номер на «максиме» и вдруг — командир берет меня к себе в адъютанты. Я должен позаботиться о своем командире. Кухня далеко отстала. Взял котелок, побежал к кагату картошки подкопать.

— Сынок, этого не надо делать, — говорит бабушка. — Ты иди сюда, не бойся.

Я зашел. Они партизанам готовят картоху с мясом. И меня накормили, и командиру дали. Котелок. Да еще и самогона пляшку. Я пришел, командира покормил. Давай, вперед, и пошли на Рогачев.

Александр Дубенко.

В боях за Прибалтику совершил ряд подвигов, за что ему Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

Дмитрий Башкатов:

Бросая красноватый отблеск на землю, взвилась ракета, за ней — вторая, третья. И сразу же небо вспыхнуло от огня сотен орудий, воздух всколыхнули мощные залпы. Затем наступила тишина. Но это длилось лишь какое-то мгновение. В уши ворвался рев моторов, лязганье гусениц. Я плотнее прижался к прохладной броне «тридцатьчетверки», выставив вперед автомат. Все внимание сосредоточено на извилистых, развороченных артподготовкой траншеях, опоясавших небольшой поселок на окраине Белграда. Я уже различал черные точки, выползавшие из трещин окопов и удалявшиеся к городу. Это, не выдержав удара, отступали гитлеровцы. Глянул по сторонам. Во всю ширь поля двигалась вперед неудержимая лавина советских танков с примостившимися позади башен автоматчиками. Грузные «Илы»

носились над вражескими траншеями, поливая их свинцом. В груди, нарастая, ширясь, поднималась неумная радость, от которой хотелось спрыгнуть с танка и бежать, бежать вперед с криком «ура».

Александр Малов:

27 октября. Чекисты в прифронтовой полосе задержали агентов Абвера, выпускников разведшколы, которые в моем списке проходили под кличками «Павел» и «Петр». На допросе они рассказали сотрудникам «Смерша», что в школу возвратился агент по кличке «Иванов». Где он был, неизвестно, но теперь у начальства в особом почете, получил повышение, оставлен работать в разведшколе.

Дмитрий Башкатов:

Машина качнулась, переезжая окоп, и я увидел поднявшегося во весь рост фашиста в каске, с гранатой в руке. Прошитый автоматной очередью, немец повалился назад, так и не успев бросить гранату. Танк сходу ворвался на узкую улицу Белграда, обсаженную каштанами. На минуту остановился, как бы раздумывая, а затем круто повернул вправо и понесся вдоль похожих один на другой домов. Из окон стреляли. Вместе с другими автоматчиками спрыгнул с машины, перемахнул через дощатый заборчик и оказался в небольшом саду.

Мария Козьмина:

Опускались на Татры легкие снежинки, чуть заметно покачивались ели, многозначительно молчали заснеженные вершины. У костра в партизанском лагере собрались партизаны, только что вернувшиеся из разведки. Подошел и начальник штаба Дмитрий Васильевич. Он сам водил группу в разведку. «Смелый человек. Мог бы в лагере сидеть. Нет, в разведку отправился. Мог бы планы в штабе составлять, а он рвется на дело. Вот и на прошлой неделе эшелон вражеский под откос пустил». Только подумала, а кто-то из ребят:

— Не думай, Люся, его пуля не берет. Он, пока тебя любить будет, — не погибнет.

Покраснела. Откуда знают? А ребята не унимаются:

— Да сколько вы друг о друге тайком вздыхать будете, ведь ты же любишь его. Эх вы, смелые партизаны, признаться друг другу в любви боитесь...

— Да чего там говорить, — несло уже с другой стороны.

— Даешь свадьбу и точка! — одобрительно зашумели партизаны, а мы с Дмитрием, будто провалились сквозь землю.

С Дмитрием Васильевичем Козьминым познакомились в Киеве. Нас включили в одну группу, должны забросить в Чехословакию. Из Киева во Львов ехали машиной. Не поездом. Нельзя засвечиваться, а может, и поезда не ходили, я не знаю. А потом на квартире ближе познакомились, жили по соседству.

Есть хотели. Хлопцы где-то выставили окна на балконе, продали стекла, купили что-то, принесли, и мы поели.

Уже в тылу у немцев многие ребята мне яблоки носили. Из разведки придут, дают мне яблочко. А мы яблочко то в Красном Луче с роду не видели.

А потом уже, когда стало понятно, что мы с Митей вдвоем, так Васька принесет яблоки, сидит и в костер их бросает.

Не было никакого застолья. Не было и шампанского. На партизанской свадьбе были лишь яблоки и груши. Их в больших корзинах каждый день приносили жители словацких сел. Здесь же, у костра, объявили нас с Дмитрием мужем и женой. Налили из общего котла в кружки крепкого чая, говорили добрые слова, желали счастья и, конечно, победы. Ни один тост не обходился без этого красивого и желанного слова «Победа». После каждого тоста пели «Катюшу», «Коптилку». Несколько раз над горами взлетала задумчивая «Землянка»...

Дмитрий Башкатов:

Несколько поодаль возвышался серый пятиэтажный дом. Из его подъезда выскочил офицер в расстегнутом эсэсовском мундире. Заметив меня, гитлеровец юркнул обратно. Я — за ним. Сверху хлопнул выстрел — и в ту же секунду словно жесткий хлыст стегнул меня по правой щеке. Заметив офицера на лестнице, инстинктивно пригнулся. Над головой брызнула штукатурка. Взвизгнуло еще несколько пуль. Вбешенный этим, я рванул спусковой крючок автомата, но офицер успел пересечь лестничную площадку. Перепрыгивая через ступеньки, бросился за ним. На площадке последнего этажа пистолет врага слабо шелкнул, и рука его безнадежно опустилась: кончились патроны. Я замер, держа наготове автомат. Кровь из раненной щеки залила лицо, забрызгала гимнастерку. Несколько мгновений смотрели друг на друга. Еще минуту назад готов был разрядить в противника весь магазин, а теперь, видя беспомощно опущенную руку с разряженным пистолетом, не мог стрелять.

В это мгновение дверь, у которой стоял офицер, приоткрылась, и

из-за нее высунулась кудрявая головка девочки. Эсэсовец схватил ребенка за волосы, дернул к себе и поднял над перилами. Девочка забилась, закричала. Я рванулся вперед.

— Айн шаг, и я бросаю ребенка! — крикнул фашист. В глазах гитлеровца прочел решимость и понял, что он бросит ребенка в лестничный пролет. Выстрелить или хотя бы подняться на одну ступеньку я не решился. И вдруг у меня подкосились ноги. Из рук выскочил автомат и, гремя, покатился по ступенькам. Офицер злорадно усмехнулся, бросил на пол девочку. Она ударилась о косяк двери и, видимо, от ужаса смолкла. Девочка дрожала и всхлипывала.

Василий Жиленков:

В Венгрии доставил я в штаб захваченного нами немецкого ефрейтора. После короткого допроса в штабе полка его отправили дальше. Садясь в машину, он что-то сказал по-немецки и улыбнулся. Я спросил у лейтенанта, что он сказал? Лейтенант ответил: «Он сказал, что для него война кончилась». Я часто вспоминаю этого немца. Немецкому народу война не нужна, как не нужна она и нам.

Иван Петренко:

Венгрия. На окраине населённого пункта заняли оборону. Я командир расчёта пулемёта «максим». Вечер. Проверили ленты (брезентовые). «Максим» работает нормально. Все отдыхают, а я на посту.

Сбоку послышался шорох. Спрашиваю:

— Кто?

— Свои!

Командир роты Филипенко, командир батальона капитан Зайцев. Командир роты объясняет, что рядом в расчете погиб командир, и в расчете осталось два человека, обращаться с «максимом» не могут. Положение критическое. По указанию командира роты я ночью по передовой ползу на огневую позицию соседа, это, как мне показалось около километра. Командир расчета мёртв, его первый номер — тоже мертв. Два оставшихся солдата — в панике. Осматриваю «максим», нажимаю на гашетку — нет выстрела. Спрашиваю:

— Кто знает устройство «максима», кто знает, что такое — разрыв патрона?

Это значит, необходимо извлечь остаток патрона, есть такой инструмент — извлекатель. Извлечение патрона — это затяжная и трудоёмкая работа. Пришлось налить воды в ствол. Не было ее там вообще. Проверили сальники — их тоже не оказалось, набить саль-

ники в «максиме» не каждый сумеет, без определённых знаний и навыков не получится. Мне пришлось за ночь разобрать, смазать, набить сальники и сделать всё необходимое, чтобы работал «максим».

Дмитрий Башкатов:

Гитлеровец стремительно стал спускаться вниз. Он решил, что русский солдат, раненный его первым выстрелом, истек кровью и потерял сознание. Эсэсовец радовался своей находчивости и тому, что благодаря появлению этой девочки он остался жив. Между тем чуть приоткрытым глазом я видел его сапоги. Остановился у моего лица. Вот правый сапог качнулся назад для удара... Офицер так и не успел понять, что потом случилось. Я схватил его за ногу и с силой рванул к себе. Голова фашиста с размаху стукнулась об острый край каменной ступеньки. Я вскочил, схватил свой автомат и с холодным спокойствием нажал на спусковой крючок...

Иван Петренко:

Начинался рассвет. Противник оживился, в небе появились его ракеты. Думаю, что же мне делать? Возвращаться на огневую уже поздно. И оставлять этих двоих беспомощных солдат нельзя. Принимаю решение: здесь и только здесь я должен быть. Это направление фашисты держали на особом прицеле, они здесь уже дважды ходили в контратаку... Я прицелился и нажал на гашетку, послышались крики и стоны. С выкриками «сакромент» фашисты бросились в атаку, но к огневой я их не подпустил. Потом открыли огонь их минометы и пушки. Бой длился уже сутки. Особенно много мадьяр (венгров), они стали поднимать белые полотнища и сдаваться в плен. На огневую позицию приполз командир батальона капитан Зайцев, посмотрел на нашу «работу» и обнял нас каждого в знак благодарности за находчивость и храбрость. Он говорил, что на рассвете слышал нашу работу. Я отправился к себе, а первым номером оставил здесь Чесельницкого Марка Иосифовича. Он недавно был освобожден из концлагеря в Румынии. Он не подвел меня. Вместе со своим расчетом, в который входили Хоменко и Концуров, он отлично сражался.

Евгений Колесников:

Приехал в Красный Луч молодой лейтенант. Все разрушено, разбито, шахты затоплены. Ощущалась острая нехватка специалистов, а у меня за плечами горный техникум. Правда, получить диплом

помешала война. Было огромное желание приносить пользу народу. И я отдался работе.

Дмитрий Башкатов:

Девочка расширенными от страха глазами смотрела на приближающегося к ней русского солдата. Она вздрогнула, подумав, что он тоже может схватить ее, поднять и безжалостно бросить вниз. Но я, как можно осторожно взял ее за тонкую, худую ручку. Девочка вскрикнула. И только тут я увидел на ее руке выше локтя глубокую ссадину. Достал из кармана носовой платок с голубыми васильками. Пока девочка с еще не прошедшим ужасом смотрела на кровавую борозду, оставленную пулей на моей щеке, перевязал платком ссадину на ее руке. Затем, легонько втолкнул девочку в дверь квартиры...

Прасковья Петунова:

В 1944 году нас увезли в Саласпилсский лагерь, а оттуда — в Ригу. В Риге загнали на пароход и везли до Клайпеды. Из Клайпеды поездом доставили в немецкий город Бельзен (мы называли его — Бельчик). Там, в концлагере, и пробыли до освобождения. Женечку забрала бабушка, моя мать, и растила до моего возвращения.

Александр Малов:

Первому я доверил пароль «Победа-151» агенту Кучеренко. Но ему не повезло. Во время выброски с самолета у него не раскрылся парашют, и Кучеренко разбился.

Иван Шевченко получил пароль «Победа-152». Он благополучно приземлился. Как я и советовал, сразу же пришел в контрразведку. Он привел с собой напарника, назвал агентов Абвера, в том числе и заброшенных на нашу сторону, характер задания... В дальнейшем Шевченко использовался для опознания немецкой агентуры.

Н. Победа:

В войну я вступил поздно, в 1944 году, после того, как Советская армия уже освободила нашу область.

Но и на мою долю ее хватило сполна. Шестнадцатилетним пареньком пришел я на призывной пункт и с боями в составе гаубичного артиллерийского полка дошел до Восточной Пруссии.

На стволе нашей гаубицы батарейный художник нарисовал де-

сятки звездочек — свидетельство уничтоженных дотов и дзотов противника. Орудие, которое обслуживали всего семь солдат, нанесло фашистам огромный урон в живой силе и технике.

Семен Белогрудов:

Наша разведгруппа на бронемашине проникала глубоко в тыл противника и доставляла необходимые сведения командованию о расположении вражеских сил, наличии техники. После таких разведок рушились планы гитлеровцев.

Василий Веревкин:

Авиамеханики — народ неприметный. Ничего героического не совершаем. Мы просто работаем. Подлатаешь самолет перед вылетом, возвращается пилот, снова механику есть работа. Иную машину так враг изрешетит, диву даешься, как твой командир жив остался. Авиамеханики — неприметные винтики в большом механизме освободительной войны.

М. Ковтунова:

Наш госпиталь двигался за фронтом. Нужен порожняк, и нас в 30 градусный мороз выгружают в сожженном населенном пункте. Несколько дней держимся у костров, а затем грузимся и движемся к месту назначения, разворачиваем госпитальное хозяйство и принимаем раненых. На глазах смерть уносит, не разбираясь, старых и молодых, наши сердца обливаются кровью и ненавистью к врагу, принесшему на нашу землю смерть, разруху и голод. Были дни, когда ежедневно принимали по 5 тысяч раненых, но никто не жаловался на усталость.

Василий Коленский:

Словно добрый, хороший сон, промчались семь недель на офицерских курсах в живописнейшем Подмоскovie. И вот уже мы, трое молодых младших лейтенантов, — совсем в другом краю — в Прибалтике, где многие части и соединения Прибалтийского фронта плотным полукольцом охватили Клайпедскую группировку фашистов и прижали ее к берегу Балтийского моря. В штабе дивизии получаем назначения; и вскоре я уже знакомлюсь со своим взводом.

Оказывается, при количестве 22 человек по штатному расписа-

нию их у меня на тот день лишь 13. Да и то трое из них — ездовые, доставляющие на повозках к переднему краю мины и другие награжденные средства, и сами в их установке не участвующие. Но приходится мириться и с этим. По возрасту и характеру все мои ребята, конечно, разные, однако сходны в одном: каждый отлично знает свое дело. А это главное. Очень понравился мне сразу же мой помощник — улыбчивый крепыш — украинец, старший сержант Сорока.

Мой начальник капитан Тулупов дает мне отдохнуть с дороги, и на очередное задание взвод ведет Сорока. А мы с капитаном весь вечер проговорили то о предстоящей мне работе, то о всякой всячине, что тоже оказалось не лишним...

На следующий день втягиваюсь в дело и я. И с этих пор жизнь моя — настоящий калейдоскоп самых разнообразных дел. Не проходит еще и недели, а я уже понимаю, почему саперов называли на фронте так справедливо и уважительно: труженики войны. А объясняется это просто, мы действительно не знаем отдыха.

Василий Павлинский:

«На три с лишним года растянулся мой боевой путь. Вместе с красноручными Сергеем Борисенко и Дмитрием Беликом мы защищали Кременчуг, Полтаву, Ростов, освобождали Тагинский, Ворошиловград, Ельню, Смоленск, Оршу и Минск. Сейчас бьем фашистского зверя в его собственном логове. Высокие награды вдохновляют нас на новые ратные дела. Дорогие друзья, бойцы трудового фронта! Мы обращаемся к вам с призывом: работайте упорнее, дружнее! Ваш труд поможет фронтовикам быстрее добить фашистское зверье».

Василии Дианов:

В конце ноября фронт значительно продвинулся на запад. Партизанский отряд оказался между двумя полосами обороны фашистов.

Оставаться там дальше опасно. Советское командование приказало партизанам идти на соединение с Красной Армией. У нас не хватало продовольствия, теплой одежды. Шли холодные дожди, стояли промозглые туманы, а потом пошел и снег. Но мы все же выбрались из плотного кольца окружения. Но многие погибли. Погиб и мой друг фельдшер отряда Василий Васин. Ему тогда не было и двадцати. Почти половина моих товарищей пала тогда смертью храбрых.

Василий Коленский:

Отминировались минувшей ночью, убрались с передовой до наступления светлого времени, возвращаемся «домой». Усталые, едва переставляя ноги, и тотчас же словно проваливаемся в сон, который длится, к сожалению, совсем не долго.

Вдруг заявляется в наше помещение капитан и радостно сообщает, что пока мы спали, он присмотрел неподалеку хороший лесок, и мы отправляемся туда «изготавливать рогатки», с тем, чтобы вечером перевезти и установить на переднем крае. А там опять минирование, и так без конца.

С. Орловин:

Домохозяйки Сыроватская, Куликова, Мальцева организовали бригады из домохозяек. Эти бригады восстановили рудничную больницу. Женская бригада Кучмиевой в количестве 20 человек восстанавливала школы. Особенно хорошо работали по восстановлению города домохозяйки Третьяченко, Моисеенко, Сагирова, Бутлер, Остафурова, Бас, Павлюченко.

Владимир Борсоев:

28 ноября. Город Кросно. Развивая наступление в составе 38-й армии, до конца ноября достигли территории Чехословакии. Условия кошмарные — болото, бездорожье, узкие коридоры — дефиле и т. д. 38-я армия перешла в 4-й Украинский фронт. Нас вывели из Карпат во фронтовой резерв, в район Чудец. В это время немного приболел.

Свирид Бурлака:

«До войны я работал на шахты № 160. Ныне я — гвардии лейтенант. Призываю шахтеров краснолучан шире развернуть соревнование за увеличение угледобычи, помогите Красной Армии добыть немецких захватчиков сверхплановыми тоннами угля».

О. Специальная:

Той день, коли прийшли наші, я добре пам'ятаю. Як вони бігли по вулиці, як всі плакали від радості. Я теж не можу згадувати без хвилювання про це.

Виктор Кузьминский.

«Поселок Хрустальное, Кузьминской.

Уважаемая Мария Михайловна! Ваш сын батальонный комиссар Виктор Максимович Кузьминский погиб в боях за Прибалтику в ноябре. До этого он участвовал во многих сражениях, был трижды ранен».

Василий Коленский:

Самое страшное — это неизбежные потери, каждая из которых — тяжкий удар для его родных и для нас, боевых его товарищей. Первыми при мне выбыл из строя серьезный тридцатилетний боец Галкин, раненный как-то слепой пулей в спину уже далеко от переднего края при возвращении в расположение штаба полка. Трагически погиб почти рядом со мной главный наш шутник и заводила двадцатилетний Тюрин, неосторожно обошедшийся с новой немецкой противотанковой миной. Лишился глаза и правой кисти лучший наш боец Ефимов, столяр-краснодеревщик. Остался по неосторожности без правой ноги до колена умелый сапер Мезенцев.

Василий Горяинов:

Петр Сытник — опытный горняк. Он работает на шахте не один год. Был крепильщиком, отбойщиком, перекидчиком. Теперь — зарубщик. Он рубит со всего плеча. Желонга от крепкого удара вгрызается в пласт. В трудовой ухватке горняка видится хватка воина. Также со всего плеча рубил клинком гитлеровцев и не раз приговаривал:

— Братцы, берет наша — будет жизнь светлей и краше, а от немцев останется каша.

Друзья заливались смехом. Шутка наполняла бодростью сердца бойцов. Но вражеская пуля подсекла Петра Сытника. Его положили в госпиталь. А когда поправился, велели ехать домой. В строй теперь не гож. Отдыхать не пришлось. Вышло, вроде, с фронта на фронт его перебросили. На угольном фронте он стал бороться за высокую добычу угля. Большой производительностью труда Петр завоевал право на звание «Мастер угля в дни Отечественной войны».

П. Степаненко:

Осенью в Венгрии мы заняли станцию Тиглаш и развивали наступление дальше. Мы с товарищем вслед за ротой тянули связь. У

товарища на спине катушка, а я сзади с запасной катушкой маскировал линию. Вижу — друг остановился, пытается сорвать с себя автомат, но ремень зажал станок катушки. Метрах в 15 от нас два немца устанавливали пулемет, чтобы ударить в спину нашей роте. Я дал короткую очередь, враги скрылись в окопе. Подошли ближе. Оказалось, один убит. Второй поднял руки и закричал:

— Гитлер капут!

Пленного отвели в штаб. Командование не ожидало танкового удара. «Мой» немец предупредил. Наши танки подошли вовремя.

Георгий Петров:

«Меня лечат в госпитале в Красном Луче. Я тронут вниманием жителей города, работников общепита смешторга. Премного благодарен им за заботу о раненых. Этот коллектив оказывает нам большую помощь в быстрейшем выздоровлении».

Сидор Квитка:

Севернее Варшавы в ноябре отражали танковые контратаки. Слева, над местечком Пултуск, металось пламя, и оттуда прикатился танковый вал наступающей гитлеровской армады. Наши танкисты, артиллеристы и пэтэровцы открыли огонь. Десятки подбитых громадин застыли на поле боя. Остановился первый вал, два других откатились назад, но их подпер новый вал «тигров», и бросил на нас. Патрон за патроном загонял я в свое противотанковое ружье и хладнокровно выбирал цель. Шел третий час битвы, упорной и жестокой. Тучи пыли, пороховой гари и дыма висели над полем сражения. Многочисленный залп орудий, рев моторов и скрежет металла... Немцы побеждены, они бегут. В этом бою я подбил два танка.

Тамара Бакаич:

После выздоровления в госпитале я вернулась в свою часть, находившуюся в то время в городе Крюки, в 20 километрах от Варшавы. В стремительном наступательном бою наша часть овладела Варшавой и подошла к государственной границе Германии.

Василий Коленский:

Командиры... Сколько их я встретил на своем не таком уж долгом военном веку! И, кажется, ни одного не сужу, каждого хорошо

помню и по-своему люблю. Но один... в нем, как в особенно ярком сплаве, слилось для меня все, что не может не быть у человека с прекрасным именем командир. Предыстория знакомства с ним проста. Всего три дня назад я прибыл в этот полк двадцатилетним выпускником-лейтенантом, и вот уже сегодня ни один из нас, солдат и офицеров, не мог наверняка сказать, кто кого окружил: мы немцев или они нас — в этом грозно шумящем прибалтийском лесу. В наших боевых порядках, протянувшихся влево и вправо прямо от блиндажа КП полка, остались лишь десятки здоровых людей, а подкрепления все не было. И штабная рация, над которой мучился командир полка, бесполое хрипело, забиваемая радиостанциями фашистских танков и самоходок, притаившихся на другом краю громадной поляны. А несколько минут спустя мы лишились и комполка, и его замполита, и начальника штаба, поднявшихся из блиндажа наверх, чтобы оценить обстановку и принять правильное решение: прямое попадание снаряда.

Через несколько дней вышли на окраину литовского хутора, чтобы встретить своих новых командиров.

Они вышли из машины метров за тридцать от нас и неторопливо двинулись навстречу. Мне бросился в глаза тот, что шел чуть впереди двух других. На вид ему лет тридцать пять. Высокий, стройный. Он смотрел на нас, как будто мы с ним давно знакомы.

Карасев:

Коллектив работников смешанного торгового шефствует над Краснолучским госпиталем. Для оказания помощи раненым бойцам мы собрали 4590 рублей. С 1 ноября по 1 декабря изготовили для выздоравливающих фронтовиков 600 блюд, 50 литров какао, 50 кг. пирогов.

Александр Малов.

«3 декабря. Секретно. Начальнику разведотдела.

Настоящим препровождаем вам карту дислокации штабов, узлов связи и линий инженерных заграждений противника в полосе наступления вашего соединения. Сведения получены от надежного, проверенного источника нашей системы, внедренного в германское разведучреждение.

Просим ориентировать ваши разведгруппы, выходящие в тылы противника, на обследование обозначенных на карте точек закладки тайников. В них могут находиться предназначенные нам новые мате-

риалы данного источника. При доставке материалов через линию фронта следует соблюдать особые меры предосторожности, чтобы не допустить их утрату или попадание к противнику. Старший оперуполномоченный отдела «Смерш» подпись».

Василий Гладун:

«Привет с фронта! Дорогие земляки! Пишет вам разведчик кавалер ордена Славы. Я добровольно ушел на фронт бить проклятого врага человечества — немецких фашистов. Они во время оккупации Донбасса расстреляли моего отца, мою мать. Много пало невинных жертв от рук душегубов. От расплаты им не скрыться. Железное кольцо вокруг берлоги фашистского зверя сжимается! Близок час полного возмездия! Друзья! У меня нет теперь родителей, и никто из Красного Луча мне не пишет писем. Я обращаюсь к вам, в особенности к девушкам: пишите мне по адресу — полевая почта 73681 «Э».

Михаил Кладов:

«Здравствуй, дорогая Наташа. Здравствуйте, дорогие дети Вера, Витя, Валя, Тася, Миня, Славик, Тамара, Шура. Шлю вам свой чистосердечный привет и благодарю за ваши письма...

...Дорогие дети, желаю успеха в учебе. Дорогая Наташа, я рад, что Вите школа понравилась, и он занимается хорошо. Настало тяжелое время. Если останусь жив, то вернусь к вам. Если случится худо, то смотри за детьми. Они не бросят тебя за твое воспитание, материнское чувство. Помни мои слова, если родители отдают своим детям все, то и дети о них позаботятся. Будьте здоровы.

4. 5. 12. 1944 года Гвардии сержант Михаил Кладов».

Бетти Корсунская:

Нетрудно представить радость восемнадцатилетней девушки, успешно окончившей военную школу и получившей назначение в отдельную роту связи. А потом пошли дни, заполненные воинскими делами и заботами. Но однажды зимним вечером пришел в роту капитан связи и сказал:

— Вот этот секретный пакет нужно доставить на телеграфную станцию. Станция находится в лесу, в трех километрах от нашей авиабазы, — капитан помолчал минуту и спросил: — Есть добровольцы?

Воцарилась тишина. Мне показалось, что все ждут моего согласия. И хотя не знала, где эта станция, выпалила:

— Я пойду!

Капитан объяснил, показал дорогу вдоль леса, напомнил, что у шлагбаума остановит часовой, спросит пароль, нужно назвать цифру шесть. Спрятала пакет под шинель и отправилась. Дорогу занесло, поэтому передвигалась, с трудом. Справа темнел лес. «А вдруг там фашисты», — от этой мысли по спине поползли мурашки. Впереди показался часовой.

— Стой! Кто идет?

Я остановилась... Часовой назвал цифру «два» и услышал в ответ — «шесть». Еще раз повторил: «два». И опять услышал: «шесть». Пароль явно не получался. Капитан связи не учел, что с пакетом послал новенькую и не объяснил, как пользоваться паролем. А дело-то было очень простое в ответ на цифру два, которую произнес часовой, нужно было сказать «четыре», чтобы в сумме получилось шесть. Но все это выяснилось, потом. А сейчас часовой скомандовал:

— Ложись, стрелять буду!

Я упала в снег и стала возмущаться: ведь назвала пароль, что же еще нужно. Пожалел солдат девчонку.

— Подымись и подойди ко мне, — сказал миролюбиво.

Подошла, показал узкую дорожку, которая вела в глубь леса. Из-за деревьев выглядывала изба. Это и была станция. Отрапортовав, вручила пакет. Только хотела сказать «Разрешите идти?» — как немолодой офицер, посмотрел на посиневшую связную, предложил:

— Переночуете у нас. Снимайте шинель и — на русскую печь. Вам нужно отогреться, а завтра отправитесь в роту.

Так и сделала.

С. Орловин:

С первых дней освобождения Красного Луча от гитлеровских громил трудящиеся города отдают все силы на его возрождение. Восстановлено и заселено 68,5 тысячи квадратных метров жилплощади, на 80 процентов к довоенному уровню восстановлено электрохозяйство, введена в строй сеть водоснабжения, работают 11 школ, 6 больниц, городская поликлиника, 5 амбулаторных пунктов, детский санаторий, 9 детских яслей, 8 детских садов и приведены в порядок улицы и скверы города. Для обслуживания бытовых нужд организована местная промышленность: горпромкомбинат, швейно-обувная фабрика, 3 артели, завод безалкогольных напитков.

Владимир Борсоев:

11 декабря, Чудец. Генерал-лейтенант Семенов вручил гвардейское знамя и орден Ленина бригаде — торжественный день! Занимаемся боевой подготовкой.

Евгений Субботин:

«Здравствуй, дорогая мамочка! Живу по-прежнему. Сегодня солнечное морозное утро. Снега еще нет. В воздухе наши самолеты. Мама! Я являюсь комсоргом своего подразделения. Вчера меня приняли в члены ВКП (б). 15 декабря 1944 г.»

И. Борисов:

Наша дивизия освобождала Венгрию. Командир взвода Лакай разбил нас на три группы. Одна группа захвата, а две другие должны прикрывать. В группе захвата я старший. Ночью подошли к селу, где находился враг, и поняли, что без боя «языка» не взять. Решили брать с боем. Забросали противника гранатами, открыли шквальный огонь. Враг в панике. Взяли мы около сотни пленных. Было много убитых и раненых. С нашей стороны потерь нет.

Е. Сафронова:

В соответствии с решением Государственного Комитета Обороны райкому угольщиков выделена художественная, политическая и техническая литература в количестве 19000 книг для укомплектования шахтных библиотек. Первую партию книг в 3000 экземпляров получили библиотеки шахт № 2 «Комсомолец», № 5/7 и машиностроительного завода.

В. Высоцкий:

В Венгрии нам были приданы взвод бронебойщиков и радист-корректировщик. Получили приказ сходу форсировать Дунай в направлении Будапешта. Ночью форсировали реку с помощью наших сапёров. Немцы нас не ждали, а когда мы завязали бой на другом берегу, то было уже поздно. Мы забросали гранатами немецкую оборону и ворвались в траншею, где произошла быстрая рукопашная схватка, часть немцев побросала оружие и бросилась убежать. Человек 20 остались навсегда на этом кусочке земли. Наш командир, старший

лейтенант, приказал привести в порядок траншею, собрать все трофейное оружие. Это сделали вовремя, так как немцы, опомнившись после удара, стали контратаковать. Атака следовала за атакой. Мы отбили 23 атаки. К вечеру подошли основные силы дивизии.

Н. Полупанов:

«Трудящиеся Красного Луча! Шахтеры! Помогите Красной Армии высокопроизводительным трудом добить врага. Земляки, пишите чаще письма. Полевая почта 33011-Б».

Александр Малов:

Наладилась система передачи разведанных в Центр. Все шло так хорошо, и вот... Попасться на обыкновенной провокации... В разведшколе работала некая Лена. Пару раз услышал, что она в осторожной форме, намеками осуждает фашизм. Поверил, заговорил с ней о том, что советский человек всегда должен помнить о Родине. А она тут же донесла. Арестовали и посадили в краковскую тюрьму.

С. Николаев:

Бойцы всевобуча — краснолучане 1928 года рождения — внесли на строительство танковой колонны «Боец всевобуча» по 50 рублей каждый и обратились с призывом ко всем бойцам всевобуча Ворошиловградской области последовать примеру — внести свободные средства на строительство танков.

Александр Малов.

«Главному управлению

По данным арестованной агентуры противника, в период с 20 по 25 ноября 1944 г. с Краковского аэродрома самолетом должна быть переброшена разведгруппа немецких агентов, которую возглавит наш зафронтной разведчик Барсов, экипированный в форму лейтенанта или старшего лейтенанта Красной Армии. Прошу сообщить, не располагает ли Главное управление данными о месте нахождения Барсова в настоящее время, нет ли среди разбившихся парашютистов человека, похожего на Барсова. Начальник контрразведки «Смерш» Первого Украинского фронта генерал-лейтенант Осетров».

Иван Яровой:

В сорок первом в боях под Москвой сложил голову отец. Настал черед идти на бой с врагами мне. Хотелось отомстить за отца... В Венгрии, в районе озера Балатон, враг предпринимал отчаянные попытки задержать победоносное шествие наших войск. Мы уничтожили много гитлеровцев, их танков, другой техники. Враг сломлен. Венгрия стала свободной.

Александр Малов:

20 декабря приступили к допросам. Стоял на своем: Лену не вербовал, а хотел испытать, чтобы взять затем в свою группу. Следователь не верил. Бил, сажал в карцер, ставил в холодную воду. Но я твердо придерживался одной линии — ничего не знаю, ни на какую разведку не работаю.

Владимир Борсоев:

21 декабря приехали в полк с Купиным. Съездили к Семенову. Купин будет командовать 11-й бригадой. Меня переводят в 7-ю гвардейскую ИПТАБр. Из огромного уважения к Купину я заявил Семенову о своем желании передать Купину его бригаду.

Владимир Борсоев:

22 декабря съездил во Львов. Подружился с дочкой. Она не признавала меня на этот раз целых два дня, на третий пошла на руки и потом с рук не уходила. До чего забавная дочурка, прямо прелесть.

Александр Малов:

В камере холодно и сыро. Постанывая от боли в избитом теле, анализировал причину ареста и возможные пути спасения. Что это: полный провал или ситуация, из которой еще есть выход?

Владимир Борсоев:

26 декабря. Я уже командир 7-й гвардейской истребительной противотанковой артиллерийской Тернопольской ордена Ленина Краснознаменной бригады РГК.

Александр Малов.

«Секретно. Начальнику отдела контрразведки «Смерш».

Поступила радиограмма от группы Левши. Сообщается, что интересующий вас источник на встречу со связным не вышел в основное и контрольное время. Контрольный знак тоже не обнаружен. Визуальным наблюдением за учреждением, где источник работает, он не обнаружен. Установить место нахождения источника с помощью местных подпольщиков и косвенным путем не представляется возможным.

Начальник разведотдела, подпись».

Наталья Кладова:

Командир прислал письмо. Сообщает о том, что Миша награжден орденом Славы и медалью «За отвагу». Получила письмо и от Верочки. Как она там, ведь ей только 17 лет.

Дети мне помогают выстоять. Только бы не видели, как плачу, не волновались. В колхозе нашу семью уважают. Называют бригадой Кладовых.

Александр Малов:

Сколько раз удавалось перехитрить провокаторов. И вот — сплывал, и сижу в камере после страшного дня допросов и пыток.

Поразмыслив, решил: единственная линия поведения, которая может позволить переиграть сейчас абверовцев — утверждать, что, готовясь к новой заброске в тыл советских войск, подбирал себе партнершу и поэтому проверял Лену «на благонадежность».

Кроме информации Лены, у гитлеровцев ничего компрометирующего, похоже, нет. Значит — стоять на своем. Стоять, несмотря на избиения, допросы и пытки.

Обидно погибнуть, когда победа над фашистами уже так близка. Нужно бороться и выжить.

Григорий Панарин:

«Здравствуй, дорогая мамаша, Мария Васильевна. Живу хорошо. Плохо только то, что сейчас не могу сражаться. В последнем бою ранен. Рана вроде пустяковая, но почему-то определили в госпиталь. Думаю, что задержусь здесь недолго. Нужно быстрее выздо-

равливать и громить врага. Я должен отомстить за друга Михаила Артеменко. Он перевязал меня, а сам погиб в том бою».

Владимир Слюсарь:

Будни войны — четыре длинных года. Воевал в мотомеханизированных частях. В конце 1944 года подошли к венгерской границе. Впереди — Будапешт. На какое-то время 44-й механизированный корпус оказался во вражеском котле.

В этих боях получил ранение в ногу. Госпиталь. Страшное слово хирурга: «Ампутация». Но все обошлось.

Николай Легкий:

Подышал я пороховым дымом, потаскал пулемет...

Декабрь. Под солдатским сапогом чавкает перемешанная с прошлогодними листьями грязь. Так хочется искупаться в простой русской бане, а тут... война. Или вдруг взбредет на ум кукарекающий поутру петух и девчушка, выгоняющая на пастбище рябую корову...

— По места-а-ам! — это эхо общей команды. Это голос командира мотоциклетного взвода лейтенанта Чернышева.

За 400 – 500 метров залег противник. Путь ко Львову только через этот огневой рубеж. Две минуты — и мы с волжанином Шлеином и чувашом Сметаниным на своих местах. Удар ногой, и мотоцикл взревел. Поле наполнилось рокотом моторов.

— Пойдет хорошо, знает, что гадов надо добивать, — окая, ответил на мой вопрошающий взгляд водитель Шлеин.

Но долго ехать не пришлось. Пахота — значит, спешивайся и тащи машину в кусты. Увязая в ржавой почве, три солдата потащили мотоцикл в укрытие по направлению к окопам противника. Того и гляди, не шальная, а в цель пущенная пуля пробьет голову. Но вот и кусты. Поле укрыла пепельная пелена дыма. Завели свою дикую песню минометы, автоматы и пулеметы. Атака началась. Оставив в укрытии мотоцикл, наша тройка в зеленых касках рванулась вперед. У Шлеина и Сметанина автоматы, а у меня ручной пулемет. Трудно стрелять на ходу из него, трудно попасть в цель, но надо. Вижу мечущиеся фигурки врага, собираю в кулак силу и волю. Тело содрогается от ожившего в руках пулемета. Я не видел, как падали подкошенные свинцом товарищи, но когда окопы противника взяли, и снова садились на мотоциклы, чтобы продвигаться вперед, заметил — на многих машинах вместо троих сидели по одному, по два человека.

ф***

Иван Корнеев:

Шел заключительный этап войны. В конце года наша 9 артдивизия в составе 3 Украинского фронта вышла к границам Болгарии. Большая группа офицеров артиллеристов во главе с генералом Ратовым А. И. проводила рекогносцировку местности и оказалась у болгарской погранзаставы. Навстречу нам вышли 2 болгарских пограничника без оружия. Как известно, Болгарское царство начинало войну против СССР на стороне Гитлера. Поэтому генерал обратился к пограничникам с вопросом:

— Ну что, господа, будем с вами воевать?

Болгарский сержант-пограничник ответил:

— Болгарские солдаты и народ Болгарии не будут воевать с Советской Армией и с Россией. Мы помним 1877 год и русскую армию, освободившую Болгарию от турецкого ига!

Так и случилось: боевых действий на территории Болгарии не было. На всей территории страны болгары встречали нас как братьев, и в каждой семье мы были желанными гостями. Болгарский народ хранил добрую память о русском народе.

На собранные в России средства в с. Шипка, где захоронены останки русских воинов, сооружен храм в честь освобождения Болгарии от турецкого ига, а на горе Шипка сооружен памятник русским воинам. Здесь у подножья Шипки, на русском кладбище, генерал Ратов положил цветы на могилу своего погибшего деда. Кладбище содержалось местными жителями в образцовом порядке.

В. Молодцов:

«Письмо с фронта

30 декабря 1944 г.

Донбасс, Ивановка, ул. Северная, Молодцову Василию Гавриловичу.

Полевая почта 24402

Пущено письмо 28 декабря 1944 г. Здравствуйте, дорогие родные папаша, мамаша, сестра Нина и братик Коля!

В первых строках моего письма разрешите передать вам свой гвардейский привет и пожелать вам всего хорошего в вашей жизни. Сегодня получил письмо за 9 декабря. Вы спрашиваете, кем я служу, снайпером или другим? Сейчас не снайпер, а минометчик. Находимся на передовой. Вы пишете за деньги. Деньги мне здесь не надо. У меня есть. Да за них здесь нечего покупать. Кормят нас хорошо, здо-

ровые у нас хорошее. От вас сейчас получаю писем много, часто. Погода здесь холодная и сырая. Снега нет. Пока все, что я мог написать.

Передавайте привет дедушке, дяде Ване и всем ребятам и девочкам. Пока, В. Молодцов. Жду ответа».

Просмотрено военной цензурой 08975.

К. Омельченко:

«Дорогие земляки, краснолучане! До фронта доходят слухи о ваших трудовых подвигах. Мы тоже тут не сидим сложа руки, бьем фашистов.

Скоро Гитлер с рожей хмурой
Станет молча под петлей».

Иван Молодцов:

На Урале мы строили завод один год и два месяца. В чистом поле. В тяжелых условиях проходила стройка. Нам на работу возили еду. Мы не выходили из завода. Работали не по 8, а по 24 часа. Рабочих не хватало. Все были на войне. С нами работали и дети по 12 лет.

Григорий Шевченко:

Войска Первого Прибалтийского фронта окружили Курляндскую группу и вышли к Балтийскому морю. Левый фланг фронта занимал правый берег реки Неман. На противоположном его берегу — первый на нашем пути восточно-прусский город Тильзит.

Наша авиационная часть базировалась на аэродроме, на правом берегу Немана. Мы готовились встретить Новый 1945 год. Но примерно в 22 часа на опушке леса началась стрельба. Сначала редкая, а затем все усиливающаяся. Послышались минометные разрывы. Мы поняли, что стреляют в стороне аэродрома и что враг хочет прорваться через него и уничтожить наши самолеты. Медлить нельзя. Командир приказал личному составу подготовить самолеты для стрельбы по наземным целям. Боевые расчеты заняли места у машин, развернули их в нужном направлении и стали поджидать приближающиеся с боем фашистские отряды. Небольшая горстка солдат тыловых подразделений, принявшая на себя всю силу отчаянного удара прорывавшейся вражеской части, не могла задержать врага и была сломлена.

1965 – 2001 г.

О себе, товарищах, войне рассказали:

А

Александров С. С. Генерал.
Алексеев Михаил Андреевич.
Атопина Феня.

Б

Бабак Василий Алексеевич.
Башкатов Дмитрий Алексеевич.
Белоградов Семен.
Белый Иван.
Бесчастный Александр Мартыанович
Блинков Ефим Алексеевич.
Кавалер ордена Славы.
Боженко Владимир Игнатьевич.
Командовал ротой. Участвовал в Сталинградской битве, освобождал Украину, Румынию, Болгарию, Венгрию, Австрию.
Бойченко Василий Дмитриевич.
Бойченко Екатерина.
Болдырев Николай Николаевич.
Борисов Иван Григорьевич.
Кавалер ордена Славы.
Борисовская (Морозова) Алла Константиновна.
Борошенко Семен Прокофьевич.
Двадцатилетний командир саперной роты. От Старобельска до Нальчика, а затем от Нальчика до Берлина — таков его боевой путь.

Борсоев Владимир Бузинаевич.
Командир отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. Герой Советского Союза. Защищал Красный Луч.
Браверман Л. Медсестра.
Буков Иван Александрович.
Бурлака Свирид.

В

Васильев Николай Алексеевич. От Москвы до Берлина провел свою машину под обстрелами и бомбежками, ночью без света, по разбитым дорогам доставлял на огневые позиции боеприпасы, снаряжение, продукты.

Васильченко Лидия Лаврентьевна.

С боями прошла Белоруссию, Украину, Литву, Латвию. Кончила войну в портовом городе Либаве. После окончания войны еще два месяца разминировали подвалы, дома, улицы поля. Трудилась дежурной по станции Красный Луч, где проработала 25 лет.

Величко Карп Петрович.

Заместитель начальника Краснотельского цеха Луганского предприятия «Энергоремонт».

Вережкин Василий.

Весновский В.

Вовченко И.

Войнилович Василий Иванович.

Участник обороны города. Восемь ранений и пятнадцать наград — память о героическом прошлом.

Воловик Иван Прокофьевич.

Воронько Мария.

Вощенко Иосиф Евстахьевич.

Его боевой путь — это путь 50 стрелковой дивизии. Дивизия одна и должность одна — пулеметчик.

Высоцкий Василий Кириллович.

Кавалер двух орденов Славы.

Г

Галахтин Сергей. Подполковник.

Инвалид войны.

Гапонов Иван Иванович.

Тысячи километров фронтовых дорог, до самого Берлина, прошел кузнец сержант Гапонов. После войны работал на авторемзаводе. Награда пришла в дом фронтовика через 52 года, 5 месяцев и 16 дней. Но он ее не дождался. 22 декабря 1997 года представитель военкомата вручил орденскую книжку о награждении Гапонова Ивана Ивановича медалью «За отвагу» супруге фронтовика Вере Федоровне.

Гатченко Иван Нефёдович.

Георгиевский М.
Гладун Василий.

Глянько И. Офицер запаса. Буровой мастер шахты № 7-8.

Голубов Яков Степанович. Почетный житель с. Перекоп, командир отделения автоматчиков 87-й дивизии. Рабочий очистного забоя шахты им. «Известий», мастер производственного обучения ПТУ № 17, кавалер ордена Октябрьской Революции.

Горяинов Василий Георгиевич.

Поэт. Заведующий отделом Краснолучской городской газеты «Сталинский забой».

Григорьев Михаил Владимирович. После восьмого класса пошел работать учеником электрика на шахту имени «Известий». Увлёкся планерным спортом. В 1933 году вступил в комсомол.

Гуленко Петр Елисеевич. Подполковник запаса. Директор музея боевой и трудовой славы шахтеров, председатель совета ветеранов 383-й дивизии.

Д

Давыдов Федор. Политрук роты.

Дербенцев Яков Филиппович.

Дианов Василий Петрович.

Подполковник запаса, работал в автотранспортном предприятии № 12772.

Дикий Петр Васильевич.

Был мальчишкой и в армию не брали. Пришлось пережить оккупацию, а как только в феврале 43-го Красную Поляну освободили от фашистов, ушел на фронт. Попал в минометную роту старшего лейтенанта Куликова 346-й стрелковой дивизии, которая вела бои за Красный Луч на Малониколаевском участке. Ранен. Кавалер ордена Славы.

Добров И. Сварщик. Участник строительства и восстановления Штергрэса. Награжден орденом Ленина.

Дрюшина А.

Ж

Жиленков Василий Макарович. Призван в армию в ноябре 1942 г. и зачислен, курсантом пулеметно-минометного училища. Но стать офицером ему не пришлось: в начале 1943 года курсантов послали на фронт. Участвовал в боях на Курской дуге, за Украину, Чехословакию, у Венгерского озера Балатон. Трижды ранен. Инвалид войны. Работал в Краснощевском карьере.

З

Заброда Мария Петровна.

Узница концлагерей.

Завьялов Василий Федорович.

Бригадир монтажников шахтостроительного управления № 1 треста «Антрацитуглежилстрой».

Запорожский Михаил Тихонович.

Захаров Николай Дмитриевич.

Призван в январе 1942 года. Окончил курсы младших командиров. Сражался за освобождение Белгорода, Конотопа, Киева, участвовал в форсировании Днепра, прошел боевой путь до Мюнхена. Здесь тяжело ранен (в пятый раз). Длительное лечение в госпитале протянулось до полной нашей победы над фашизмом.

Звягин Дмитрий Яковлевич.

Воспитатель в общежитии шахты им. «Известий».

Знова Иван Яковлевич. Подполковник в отставке. Летчик-разведчик. За годы войны совершил 83 вылета. Начал армейскую службу лейтенантом. Последняя должность перед увольнением в запас — помощник командира дивизии. С 1963 года работал на шахте «Краснолучская» начальником штаба гражданской обороны.

И

Иванов Василий Степанович. Участвовал в Великой Отечественной войне в составе 172 полка внутренних войск МВД.

Иванова Зоя Филипповна. Военврач. В

июле 1944 года в госпитале третьего Белорусского фронта началась ее военная биография. С 1964 г. работала в краснолущской поликлинике.

Иллзенер Павел Павлович.

Илюхина (Шарова) Зинаида Алексеевна.

Окончив курсы радистов, направлялась к месту назначения. В пути встретились они с Петром Илюхиным. Встретились и подружились. Прослужили в одном полку почти всю войну. В 1945 г. вышла замуж за фронтового друга. Вырастили трех дочерей.

К

Калиновский Цезарь Михайлович.

Касьянов Илья.

Квитка Сидор Ефимович. Работал в шахтоуправлении «Алмазное» с 1927 года машинистом врубовой машины.

Киселев Филипп.

Кладова Наталья.

Клименко Данил.

Ковачева Вера Яковлевна.

Ковтунова М.

Коган И.

Козлов Николай Ильич. Кавалер трех орденов Славы. Трудился в транспортном управлении треста «Краснолущуголь» кондуктором поездов.

Козьмин Дмитрий Васильевич. Начальник штаба партизанского отряда, старший десятник лесного склада шахты № 160.

Козьмина Мария Михайловна. Радистка партизанского соединения. Среди товарищей известна как Люся Михайлова.

Коленский Василий Петрович. Писатель, сапер, ст. лейтенант.

Колесников Евгений Петрович, лейтенант, командир танка.

Колоскова Мария.

Комаров Иван Евдокимович. Гвардии полковник. Войну закончил

в Берлине. 310 боевых вылетов, 13 сбитых фашистских самолетов. Прослужил до 1958 г. Был командиром полка, заместителем командира дивизии, учился в академии.

Кондратьев Александр.

Корнеев Иван Петрович. Кавалер ордена Александра Невского.

Коробчук Александр.

Корсунская Бетти Семеновна.

Краснов Александр Виссарионович. Шахтер, учитель, командир.

Кулешов Владимир.

Л

Легкий Николай Федорович. Командир пулеметного расчета, младший сержант. После войны — каменщик СУ № 1.

Леонов Григорий Сидорович. Родился в 1921 году в селе Красная Поляна Антрацитовского района. Здесь жил и учился в школе. На фронте стал офицером. Награжден орденом Ленина.

Леонов Иван Алексеевич. Командир минометного расчета сержант. Участвовал в боях за Гомель, Прагу, Берлин. Кавалер трех медалей «За отвагу». Особенно отличился минометный расчет сержанта Леонова в боях на подступах к Варшаве. Порой обстановка складывалась так, что приходилось вступать с фашистами в рукопашную схватку. Дважды ранен и дважды контужен. Закончил войну в Берлине. На шахте «Краснолущская» ремонтировал вертикальные стволы. Награжден орденом Октябрьской Революции.

Литовченко Иван Филиппович. Кавалер трех орденов Славы. После войны работал в совхозе «Хрустальный».

Лобода И.

Лошакова-Гвоздик Мария Родионовна. Родилась в селе Круглик Вороши-

ловградской области. Училась в горнопромышленном училище. Работала электрослесарем на шахте № 151. Без отрыва от производства окончила фельдшерскую школу.

Лужнев М.

Лысенко Алексей Прокофьевич.

Почетный гражданин города.

Любичкая Полина.

М

Малкин Виктор Семенович.

Разведчик, учитель.

Малов Александр Федорович.

Разведчик. Работал на шахте № 160.

Мамонов М.

Мамонов Петр.

Манжула Николай Григорьевич.

Родился в 1922 г. в Ивановке Антрацитовского района. Капитан. Много лет трудился в угольной промышленности. Н. Г. Манжула отмечен орденом Октябрьской Революции.

Мартынов Федор Захарович.

Матвеев Михаил Алексеевич.

Ветеран Второй и Шестой воздушных армий.

Машенко Мария.

Мельников Алексей.

Минасенко Петр Григорьевич. Подполковник, артиллерист.

Михайличенко Тихон Григорьевич.

Мищенко Анна Федотовна.

Мякишев Василий. Проходчик шахты имени «Известий».

Мякишев Василий.

Н

Нагайцев Федор Яковлевич.

Кавалер ордена Славы. Участник обороны города.

Нагорный Павел Петрович.

Войну запомнил подростком.

Нетудыхатка Анна.

Николаев С.

О

Омельченко К. Гвардии рядовой.

Онищенко Василий Федорович.

Орел Анатолий Арсентьевич.

Очеретяный В. Парторг шахты «Сталинский забой».

П

Панарин Григорий.

Панченко Федор. Взрывник.

Петренко Иван Дмитриевич.

Петров Георгий. Старший лейтенант.

Петунова Прасковья.

Победа Николай Антонович.

Почетный шахтер. Горнорабочий очистного забоя ш. «Краснолучская».

Половенко Павел Дмитриевич.

Родился в 1914 г. В 1930 г. вступил в комсомол. Окончил горнопромышленное училище Хрустальского рудоуправления, работал на шахте 7/8 электрослесарем. С 1936 г. - в Армии. Служил на границе. Задержал шпиона. 1 сентября 1939 г. освобождал западную Украину и Белоруссию за Львовом. В 1940 г. участвовал в боях с белофиннами на Карельском перешейке. В июле 1940 г. участвовал в освобождении Бесарабии. Во всех этих операциях был младшим командиром артиллерийской гаубичной батареи 152 мм, командиром связи батареи. Окончил Харьковское военное политическое училище и был комиссаром батареи отдельного артиллерийского дивизиона 133-й стрелковой бригады. Воевал на Курской дуге. Освобождал Белоруссию, Польшу, участвовал в штурме Кенигсберга. После войны командовал полковой артиллерийской школой. В 1948 г. демобилизовался в запас в чине капитана. Работал директором горнопромышленной школы на шахте 5-бис, зам директора шахтоуправления № 13 «Елизаветовская». Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, 10 медалями.

Полупанов Н.

Попов Василий.

Потапенко Александра.

Потетюлькин Петр Сергеевич.

Р

Решетняк Б.

Роголин В. Комсорг батальона.

Рынковой Тимофей Тарасович.

После войны водитель автокрана на машзаводе.

Рябов Иван Михайлович.

Рядовой пехоты. Освобождал Ржев, Великие Луки, участвовал в блокировании вражеской группировки в Курляндии. Воевал в составе знаменитой Панфиловской дивизии. Трижды ранен, контужен. Последнюю отметину получил близ Тукумса. Вернувшись в родную деревню, почувствовал: здесь все напоминает о двух погибших братьях. Уехал в Красный Луч. Обзавелся семьей, воспитал двух дочерей. Трудился на ш. им. «Известий». Заслужил три знака «Шахтерская слава».

С

Садовников Федот.

Сапатюк Михаил.

Сафронова Е.

Семенов Геннадий.

Серов Иван Яковлевич.

Ратные подвиги его отмечены двумя орденами Славы. Слесарь санитарной техники.

Сидоренко Михаил Федорович.

Скнарин Николай Карпович.

Солдат. Разведчик.

Скороходова Любовь Захаровна.

Скрипников Владимир Павлович. Учился в средней школе № 1. Семнадцатилетним пареньком взял в руки оружие. Удостоился ордена Славы.

Слепцов Афанасий Никифорович.

Капитан.

Слепцов Игорь Афанасьевич.

Научный сотрудник Дуклинского музея в Чехословакии.

Слюсарь Владимир Григорьевич.

Смешко Иван Демьянович.

Солодкий Н.

Сотников И.

Специальная Е.

Спикин Николай Трофимович.

Восемнадцатилетнему парню вместо ласковых девичьих плеч ежедневно приходилось обнимать своими руками мины и снаряды, заглядывая в бездонную пропасть небытия.

Спицин Н.

Старостенко Владимир.

Степаненко П.

Столяревский Николай.

Субботин Евгений.

Гвардии старший сержант.

Сударкин Я.

Суконный Тимофей Степанович.

Участник Парада Победы.

Суховерхов Г.

Сытый Н.

Т

Танцюра Иван Лазаревич.

Герой Советского Союза. Родился 22 июня 1920 года в селе Добра Мальковского района Киевской области в семье крестьянина — бедняка. До 1935 года учился в сельской школе села Добра. В 1935-1936 гг. учился в горнопромышленном училище г. Красный Луч. Получил две специальности — машиниста врубовой машины и крепильщика-ходовщика. После окончания училища работал в шахте № 17/17-бис с 1936 по 1939 г. машинистом врубовой машины и бригадиром посадчиков. В 1939 г. призван в ряды Советской Армии. Война застала в г. Коканде. Войну закончил в звании майора и в должности заместителя командира стрелкового полка по строевой части. За участие в Курляндской операции награжден орденом Александра Невского. После демобилизации работал заместителем председателя райисполкома. 8 ноября 1985 г. скончался. Похоронен в Тимашевском районе Краснодарского края.

Таран Владимир Николаевич.
Кавалер ордена Славы.

Тимофеева Мария Николаевна.

Тихонов Петр Игнатьевич.
Прошел от первых ее залпов до последних. День Победы над гитлеровской Германией встретил в Берлине, на поверженном рейхстаге написал свое имя. На фронте с 19 лет.

Тищенко А.

Ткаченко Александр Кузьмич.
Герой Советского Союза. Почетный гражданин Красного Луча.

Ткаченко Петр Степанович.

Трапезников Степан.

Трофимец Петр Никитович.
Командир отделения краснолучского истребительного батальона. Узник концлагеря.

Тягун Варвара. Сестра милосердия. Рабочая авторемзавода.

У

Устименко Евгений Владимирович.

В составе третьей гвардейской воздушно-десантной бригады прошел с боями от Миуса до Вены. Освобождал Донбасс, форсировал реки, карабкался на вершины Карпат.

Ф

Федоров Николай Дмитриевич. Авиамеханик.

Фролов Иван Сергеевич.

Кавалер двух орденов Славы.

Х

Ханин Александр Александрович.

Харчуков Николай Андреевич.

Хлебников Евгений Николаевич.

Ч

Чекунов И.

Шофер горноспасательного отряда.

Челышев К. Доцент Тираспольского пединститута, участник освобождения Красного Луча.

Чепик Павел Андреевич.

Чернявский Василий Павлович. Старшина, механик-водитель Т-34. Освобождал Львов, Тернополь, Каменец-Подольский. Кавалер ордена Славы.

Чубарь Ф. Гвардии лейтенант.

Чуприна Надежда Дмитриевна.

Ш

Шевченко Григорий Иванович. Полковник. Летчик.

Ширков Василий.

Шичанин Сергей.

Шувыкин Владимир Ильич.
Директор школы № 6.

Шутрик Екатерина Хрисановна.

Щ

ЩигOLEV Иван Николаевич.

Щукина (Кичко) Александра.

Ю

Юдин Алексей Егорович.

Я

Якунин Владимир Игнатьевич.

Якунина Екатерина.

Янчин Нина Петровна.

Разведчица. Подполковник. Среди товарищей известна, как Нина Марьяна (Марьяна).

Яровой Иван Иванович.

Ярцев И.

Они отстояли Отчизну свою

Загорская М.

Заиченко Н. В.

Закотнов В. Г.

Запорожец П. Ф.

Захарченко

Захарченко М. А.

Зеленская В. Ф.

Зимницкий М. В.

Зинченко В. Е.

Иванова З. Ф.

Изотов М. М.

Ильин М. Н.

Инякин Н. А.

Исаев И. Ф.

Ишакова А. В.

Кабацкий В. С.

Кавун В. Е.

Калач В. А.

Камышанов А. И.

Канивец Г. М.

Каралкин В. В.

Карась М. П.

Карпова В. А.

Карташев И. А.

Катриенко В. М.

Кауфман И. И.

Келийшук К. А.

Кибальниченко Н. И.

Кириллов С.П.

Кирьяков В. Ф.

Клепов А. А.

Климов И. А

Коваленко Я. С.

Ковалев М. Д.

Ковалев П. Д.

Ковалева О.

Ковачева В. Я.

Козлов Н. И.

Козорезов В. И.

Козьмин Д. В.

Козьмина М. М.

Козюра Г. И.

Коленский В.П.

Колесников Е. П.

Колесниченко Н. Н.

Колоскова М. М.

Комаров В. Т.

Комарова А. С.

Комаров И. Е.

Конько А. Т.

Конько Т. В.

Коньшина М. Я.

Копытко А. С.

Копытко В. С.

Корнеев И. П.

Корпjak М. С.

Коробчук А. К.

Королев Б. Н.

Королева О. Н.

Корягин Н. Ф.

Косаренко А.

Кособродов Н. Д.

Кравченко А. И.

Красницкий П. И.

Краснобаев П.

Кратенко Г. М.

Кривуца И. Х

Крылова Н. И.

Кузовов В. В.

Кузьминский Н.

Кузьминский Н. Н.

Кулиш А. М.

Лавренова А. П.

Лазарев И. С.

Лазарев М. С.

Лазаренко А. С.

Лаптев В. В.

Лебедева Е. В.

Лебедь М. К.

Левандровский Е.
Ф.

Левченко Н. Г.

Леонов Г. С.

Леонтьев Ф. Ф.

Лесик Н. В.

Леушкин Л. Н.

Линенко Я. П.

Литвяк Л. В.

Лихотворик С. И.

Лобода И. А.

Луговой Д. Д.

Луговой М. Т.

Лысенко А. П.

Лысенко М. П.

Лысенко Г.

Лысокобылка А. А.

Любакин Р. Г.

Любарский Н. Я.

Любимов Е. Ф.

Любимов Г. И.

Любимов П. И.

Лютая В. В.

Лютиков Ф. П.

Лядский П. В.

Мазалов П. С.

Мазур И. С.

Мазур Р. И.

Майборода В.
В.

Макеев Г. И.

Малидовский Г. Ф.

Малкин В. С.

Мандриченко П.

Мандриченко Т.

Матвейцева В. М.

Медведенко И. А.

Мезеря А.

Мезеря Г. А.

Мезеря Н. К.

Мезеря Н. А

Мельников П. Н.

Мещеряков И.
И.

Милованов И. Н.

Милованов С. М.

Милютин В. А.

Минасенко П. Г.

Мирошниченко В.
П.

Мирошниченко Г.
С.

Митрофанов

Михайличенко Т.
Г.

Михайлов А. А.

Мищенко А. Ф.

Моисеева М. С.

Молодцов И. В.

Мороз П. И.

Мошна И. Ф.

Нагайцев Ф. Я.

Назаров И. Е.

Надточиев Б. А.

Натаров А. А.

Нарожный П. П.

Нахалов М. В.

Николенко Т. Г.

Никонец Т. Д.

Никонов А. Я.

Норкин Я. С.

Носко А.

Носко И.

Носко П.

Овчаренко И.П.

Олейников Н. А.

Олейников П. Я.

Олейникова А.

Омельченко Г.
З.

Орел А. А.

Осадчий Ф. К.

Осипенко

Осипов Ф. С.

Падалка Н. В.

Папченко Н. В.

Пашко М. Д.

Пацюк И. В.

Перепелица А. П.

Петраковский А.
И.

Петрушевич В. В.

Петрыкин Л. Ф.

Пизин Г. Е.

Пизин Д. А.

Пизин К. Н.

Пизина А. М.

Плешаков Л. П.

Плуженко Т. В.

Плыгач А. Г.

Повстяной Н. А.

Погорелов В. П.

Погорелов П. И.

Подлипаева М. С.

Подпригора А. Я.

Полеводин Г. С.

Половенко П. Д.

Попов В. Л.

Попов Г. А.

Приходько Я. С.

Провалов К. И.

Прокопенко И. Д.

Промисан А. Г.

Протасов К. М.

Пугачев И. Н.

Пупынин С. З.

Пушкарева Л.
Ф.

Пятаченко Н. В.

Разенков Г. С.

Ревин А. П.

Редников Н. В.

Резников В. Ф.

Ребенников В.

Родин И. В.

Рожнов М. Я.

Розенман Ю. Ю.

Романенко В. С.

Романов Д. В.

Романовская Е. И.

Рудов В. П.

Ружин В. М.

Русев А. А.

Рынковой Т. Т.

Рычков В. А.

Рябцев П. С.

Савенков И. А.

Воспоминания ветеранов записали и сохранили:

Алтынников В. И.
Андриянов В. И.
Антоненко М.
Безкоровайный Б. И.
Белевитнева Т. В.
Белушенко И.
Беседин И. С.
Бигдан В. Н.
Богатырь И.
Бокарев Г. М.
Боровко Е.
Бузяков З.
Булкин С.
Васильченко А. И.
Васина О.
Ващенко В. И.
Вдовиченко И.
Виноградова Е. А.
Виноградова Т. В.
Власенко В.
Войнилович В. И.
Войтова О. А.
Волошин С. П.
Вольный О. Ф.
Высторобская Г.
Гай Д.
Гайдамака В. М.
Гараймович Л.
Горбатов Б.
Горобий Н. И.
Городецкий И.
Горяинов В. Г.
Грейчус Р.
Гришина.
Громак Т.
Губченко Елена
Гурьев Г.
Демченко Д. С.
Дивинский Г. А.
Дивинский Ю. Г.
Долинская Е. Ф.
Дроботенко Т. С.
Дьяконова Е.
Ельшин Н. А.
Еремин М. П.
Ещенко Т.
Зайцев А. И.

Засовский Г.
Здоренко В. Ф.
Золотарев Г. А.
Иващенко Юрий
Кандель В.
Ковалева А. И.
Коленский В. П.
Колесниченко Н. Н.
Коньков Н.
Конюхова Н.,
Корж Геннадий
Коркишко В. Г.
Костенко В. П.
Красноставский Л.
Криворука В. К.
Кривченко П.
Крупка А.
Кузницын Е.
Кулик Я. Я.
Куперман В.
Лазаренко Дм.
Лепс В. Г.
Леткая Н.
Лисицын В.
Лифлянд Р. Е.
Лысенко А. П.
Лысенко Александр
Львов Александр.
Ляшенко С.
Макарова А. П.
Мартыненко Л. И.
Мезеря А. С.
Милютин И.
Мохов И.
Мухин В. П.
Мячин А.
Нападовская В. И.
Никифорова М. Г.
Озерной И. П.
Паламарчук И.
Панарин В. Г.
Пекин В. Л.
Пивоваров Д.
Полеводин Е. И.
Попова А. М.
Попытченко Ю.
Проскура В.

Протасов К. М.
Пульная В.
Пятова С.
Радченко В.
Рамазанова М.
Распопова А.
Репин А. М.
Решетняк Л. И.
Романенко С.
Романенко Н.
Ростовцев А.
Рудов В. П.
Рыкованов С.
Рязанов В.
Сахно А. В.
Селиванов Н.
Семенова А.
Семенов Г. Т.
Сергеев Е. В.
Серенков Н. М.
Скнарин Н.
Слепцов И. А.
Снегур О.
Сомова Р. А.
Стецун А. В.
Стрелянская Л.
Тараканова Яна.
Тимченко Л. П.
Ткачева Т. В.
Трофимова Е. Я.
Трушалова О.
Турцов А. А.
Уколова Н.
Ульянова Т. П.
Федорова В. И.
Филипенко С. Г.
Фролов П.
Хвостикова Н.
Хромова О.
Черноморов Н. А.
Шелото В. М.
Шембель В.
Шпилевский Р. И.
Штивель Н. Л.
Шульга П.
Щетинина Е. К.

Алфавитный указатель

А

Абрамов, лейтенант 102
Александров С. 130, 133
Алексеев Михаил 40, 41
Алиев М. 91
Алякин Павел 119
Ананенко Александр 42
Антипов 39
Анчугов А. Г. 102
Аныж Вацлав 69
Апраксимов Валентин 15
Апраксин, капитан 26
Аровин Михаил 27
Арсеев Повар 118
Артеменко Михаила 169
Артемяев Тимофей М. 73
Архипову 125
Атопина Феня 16, 135

Б

Бабак Василий 96
Баграмян И. Х. 130
Бакаич Тамара 161
Бакрадзе Давид 62
Баленко А. 96
Балин Н. И. 13
Баранов Андрей 77
Баранчук Яша 52
Барботько, капитан 40
Барсова 166
Бархатов 10
Барышников, бригадир 74
Бас 159
Батурин, подполковник 64
Башкатов Д. 151, 153 - 155
Белик Д. 158
Белогрудов Семен 156
Белый Иван 96
Беспалов Александр 3
Бесчастный Александр 10
Бирюков Иван 6
Блинков Ефим 137
Богдан 31
Боженко Владимир 51
Божко 21
Бойченко Василий 11
Бойченко Екатерина 86
Болдырев Николай 58
Бондаренко М. П. 79

Бондаренко, крепильщик 66

Бондарь В. 4
Борисенко Сергеем 158
Борисов Александр 121
Борисов И. 165
Борисовская Алла 77
Бороденко Семен 52
Борсоев В. 25, 43, 45, 46, 49, 53-56, 58, 64, 99, 103, 106, 113, 120, 121, 125, 128, 159, 165, 167
Бояринцев, майор 64, 106
Браверман Л. 128
Брагин В. Н. 77
Братков И. И. 24
Буков Иван 150
Бурлака Свирид 159
Бурмистров Петр 90
Бутлер 159
Бутырев А. 91
Бушма 105
Бушман 17
Быков 66

В

Василевская Ольга 8
Васильев Николай 73, 78, 81, 83
Васильева 105
Васильченко Лидия 68
Васин Василий 93, 158
Вахначев 66
Вдовиченко, подполковник 15
Ведерников А. Г. 85
Величко Карп 53
Величко Максим 69
Вельмакин Яшу 119
Веревкин Василий 157
Вертиев 10
Верушкин В. 70
Вершигора Петр Петрович 4
Весновский В. 137
Власкин 16
Вовк А. Т. 90
Вовченко И. 114
Водопьянов Вася 67
Войнилович Василий 34, 36
Воловик Иван 116
Воробьев, лейтенант 139
Воронько Мария 23
Воронько Платона 112

Вострикова 74
Вощенко Иосиф 75
Вуд Ден 82
Высоцкий В. 165

Г

Галахтин С. 115
Галкин, боец 160
Гапонов И. 92
Гатченко Иван 43
Гельштром “Саша” 148
Георгиевский М. 20
Гербулов В. 91
Гиргун Павел 52
Гладилин 23
Гладков, сержант 79
Гладун Василий 163
Гладышев Николай 6, 9, 13, 59, 61
Глазков 123
Глазков, шофер 122
Глущенко 14
Глянько И. 94
Голенко 9, 16
Голубевым, лейтенантом 146
Голубов Яков 16, 40, 112
Голубов, врубмашинист 66
Голубовская 74
Гонтарь, лейтенант 139
Гончаренко 23
Гончаров Анатолий Павлович 96
Гончаровой Дарье Тимофеевне 96
Горобец Иван 81, 87
Горяинов Василий 74, 76, 150, 160
Григорьев Андрей 58
Григорьев Михаил 138
Гуленко Петр 60, 66
Гусаров 74
Гусев, лейтенант 58

Д

Давыдов Федор 63
Демченко 72
Денисов Николай 63
Дербенцев Яков 71, 76, 110
Дианов Василии 92, 93, 121, 158
Диденко Маша 78
Дикий П. 140
Дмитрин, разведчик 7
Дмитров 6
Добров И. 22, 31, 54
Дробышев Дмитрий 63
Дрюшина А. 5

Дубенко Александр 151
Дубинского 114
Дубовецкий 6

Е

Ермоленко В. П. 5
Ефимов 160

Ж

Жиленков Василий 153
Жмаев Н. 90
Жукова 114

З

Заброда Мария 45
Завьялов Василий 69
Загорулько, майор 32
Задорожный, тракторист 78
Зайцев Коля 27
Зайцев, капитан 154
Заненберг Лидия 42
Запольский 128
Запорожский Михаил 101, 102
Захаров, инженер 74
Звягин Дмитрий 42
Злобину Р. 18
Знова Иван 41
Золотарев 128
Зорин Иван 11
Зорин майор 19
Зубенко 14

И

Иванников Ф. 90
Иванов А. Ф. 129
Иванов В. 52
Иванов, комбат 29
Иванов, старшина 118
Иванова 74
Иванова Зоя 111
Игнатенко, лейтенант 10, 13
Игнатенкова 10
Изотов Михаил 67, 70
Иллензеер Павел 123
Илюхина Зинаида 100
Исаев Илларион 83, 87
Ишмаматов А. 114

К

Казачук 125, 127, 129, 130
Калабухов, лейтенант 80
Калиновский Ц. 51, 52

Калужный, лейтенант 115
 Камашина А. С. 5
 Каменская Н. 17, 23
 Камышанов Иван 36
 Камышацкая Нина 78
 Карасев 162
 Карась Михаил 59, 63, 65, 106
 Карпова В. С. 85
 Карякин 23
 Касаткин 14
 Касьянов Илья 57
 Кашубо Михаил 20
 Квитка Сидор 161
 Киреев 128
 Киреев Захар 72
 Кириленко, лейтенант 73
 Кириченко 35
 Кирюшин Борис 42
 Киселев Сережа 22
 Киселев Филипп 57
 Киян Анна 38
 Кладов Михаил 163
 Кладова Наталья 168
 Клименко Данил 60, 61
 Кобяковский 69
 Ковалерчук, майор 26
 Ковальчук Виктор 36
 Ковачева Вера 139
 Ковба 17
 Ковин, подполковник 64
 Ковпака 53, 146
 Ковтун 6, 66
 Ковтун Павел 66
 Ковтуненко 23
 Ковтунова М. 157
 Коган И. 77
 Когана 105
 Козачек 74
 Козлов Николай 100, 106, 128
 Козорезов Василий 15
 Козырев, лейтенант 106, 107, 128
 Козьмин Д. В. 152
 Козьмин Дмитрий 7
 Козьмина Мария
 5, 11, 14, 15, 35, 44, 62, 71, 112,
 141, 142, 144 - 147, 149, 152
 Коленский Василий 157, 158, 159, 161
 Колесников Е. 15, 16, 149, 155
 Колоскова Мария 150
 Комаров Иван 72, 77, 81, 83, 86, 87
 Кондратьев Александр 96
 Концуров 155
 Копыто Василий 27
 Корнеев Иван 170
 Коробкин Анатолий 3, 17, 18, 21, 23,
 25-34, 36, 46, 49 - 51, 115
 Коробчук Александр 56, 70
 Корсикой Д. 67
 Корсунская В. 163
 Корчуганова В. В. 139
 Кочубей 44
 Кошевой 34
 Кошевой, связист 31
 Крапивин 74
 Краснов Александр 121
 Краснов, сержант 122
 Красноставский Л. 56
 Крюков Дмитрий 63
 Кузьмин Александр 39
 Кузьминский 10, 160
 Кулешов Владимир 109
 Кулик, Виктор 104
 Куликова 159
 Кульбако, Командир 15
 Купин 167
 Купин, полковник 64
 Куприянов 72
 Кутлач Джордж 82
 Кутневский 61
 Кучеренко, агент 156
 Кучмиев Леонид 27
 Кучмиева бригадир 159

 Л
 Лазарев 107
 Лазарев, сержант 85
 Лакай, командир взвода 165
 Лапчук, капитан 102
 Левша 168
 Легкий Николай 169
 Ленкин 62
 Леонов Г. 126, 128, 142
 Леонов Иван 66, 67
 Лепеношев К. Ф. 36
 Лепшин Алексей 63
 Лесняк Александр 78
 Лимин 69, 70
 Линник 68
 Липатников Виктор Григорьевич 139
 Литвинов А. И. 76
 Литвинов, заведующий шахтой 66
 Литовченко Иван 138, 144
 Лобода И. 122
 Лобок З. Д., капитан 82

Лобок Захар Денисович 82
Лозовкина Ю.П. 79
Лошакова Мария 124
Лысенко Алексей 67, 71, 80, 93, 95, 97,
113, 118
Лысют, капитан 80
Любинский, полковник 94
Любичская П. 80
Ляхова Катя 78
Ляшенко Иван 106, 107
Лящук Николай 52

М

Майоров И. С. 92
Макаров, водитель 31
Малахов М. 118
Малкин Виктор 12
Малов Александр
88, 91, 98, 120, 125-128, 130-132,
134-136, 140, 146, 148, 149, 151,
156, 162, 166-68
Малоненко 85
Мальцева 159
Малюта 89, 90
Малюта 90
Малютина Полина 73
Мамедов, майор 29
Мамонов М. 139
Мамонов Петр 130
Манжула Николай 113, 116
Манухин, навалотбойщик 66
Марков, капитан 124
Мартынов Федор 22
Маслакова Вера 42
Матвеев М. 89
Маша медсестра 13
Машенко Мария 11
Мезенцев, сапер 160
Мельников Алексей 119
Милин С. 67
Минасенко Петр 150
Минимухаметов Г. 91
Мирковский Евгений Иванович 7
Михайлыцын подполковник 27
Михайлов 18
Михайлов Н. 65, 66
Михайлов, лейтенант 3, 30
Миша Федоренко 44
Мищенко 14, 123
Моисеенко 17, 159
Мойсенко 69
Молодцов Александр 78

Молодцов В. 78, 98, 170
Молодцов Иван 171
Молостов Иван Федорович 74
Монастырев В. 91
Мороз Максим 59, 76
Мороз Петр Игнатьевич 48
Морозов Володя 78
Морозов, наводчики 128
Морозова А. 78
Мурузиди 8
Муха Виктор 38
Мухаметдинов, лейтенант 114
Мякишев Василий 107, 138

Н

Нагайцев Федор 17
Нагорный Павел 3, 8, 20, 24, 26, 30, 44
Нестеренко 128
Нетудыхатка Анна 9, 148
Николаев С. 166
Новиков В. А. 85
Новиков В. П. 85
Норка Мария 79
Носко И. К. 5
Носов Иван 130

О

Овсянников Андрей 90
Овсянников Ваня 67
Овчаренко 72
Овчиников, командир роты 113
Омельченко Г. З. 137
Омельченко К. 171
Онищенко Василий 132
Орел Анатолий 38, 39
Орлов Т. С. 76
Орловин С. 113, 159, 164
Остафурова 159
Охременко 72
Очеретяный В. 14

П

Павлинский Василий 158
Павлоченко 159, 168
Панков П. А. 4
Панченко Федор 22, 26
Паршиков Н. 47
Паршин Ваня 109
Патрикеева 105
Передерий 72
Першин 69
Петренко Иван 15, 154, 155

Петров Георгий 161
Петрович, солдат 19
Петунова Прасковья 156
Писаренко Николай 76
Плиев 35
Победа Н. 156
Половенко Павел 106, 137
Полупанов Н. 166
Полякова К. 78
Попов 14, 111
Потапенко Александра 32, 38
Потетюлькин П. 92, 109
Пылых 15

Р

Ратов А. И. 170
Рогоулин В. 82
Рудик, обер-ефрейтор 127, 129, 148
Русин Ваня 95
Рыбаков Степан 120
Рынковой Тимофей 64
Рычков Владимир 130
Рябикин 14
Рябов Иван 16, 18, 123

С

Сагирова 159
Садовников Федот 115, 116
Самохин Петр 69
Санников, капитан 139
Сапатюк Михайло 141, 145, 146
Сафронова Е. 165
Сахно Никита 106
Сванидзе 8
Свиридов С. М. 5
Свобода Людвик 25
Семененко Антон 88
Семенов 167
Семенов Геннадий 58
Серов Иван 41
Сидоренко 14
Сидоров, капитан 27
Симонов 128
Скнарин Н. 39
Скороходова Л. 72
Скрыпников 72
Скутов 151
Слепцов Афанасий 29
Слепцов И. А. 120, 134
Слободянюк Иван Маркович 52
Слюсарь Владимир 169
Смелев Виктор 42

Сметанин 169
Смешко Иван 12, 75
Смирнов М. 58
Соловьев 17
Солодкий Н. 123
Сорока 157
Сотников И. 48
Специальная Е. 159
Спикин Николай 139
Спицын Н. 11
Стародубцев 72
Старостенко Владимир 109, 110
Степаненко П. 160
Столяревский Николай 18, 20
Стомин Семен Иванович 5
Стребков 72
Субботин Евгений 85, 150, 165
Суворов Александр Петрович 110
Суворов Дима 78
Сударкин Я. 12
Суконный Тимофей 138
Сумин 85
Супрунова Шура 67
Суховерхов Г. 118
Сыроватская 159
Сытник Петр 160
Сытый Н. 89

Т

Танцюра Иван 55, 64
Тарабанов 14
Тараканов 8
Таран Владимир 145
Тверяхин Сергей 130
Темирбулатов Шигай Набиевич 139
Тенько Александр 130
Тимашев 69
Тимофеев, полковник 102
Тимофеева Мария 27
Титова Шура 32

Тихонов Петр 105
Тищенко А. 6, 122
Ткаченко Александр 95
Ткаченко Петр 119
Ткаченко Григорий 76
Толстов Валентин 78
Томич Стоян 82
Торкунова В. И. 85
Тошич Мирко 82
Трапезников Степан 107
Трембач К. 134

Третьяченко 159
Трофимец Петр 27
Тулупов, капитан 157
Тюрин 160
Тюрин Иван 88
Тягун Варвара 84, 91

У

Уваров Д. И. 84, 85
Удод Иван 47 - 49
Уртаев, майор 118
Устименко Евгений 53

Ф

Федоров Николай 28, 134
Федосеев Г. В. 18, 24
Федосеев, комбат 19
Фидельман 69
Филипенко, командир роты 154
Фролов И. 55, 59
Фролова 17

Х

Ханин Александр 60
Харчуков Николай 136
Хлебников Е. Н.
28, 31, 33, 83, 84, 104, 105
Хмызов В. 119
Хоменко 155
Хохленко 83
Хрипков П. 105
Хрущев Никита 70

Ц

Хрюкин Т. 83
Цивенко 70

Ч

Чабан Людмила 76
Чаплыгин Петр 118
Чекрыгин Р. И. 41
Чекунов И. 109
Чельшев К. 80
Чепик Павел 74
Чередниченко В. 140
Чернов, сержант 142
Чернов, старшина 83
Черный Сергей 78
Чернышев Андрей 42
Чернышев, лейтенант 169
Чернявская Шура 67
Чернявский В. 47, 57, 99, 114, 141, 147

Чесельницкий М. И. 155
Четвертак Ф. 78
Чичевикин 31
Чубарь Ф. 101, 103
Чубатов 83
Чугреев Михаила 36
Чумаченко Варвара 6
Чуприна Надежда 111
Чуприна, навалоотбойщик 66
Чуфаров Анатолий Зосимович 77

Ш

Шаповалов Ваня 115
Шаповалов, лейтенант 114
Швидкий 122, 130
Шевченко Григорий 171
Шевченко Иван 156
Шелуханова Б. В. 85
Шепелев В. 68 70
Ширков Василий 75, 82
Ширков Николай 57
Шичанин Сергей 118
Шиянов Николай 90
Шлеин 169
Шоленко Д. С. 95
Штрук 3, 20, 24, 26
Шувькин В. 55, 57, 62, 64, 65, 122
Шутрик Екатерина 110
Щебетовский Иван Трофимович 56
Щелоков Иван 69
Щербаков, полковник 45
Щербаков Никодим Ефремович 45
Щиголев И. 62, 73
Щукина Александра 46

Ю

Юдин Алексей 124
Юрцевич 44
Юфаров Иван 32, 84, 85, 104

Я

Якубовский, капитан 80
Якунин В. 10, 13
Якунина Екатерина 92, 119
Якушев А. 58
Янко Григорий 106
Янчин Нина 14, 44, 68, 101
Янчин Сережа 44
Яровой Иван 167
Ярцев И. 45
Яцюк Михаил 78
Ячевский Петр 150
Ященко, командир полка 52

Романов Николай Данилович
День за днем и жизнь за жизнью
1944 год

Редактор
Федорова Валентина Ивановна

Фото героев книги после войны
сделали корреспондент газеты «Красный Луч»
Владимир Александрович Доронин
и член клуба «Подвиг» Валерий Николаевич Бигдан.

Снимки военной поры — из семейных архивов.

Обложка — Дмитрия Романова.

Набор и верстка выполнены автором

Тел. (064-32) 2-30-21

8-066-2206010

E-mail: podvig@kl.lg.ua

Сдано в набор 2. 2. 2000 г. Подписано в печать 11. 02. 2005 г.
Формат 60 х 84/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать
офсетная. Усл. печ. листов 13. Усл. кр. отт. 7,70.
Тираж 500. Заказ № 1 Издательство Руденко С. А.
Донецк, ул. Миронова, 1/2, тел./факс (062) 381-05-81